

А. СВЕРДЛОВ

**СХВАТКА
С
ОБОРОТНЕМ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Annotation

Книга А. Свердлова «Схватка с Обратнем» рассказывает о том, как сотрудники КГБ, милиции и их добровольные помощники шли по следам хитрого и опасного врага, который проник в нашу страну. Читатель узнает о трудностях и опасностях, которые возникали в их нелегкой работе, связанной с разоблачением и поисками крупного вражеского разведчика и его агентуры.

- [Схватка с Обратнем](#)

-

Схватка с Оборотнем

А. С В Е Р Д Л О В

СХВАТКА с ОБОРОТНЕМ

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Дверь номера крайской гостиницы «Центральная» открыл майор Миронов. В номер вошли полковник Скворецкий и майор Луганов.

— Сколько лет не виделись, — говорил Миронов, пожимая руку полковнику.

— Порядком не виделись, — ответил полковник, — но об этом позже. А сейчас, Андрей Иванович, изложи нам задание.

— Есть изложить задание. Прошу садиться, товарищи.

Гости сели.

— Товарищи, обстоятельства, по которым Центр командировал меня сюда со специальным заданием, следующие. Нами выявлено, что в Крайске существует резидентура вражеской разведки. Установлено также, что для помощи резиденту сюда был заброшен вражеский агент под фамилией Климов. Какими сведениями располагает Крайское управление, товарищ полковник?

— О резиденте, товарищ майор? — раздумчиво спросил Скворецкий,

поглаживая седые виски.

— Да, о резиденте.

— Сведений у нас мало. Два года назад нашими пеленгаторами был засечен неизвестный передатчик. Обнаружить его не удалось. С тех пор передачи не возобновлялись. Вы, Василий Николаевич, ничего не можете добавить?

— Ничего, товарищ полковник, — ответил Луганов.

— Введите нас, товарищ Миронов, в курс вашего задания. Скажите, какая помощь от нас требуется, — предложил полковник.

— Мое задание без вашей помощи выполнить невозможно. Первое — нужна квартира, которую сдали бы приезжому. Прописки не надо. Второе — нужен почтовый ящик для связи с вами. И третье — за мной не должно быть наблюдения, чтоб я не путал наших людей с чужими.

— Нет, наблюдение необходимо, — возразил Луганов. — Иначе обстановка может усложниться.

— Возможно, вы и правы, — согласился Миронов. — Но помните, что вести наблюдение может и кое-кто другой.

— Что известно об агенте, который шел на связь с резидентом? — спросил полковник.

— Вот об этом я и хотел поговорить с вами, — сказал Миронов. — Границу он перешел в Прибалтике, а вот дальше...

Несколько минут они говорили о деле, потом полковник встал:

— Товарищ Миронов, о ходе операции будут знать в Крайске только я и майор Луганов. Мой телефон и связь, как мы уговорились, всегда в вашем распоряжении. От управления всем будет руководить Луганов. Поиски резидента и его агентов, обезвреживание их — задача его. Таким образом, вы от Центра, а Луганов от нас будете делать одно дело. К сожалению, я должен ехать, Андрей Иванович. Обстоятельства вынуждают. Вы, Василий Николаевич, договоритесь обо всем с майором Мироновым.

Миронов и Луганов были давно знакомы по совместной работе. И сейчас, оставшись вдвоем, они вспоминали прошлое, обсуждали предстоящую операцию и не заметили, как приблизился рассвет.

* * *

Климов уже несколько дней ждал ответа. Объявление о продаже радиолы «ВЭФ»-радио с подчеркнутым двумя чертами сообщением, что она не была в употреблении, он вывесил на перекрестке улиц Ленина и

Луначарского в прошлый вторник. Встреча должна была состояться сегодня или в четверг. Он уже дважды прошел мимо телеграфного столба на троллейбусной остановке: объявление белело на желтом столбе, не привлекая к себе особенного внимания. Внизу стояла строка с вымышленным адресом. Важно было само объявление. Тот, кто его прочтет, знает, куда прийти.

До двух часов еще оставалось время. Климов зашел в кафе и выпил кофе, потом попросил еще чашку кофе и два пирожка, посидел немного, обдумывая обстановку. Пока все шло неплохо. Хозяйка его новой квартиры была глухая старуха. Она спросила его лишь об одном: на какой срок он снимает квартиру. Он сказал, что не знает, все зависит от того, как пойдут дела с устройством на работу. Удастся устроиться по специальности — поживет у нее долго; не удастся — уедет через месяц. Для хозяйки было важно одно: чтобы за квартиру он заплатил вперед. Получив месячную плату, она сразу успокоилась и почти забыла о нем. Квартира находилась в большом старом доме на окраине города. Старуха доживала свой век одна в трех комнатах, обставленных тяжелыми комодами и буфетами прошлого века. Климов был доволен. И район, и квартира, и отношение хозяйки ему нравились. Похоже, что начало было положено. Теперь оставалось самое главное: встреча.

Он посмотрел на часы — половина первого. До сквера, где назначено свидание, было полчаса ходу. Но сидеть в кафе не хотелось. Он расплатился и вышел на улицу. Ветер слегка шевелил подстриженные кроны тополей. Город Климову нравился. На улицах было мало прохожих. Поглядывая в витрины магазинов, останавливаясь у газетных стендов, он попытался определить, есть ли слежка. Но он знал, как трудно определить это.

Помахивая снятым пиджаком, оглядывая прохожих, он шел небрежным, неторопливым шагом. Со стороны он выглядел отпускником, приехавшим погостить в город, известный своими достопримечательностями.

Впереди показались очертания древнего собора. Около него толпились старухи, бегали мальчишки.

Климов купил газету, свернул ее в трубочку и двинулся дальше: вниз, на следующей улице за собором, был сквер — место встречи. Он быстро дошел до него, огляделся, сел. На противоположной стороне сквера за редкими кустами играли малыши, недалеко от них, на скамейках, сидели бабушки, наблюдая за детьми. На скамейке, освещенной солнцем, читал газету пожилой человек в берете, а по соседству с ним шепталась молодая

пара, по виду — студенты. Климов, откинувшись на спинку скамьи, оглядел их всех цепким взглядом. Конечно, не исключена возможность, что кто-то из этих людей следил за ним. Солнце выкатилось из-за облаков и обдало сквер сплошным горячим блеском. Климов зажмурился и, подставив солнцу лицо, стал ждать. Время тянулось медленно. По инструкции встреча должна была произойти в течение получаса — с двух до половины третьего.

Ждать было утомительно. Он старался как можно дольше не открывать глаз и тем не менее часто косился на часы.

Поднялась и ушла молодая пара. Минут через десять ушел и человек в берете. Старушки на другой стороне сквера громко спорили о чем-то, кричали малыши. Издалека доносился шум уличного транспорта. Климов осторожно взглянул на часы. Тридцать две минуты третьего. Встреча не состоялась. Он встал, закурил и тем же неторопливым шагом двинулся к центру. Надо было проанализировать ситуацию. И вновь ждать. Следующая встреча была намечена в четверг.

* * *

Учебный год закончился. Вокруг совхоза зеленым маревом клубился лес. Шестиклассники Валера Бутенко и Дима Голубев сидели на опушке и размышляли: чем заняться летом.

— Может, на рыбалку податься? — нараспев говорил Валерка. Он был толстый и медлительный.

— Это куда же на рыбалку? — спросил, насмешливо щурясь, Димка. — На Ропщу? Там давно никакой рыбы не водится. На пруды?

— А чего? Хоть на пруды! — нерешительно тянул Валерка.

— Там курортников полно.

— Ну а чего делать?

Димка поднялся и пошел за хворостом. Скоро он приволок целый ворох хвороста.

— Спички есть?

Валерка протянул коробку. Димка разжег костер. Прикрыл его дубовой корой. Теперь пламя совсем не давало дыма.

— Закурим, что ли? — Валерка с мрачным достоинством извлек из-за пазухи две сигареты.

Курить они начали в этом году, хотя обоим это занятие не нравилось. Димка взял сигарету, прикурил от огня и важно протянул горящую лучину

Валерке. Тот тоже закурил. Через минуту оба закашлялись.

Послышались звуки голосов, и на опушку вышли двое. Одного — сухощавого и пожилого — ребята знали. Это был бухгалтер совхоза — Константин Семенович Рогачев; другой, небольшого роста, седоватый и моложавый, был нездешний.

Ребята мгновенно сунули сигареты за спины. Но Константин Семенович увидел их проделку и пригрозил пальцем. Тогда и второй заметил ребят и, приостановившись, потянул спутника за локоть. Они повернули обратно в лес. Ребята глядели им вслед. Константин Семенович вдруг оглянулся и с непонятым выражением посмотрел на ребят.

Димка отвернулся, Валерка стал смотреть в небо.

Взрослые исчезли за деревьями. Когда их негромкие, но возбужденные голоса стихли, Димка повернулся к Валерке:

— Устроит нам дядя Костя баню!

— Еще и обернулся: курим или нет, — вздохнул Валерка.

Оба помолчали. Дядя Костя был среди шестиклассников признанным авторитетом. Он давно дружил с ребятами, ходил с ними в походы. Это от него они узнали, как надо ходить по лесу без шума, от него научились подражать птичьим крикам, от него услышали, как развести бездымный костер. Дядя Костя во время войны был партизаном, иногда во время похода он рассказывал партизанские были. Но теперь, конечно, предстоял разговор о вреде курения.

— А сам небось курил, — сказал Валерка. — Нас-то будет чистить, а в партизанах без курева нельзя.

— Ты, видать, большой знаток партизанской жизни, — усмехнулся Димка. Он вдруг приостановился: — Дядя Костя когда отпуск берет?

— Прошлый год в июле брал — помнишь, мы в Рудню с ним ходили, — а в этом не знаю...

— Вечером пойдем к нему и попросимся с ним.

— Как прошлый год?

— Ага. Будем на охоту ходить, на рыбалку... Дядя Костя возьмет.

— Точно, — сказал Валерка. — Закурим по такому случаю?

— Да ну! — сказал Димка. — Мне не хочется...

— Мне тоже, — признался Валерка, — но все-таки надо... Колька Семушкин дым уже через нос кольцами пускает...

— Трепло! — перебил Димка.

— Что? — обиделся Валерка.

— Да Колька твой...

— А он не мой вовсе.

— Все равно трепло. Вставай, пойдем по домам. А в семь ты приходи, пойдем к дяде Косте.

Вечером они подошли к дому Рогачева. Свет в его окно был виден издалека. Дядя Костя жил в двухэтажном совхозном доме на первом этаже. Вокруг дома стояли липы, теснился кустарник.

— В окно поглядим, — решил Димка, — чем он занимается, а потом свистнем.

Валерка кивнул.

Стараясь не шуметь, ребята взобрались на ветви старой липы. Отсюда хорошо просматривалась комната Рогачева. Он сидел за столом и что-то торопливо писал, поминутно отрываясь и задумываясь. Сухощавое хмурое лицо его отражало тяжелые мысли.

Димка отломал сучок и повернул голову к товарищу:

— Кинем?

Но Валерка ткнул его в бок, и они затаились за ветвями, прильнув к стволу и не дыша. Дядя Костя подошел к окну и уставился во тьму.

— Видит? — еле слышно спросил Димка.

— Нет, — шепнул Валерка, — он на свету, а мы в темноте.

Дядя Костя наклонил голову, словно вслушиваясь. Потом подошел к столу, взял лист, на котором только что писал, и начал рвать его. А потом скомкал и бросил в кусты.

— Заметил куда? — дернул Димка товарища за рукав. Но тот смотрел в комнату. Димка взглянул туда же.

Дядя Костя сидел за столом, обхватив руками голову, и на лице его была такая мука, что жалость горячим комом застряла у Димки в горле.

— Валерка, айда! — И, соскочив с дерева, Димка помчался к двери дома. За ним торопился Валерка.

Когда они, постучав, приоткрыли дверь, Рогачев неподвижно сидел к ним спиной.

— Дядя Костя... — позвал Димка.

Тот медленно обернулся. Его длинноносое сумрачное лицо с минуту было строго, потом зажглось знакомой невеселой улыбкой.

— А, сорванцы! — сказал он. — Входите.

— Дядя Кость, — сказал Димка, усаживаясь на стуле напротив Рогачева, — вы чего это такой грустный? Голова болит?

— Если б голова, — сказал дядя Костя, гася улыбку. — Сердце болит, ребятки. А это похуже.

— Вы, дядя Кость, сходите к доктору, — посоветовал Валерка. — У

мамки, когда схватило, она тут же пошла к доктору. Он ей враз бюллетень выписал.

— Бюллетень тут не поможет, — сказал Рогачев, потирая виски. — Ладно. Забудем. Вы чего прибрели, пострелята? Соскучились?

— Еще как! Мы с Валеркой сегодня весь день думали, как лето провести. Хотим с вами в поход.

— Ишь ты, — сказал Рогачев, — а разве я в отпуск собирался?

— А вы соберитесь, дядя Кость, — попросил Валерка, — а то без вас скучно.

Дядя Костя усмехнулся:

— Подумаем. Раз такая уважительная причина, то почему бы и не пойти в отпуск.

— Дядя Кость, а мы видели, — сказал Димка.

— Что видели?

— Видели, как вы писали, а потом все порвали...

Рогачев нахмурился:

— Вы что ж, подсматривали?

— Так мы ж разведчики.

— Подсматривать нельзя. — Он странным взглядом посмотрел на Димку и Валерку. — Но, вообще-то говоря, хорошо, что вы пришли. Тяжко на сердце у меня.

— Вот я и говорю: на себя не похожи, — солидно произнес Димка. — А вы, дядя Кость, с нами поделитесь. Мать всегда говорит: вдвоем легче.

— Ишь ты, мудрец, — сказал дядя Костя и встал.

Долго и внимательно разглядывал он сигарету, закурил, потом заходил по комнате, ногой отодвигая стулья.

— Поделиться, оно и вправду впору, — заговорил он и перебил сам себя: — А вот еще раз с куревом встречу — выдеру! Это ты, пострел, — погрозил он пальцем Димке, — ты все заводишь. Валерка — он смирный. Ему перед товарищами выставляться не к чему, а ты, Дмитрий, смотри! Эта черта нехорошая — показушничать. Рано еще во взрослые рядиться!

— Да мы так просто, — покраснел Димка, — попробовать хотели.

— Все так и начинается! — наклонился над ним Рогачев. — Сначала попробовать, потом повторить, а там и втягиваешься... Думаешь, мне курить охота? Втянулся вот — не могу бросить. Я ведь в лагере совсем было отвык. Там сигарета или щепоть махры больше золота ценились.

— А вы в лагере сидели? — спросил Димка. — Расскажите, дядя Кость. Это в войну?

— Было дело, — неохотно сказал Рогачев, — сидел в этой клетке.

Никому не пожелаю такого. Проклятое это место. И хоть двадцать лет прошло, а кто был там, на весь свой век клейменный. Хотел я об этом забыть, да, видно, клейма ловко там ставили. До сих пор ношу...

— Так вы ж не нарочно туда попали, — сказал Димка.

— Попал-то не нарочно, — Рогачев вздохнул, — попал раненый, без памяти... Был бы здоров, вовек меня им не взять, мерзавцам! Но так не так, а попал...

— Мучили вас? — спросил Валерка.

— Мучили? Да поначалу не сказать, чтоб мучили. Там и без мученья все условия были, чтобы ноги протянуть. Но потом вот, когда приехал этот власовец, тогда уж и началось...

— Власовец — это изменник?

— Полковник РОА (Русской освободительной армии) — так они именовались. Предатель на предателе, подлец на подлеце, а главным у них был Власов, бывший наш генерал-лейтенант.

— А как же вы его распознали, дядя Кость? — тянулся к Рогачеву Димка. — Неужели никто не догадывался?

— Тут, ребята, всего не объяснишь. Порой и честные люди ни за что страдали, а негодяи вылезали. Всякое бывало. Но сколько жить буду, не забуду того полковника Соколова... Что он делал с людьми! Хитрый, подлый, умелый. И ведь завербовал некоторых в свою РОА. Неплохие парни даже были. Но оболгал, обкрутил, запугал. До сих пор не пойму, зачем я ему понадобился? Подполье нашего города — гестаповское дело, не его. Он, видно, на две фирмы работал. Меня-то взяли при обороне рации. Радиста тоже захватили. Не успел парнишка себя убить... Тут и начались фокусы. Когда Соколов стал меня допрашивать, вижу: знает он о подполье много. Думаю: кто же донес? Неужели радист? А он усмехнулся и спросил: «Думаешь, кто донес? Могу сказать — ты». У меня от этих слов аж в голове помутилось. «Гад ты, — говорю. — Не запугаешь, не на того напал». А он говорит: «Тебе, Константин Семенович, нет смысла со мной в прятки играть. Севастьянов убит. Тело его твои товарищи сами нашли. По сапогам определили, что это он. А аресты в городе идут. Значит, кто-то донес? А кто остается? Ты». Так и стал я в глазах товарищей доносчиком.

— Неужели поверили? — вырвалось у Димки.

— Должно быть, поверили, раз считали, что радист мертв. А он живехонек был. Он-то наши карты и раскрыл немцам. И, главное, не смог я и потом оправдаться, хоть стоял на своем до конца. Не сломил меня власовец. А товарищи умирали с мыслью, что Рогачев их продал.

— А потом-то вы им рассказали? — Валерка даже рот раскрыл в

ожидании ответа.

— Не перед кем потом было оправдываться. Все подполье взяли, сволочи! Видно, кто-то еще не выдержал. Расстреляли всех, а я выжил. Выжил, чтоб казнить... — заскрипел зубами Рогачев. — Бежал к партизанам. Еще год в их рядах сражался, армию встретил, все искал того гада, что хотел меня изменником сделать, да не нашел в ту пору... А теперь... — Рогачев резко поднялся. — Ладно, сорванцы, идите по домам. Разболтался я...

— Дядя Кость... — начал было Димка.

Рогачев повернул к нему длинное лицо с усталыми, покрасневшими глазами и сказал тихо:

— Идите, ребятки.

* * *

Было обычное трудовое утро. В управлении по коридорам спешили сотрудники, из кабинетов слышались резкие телефонные звонки. Луганов поднялся на второй этаж и вошел в кабинет начальника управления. Полковник Скворецкий поднял от бумаг седоволосую голову.

— Здравствуйте, майор! Какие новости?

— Пока никаких.

— Садитесь, — кивнул на стул Скворецкий. — Поговорим, Василий Николаевич, как вы себе представляете нашу задачу.

— Резидент, судя по тому, что нам рассказал майор Миронов, враг опытный и хитрый. Поэтому на быстрое обнаружение его я и не надеюсь. К тому же он прекратил или вообще не имел выходов в эфир. Сигнал, пойманный два года назад, мог быть и его рацией и принадлежать какому-нибудь радиохулигану. Выходы эти не повторились. Тут могут быть две причины: либо у него есть неизвестный нам источник связи со своим Центром, либо что-то случилось с рацией...

— Я склоняюсь ко второму предположению, — сказал полковник, — самый прямой и продуктивный метод связи — рация. И, скорее всего, именно в нее упираются затруднения резидента.

— Я с вами согласен, товарищ полковник. Однако я предполагаю, резидент затаился именно потому, что у него слабая связь с его Центром.

— Да. До сообщения из Москвы мы не чувствовали в наших местах активной деятельности чужой разведки. Ведет он себя крайне осторожно. И все-таки, судя по тому, что сообщает Центр, рация ему очень и очень

нужна. Значит, хоть одну из его слабостей мы должны иметь в виду. На этом построим один вариант выхода на резидента. Когда резидент добудет рацию и начнет выходить в эфир, он будет знать, что за ним охотятся. Сейчас он спокойнее. И вряд ли думает, что мы ищем его следы и знаем о его существовании. Это, конечно, неплохо. Имеем ли мы возможность что-либо предпринять сейчас, майор? Или остается ждать?

— Сейчас мы лишены возможности действовать активно, — ответил Луганов, — основную задачу пока несет на себе Центр. Нам предстоит ждать.

— И анализировать события, — сказал полковник. — Но, сами понимаете, нужно думать и искать более конструктивные решения. Пока у нас огромное число иксов. Кто резидент? Как выявить его агентов? Как установить их местопребывание, связи, явки... Все это впереди. Но надо обдумать некоторые закономерности, которые не могут не сложиться при работе резидентуры, тогда мы уже сможем что-нибудь предпринять. Пока мы перед чистым листом бумаги. Надо его заполнить.

— А что сообщает Миронов, товарищ полковник?

— Миронов пробует проделать то же, что и мы. Как только будет результат, он нам сообщит. А ваше дело, майор, раз вы являетесь в данном случае представителем нашего управления, не ударить лицом в грязь перед Центром.

— Постараюсь, товарищ полковник.

— С Мироновым поддерживайте связь регулярно.

— Есть, — сказал Луганов. — У меня через час свидание с ним.

— Вот и отлично.

— Разрешите идти, товарищ полковник?

— Да, товарищ майор.

Луганов и Миронов встретились в том самом номере гостиницы, что и несколько дней назад.

— Садись, Василий Николаевич, — предложил Миронов. — Как ты жил все это время?

— Ничего, — ответил Луганов, — все тебя вспоминал.

— Значит, взаимно, — рассмеялся Миронов, — черняевское дело до конца жизни помнить буду.

— Тогда было легче, — вздохнул Луганов. — У нас имелись отправные точки.

— И теперь есть, — отозвался Миронов. — Дело не в этом. Важно уже сейчас обложить его так, чтобы, как только проявится, немедленно взять

под наблюдение и его и тех, кто с ним работает.

— Как только отыщем, — сказал Луганов, — сразу начнем распутывать весь клубок. Найти бы главную нить. А данных для этого крайне мало. У вас есть они?

— Почти никаких. Знаем, что он у нас в стране не первый год, что хорошо конспирировался, что его очень ценят его хозяева и что на связь с ним именно сейчас идет агент.

— Скудновато. Пока ничего не брезжит ни у вас, ни у меня.

— Лиха беда начало. Нам бы только найти след. Тогда все пойдет. А след вот-вот проявится.

— Оптимист ты, Андрей Иванович, — усмехнулся Луганов, — это хорошо, конечно.

— А ты, Василий Николаевич, что? Не веришь в успех?

— Верю. Но тревожусь. Пока все очень зыбко.

— Ничего. И в черняевском деле данных тоже было немного. Отыскали всех и взяли всех.

— Как договоримся? Будешь мне звонить?

— Позвоню. Если у тебя что срочное, знаешь, как сообщить?

— Знаю.

— Ну, счастливо тебе, Василий Николаевич.

— И тебе счастливо, Андрей Иванович. Будем ждать.

— И действовать.

— Как и положено в нашей работе.

С утра Димка забежал за Валеркой, и они отправились в контору совхоза.

— Прямо скажем: дядя Костя, вы обещали, берите отпуск, — говорил Димка, быстро вышагивая по улице поселка.

— Он же не обещал, — сомневался Валерка.

— Молчи ты! Вечно ноешь! — кричал Димка. — Обещал — и все! Зато в такие походы ходим, что...

— Он же не обещал, — упорствовал Валерка.

У конторы совхоза стояли грузовики, входили и выходили люди. Отчитывал кого-то бригадир тракторной бригады.

Ребята проскользнули мимо спорящих, прошли по узкому коридору, Димка просунул голову в дверь бухгалтерии:

— Настасья Алексеевна, дядя Костя где?

Младший бухгалтер, полная ворчливая женщина, оторвалась от счетов.

— Нет вашего дяди Кости... Что это с Рогачевым, не заболел ли? —

спросила она у кассира.

— Вчера вроде здоров был, — сказала та, — выносил ведро. Свет в комнате горел. Ты мальчишек-то и пошли, Насть, пусть спросят: если болен, не надо ли чего?

Димка, не дожидаясь окончания разговора, закрыл дверь и побежал к выходу, Валерка за ним. Они пронеслись по главной улице поселка, свернули к дому Рогачева и вдруг увидели толпу людей у дверей, машину «скорой помощи», милицию.

Они подбежали к дому и скоро уже толкались в толпе и молча расширенными глазами смотрели друг на друга.

— Эт ведь надо ж — себя жисти решить! — говорила рослая повариха из совхозной столовой. — Недаром, бабы, таким бирюком он жил. Женщин сторонился, с людьми не знался...

— Шпиён, как есть шпиён, — вторила старушка пенсионерка Ниловна, — и в письме, что директор читал, там все прописано.

Димка, таща за собой Валерку, пробился к крыльцу. Вдруг толпа отпрянула и напряглась. Два санитаря неловко вынесли на носилках укрытое простыней тело, из-под простыни торчали носки начищенных ботинок.

Мальчишки, не веря глазам, смотрели на носилки, на начищенные носки ботинок.

— Пустите! — вдруг кинулся вперед Димка. — Дядя Костя!

Милиционер взял его за плечо.

— Ты куда лезешь? Какой еще дядя Костя?

— Это ж дядя Костя на носилках! Что с ним? — спросил Димка.

— Иди-ка отсюда, малец. Наворочал делов твой дядя Костя...

— Как это наворочал? — закричал Димка. — Вы что такое говорите?

— Говорю: домой иди!

Валерка заплакал:

— Дим! За что он...

К ребятам подошел директор школы.

— Голубев, Бутенко, идите-ка, правда, домой. Зачем вам здесь толкаться... И ведь надо же, как мы с этим Рогачевым промахнулись!

— Что вы такое говорите, Никита Семенович, — закричал Димка, — он замечательный человек! Он в лагере сидел. Его пытали! А он не выдал никого!

Директор положил руки на плечи ребят и отвел их в палисадник. Отсюда не было слышно людских пересудов. Ревела, разворачиваясь, «скорая помощь».

— Ребята, — сказал директор, — мы в школе Рогачева приняли с распростертыми объятиями. С вами он ходил в походы. Вы его полюбили. Ничего странного в этом нет. Взрослые и то ошиблись... Так вот, Рогачев оказался очень плохим человеком. — Директор пристально посмотрел на ребят сквозь очки и замигал глазами. — Вам, я понимаю, сейчас больно. Но такой человек недостоин жалости!

— Да какой «такой»? — всхлипывал Валерка. — Он хороший был, он нам о войне рассказывал...

— А еще о чем? — насторожился директор.

— Ни о чем плохом никогда! — Димка исподлобья взглянул на директора. — И всегда выручал. Вон когда Толька Шмыганов ногу подвернул, он его пять километров на спине нес... Вы нам не говорите, что он плохой, мы все равно не поверим!

— Как же ты можешь, Голубев, так разговаривать со старшими? Если я говорю, так знаю, что говорю. Он письмо оставил, в нем написал о своей жизни. Он действительно был подпольщиком, попал в лагерь, но там не выдержал, предал товарищей. И повесился оттого, что заговорила совесть.

Димка встал со скамьи и пошел прочь из палисадника. Его догнал Валерка. Они долго шли молча. Вышли за поселок, подошли к опушке. Здесь Димка повалился в траву.

— Никогда не поверю, — сказал он, подымая голову, на щеках блестели слезы, — что хочешь делай, не поверю, что дядя Костя был изменник!

— А тогда-то, — сказал Валерка, шмыгая носом, — помнишь, вечером-то... он говорил, что получается вроде он изменник...

— Он и говорил, что получается, а на самом деле он никого не выдал!

— Узнать бы, что он в письме написал!

— Так нам и покажут.

Они полежали молча. Потом Димка встал.

— Айда к нему! Возьмем на память какую-нибудь вещь.

Дождавшись вечера, они подошли к дому. Однако попасть в комнату нечего было и думать. Соседи и просто прохожие с самого утра толпились под окнами Рогачева, обсуждали происшествие.

— Прямо так и написал в письме, — ораторствовала в толпе повариха, — мол, я не человек и не заслуживаю снисхождения. Сам себе и выношу, мол, приговор.

— Вишь, душегуб-то какой был!

— Оно хоть и душегуб, а совесть не всю растерял, — вмешался старик на костылях, — сам, вишь, себя прикончил. На это тоже силу надо.

— Прямо так в письме и прописал, — продолжала повариха.
— Это ведь при нас он тогда письмо писал! — сказал вдруг Валерка.
— Точно. Помнишь, еще выбросил! — шепнул Димка. — Проверим, вдруг найдем.

Ребята направились в палисадник. Там, раздвигая ветки кустов, заглядывая под деревья, они старательно искали письмо.

— Я же помню, он в комок смял и бросил, — говорил Димка.

— Сначала разорвал, — уточнил Валерка.

Они долго искали в кустах. Димка елозил на корточках возле самых корней. Наконец он вскрикнул.

— Ты что? — подполз к нему Валерка.

— Нашел! — свистящим шепотом сказал Димка.

Бумага была сильно измята и разорвана на мелкие клочки. Сложить клочки и прочитать в темноте письмо было нелегко. И ребята решили: Димка возьмет письмо. А утром, когда родители уйдут на работу, к нему придет Валерка, и они вместе соберут и прочтут письмо.

...Димка открыл дверь в квартиру и услышал из кухни голос матери:

— И кто бы мог подумать? — сокрушалась она. — Такой человек приветливый...

— Не говори, Анастасья, — прервал отец, — человек был темный. Ни с кем не сходилась, разве что огольцов любил, вот вроде нашего...

— Ты где был? — накинулась на Димку мать. — Ты что думаешь, раз каникулы, так можно бегать где попало? Садись ужинать!

Димка уселся за столом, угрюмо глянул на отца.

— Дядя Костя хороший был человек.

— Ну, кому ж знать, как не тебе, — отозвался отец. — Вам конфетку в рот сунь, вот и хороший человек.

— Никаких конфет он нам не давал, — исподлобья посматривая на отца, ворчал Димка, — он в походы с нами ходил, Ваську на спине пять километров нес...

— Послушай, Димок, — сказал отец и вытер усы рушником, — хоть и не дорос ты до таких вопросов, но знай: даром человек над собой сильничать не будет. От хороших дел не удавится...

— И в письме ведь прямо об этом написал, — перебила мать, — мол, служил немцам, обманул Родину...

— Так он же не служил, — почти со слезами перебил Димка, — он же нам рассказывал! Они его пытали, а он молчал...

— Молчал... — усмехнулся отец. — Знаешь, кто молчал? Одни герои молчали. А остальные-то говорили. Не говорили бы, не перебили бы немцы

столько нашего брата. А твой дядя Костя не больно-то на героя походил.

— Да он... — раскрыл было рот Димка.

— Марш из-за стола, — закричала мать, — совсем распустился! Двенадцать часов, а он тут разливается. Завтра с утра никуда не убежать! Перины будем выбивать и другие вещи сушить.

Димка выбрался из-за стола и побрел к кровати. На душе было горько и сиротливо. Не мог он поверить, что дядя Костя враг, служил немцам. Не был бы он тогда таким добрым. Но может, струсил? А потом переживал? Вот сам Димка в прошлом году, когда Колька Мельников дал ему в зубы, сначала так ошалел, что даже не ответил. И ребята все так и считали, что он струсил. А потом после уроков он этому Мельникову таких фингалов насажал!.. Но что же дядя Костя все-таки писал в письме? Димка прислушался. Из спальни доносилось хриплое дыхание отца, матери не было слышно. Он встал, прокрался к столу, где висели брюки, вынул измятое и порванное письмо и, на цыпочках войдя в кухню, зажег свет.

Димка осторожно расправил клочки бумаги, огляделся, достал из хлебницы ломоть черного мякиша и попытался им склеить кусочки бумаги. Не получалось. Зато ему удалось собрать из клочков письмо. Синие буквы были нацарапаны торопливым и все-таки аккуратным бухгалтерским почерком.

«Не знаю, как писать, — стояло в письме, — не знаю, смогут ли поверить во второй раз, как поверили в первый. Тогда была война, и людей можно было проверить в деле. Сейчас можно только верить или не верить. Проверить нельзя. Впрочем, можно. Его можно проверить... Он на государственной службе, значит, есть личное дело, а его можно сличить... Сбиваюсь с мысли... Товарищи, во время войны, при защите радиопередатчика подпольщиков, я был ранен и попал в концлагерь под Львовом. Меня пытал и допрашивал страшный человек. Тогда он звался полковником Соколовым. Это был власовец, хитрый, умный и опасный мерзавец. И вот в нашем совхозе я встречаю приезжего, он командирован из города... Я понимаю, что возможна ошибка, но тут ее нет. Я полковника Соколова узнал бы, кажется, и на том свете...»

На этом письмо обрывалось. Димка бережно собрал кусочки, разгладил и сунул их за майку.

Был четверг. Климов с утра ходил по городу, зашел в кинотеатр, без особого интереса высидел полтора часа на фильме «Однажды вечером» и направился к скверу, где должно было состояться свидание. Там, как и в прошлый раз два дня назад, носились вприпрыжку малыши и сидели на скамейках их бабушки. Он опустился на лавочку, положил на колени пиджак, обмахнулся свернутой в трубку газетой. Положение было довольно неопределенное. А ничто так не выводит из себя, как неопределенность. К тому же хозяйка стала интересоваться, как обстоит дело с устройством на работу и с пропиской, а это было неприятно. Короче говоря, Климов чувствовал уже второй день некоторое волнение. Операция затягивалась. Человек, с которым он должен был встретиться, не пришел на первую встречу, хотя она была нужнее ему, чем Климову. И все-таки Климов верил в успех.

Вдыхая крепкий запах жасмина, Климов поглядывал на часы. Мимо него прошел и сел на соседнюю лавочку длинный угловатый человек в потрепанном коричневом костюме и кепке. Появился пенсионер с газетой. Раскрыл ее, сел неподалеку и стал читать, шевеля губами. Было семь минут третьего. Пробежал мимо малыш, катя перед собой колесо, за ним семенила бабушка, покрикивая:

— Колюшка, остановись! Колюшка, упадешь!..

Но Колюшка летел и гудел, как паровоз.

Рядом с Климовым на лавочку опустился высокий человек в соломенной шляпе.

— Уф, жара, — сказал он, приглядываясь к Климову, — дышать невозможно.

— Да, парит, — согласился Климов, расстегивая ворот сорочки и приспуская галстук.

— Теперь бы на речку с удочкой, — сказал человек в шляпе, — вот бы пошли дела!

— Рыболов! — усмехнулся Климов.

— Рыболов, охотник, турист — все, что хочешь, — ответил высокий в шляпе. — Люблю, понимаешь, природу нашу. Родился-то в деревне. Да и сейчас нет-нет, а в нашу Тополевку наведываюсь. Вы-то городской?

Климов внимательно оглядел соседа. Шляпа надвинута на лоб, на красноватом от загара лице спокойные серые глаза, длинный рот с крепкими зубами. Что это — любопытство?

— Городской. Родился в Москве.

— В столице, значит, — определил сосед. — Я там бывал. Ты из какого района?

— С Красной Пресни.

— Ну, — обрадовался высокий, — у меня там брат живет. Волков переулок. Не знаешь?

— Как не знать, — ответил Климов, прищуриваясь. — Ты-то из какой области по рождению?

— Полтавский.

— Как там у вас? Гоголевские места.

— Да у нас там и Короленко жил, — похвастался сосед. — У нас места — на весь Союз лучше не сыщешь! Вот в сентябре в отпуск как махну, так меня оттуда не вытянешь.

Климов скользнул взглядом по волосатому запястью соседа. Было тридцать пять минут третьего. Снова сорвалось свидание, да к тому же этот тип... Черт его знает, с чего он так к нему прицепился?

— Пожалуй, пойду, — сказал он, вставая, — засиделся.

— Не в пивную? — привстал сосед.

— Нет, по делам. — И, энергично кивнув, чтобы пресечь все попытки соседа присоединиться, Климов зашагал к выходу из сквера. Сейчас он проверит, кто и зачем подсел к нему на скамью.

Он вышел, пересек улицу, забежал во двор многоэтажного дома и, зайдя в подъезд, поднялся по лестнице. Как он и предвидел, окна подъезда выходили на сквер. Осторожно, чтобы его не было видно с улицы, выглянул в окно. Сосед по лавочке сидел, угрюмо ковыряя землю каким-то прутиком. Потом поднялся, посмотрел по сторонам и подошел к человеку в коричневом костюме. Тот поднял голову, выслушал, что ему говорит высокий в шляпе, и отрицательно покачал головой. Высокий снял шляпу, почесал затылок и неторопливо побрел из сквера.

«В пивную искал товарища», — решил Климов.

Он спустился во двор, пересек его и вышел на другую улицу.

«Итак, все переносится на следующую неделю, — подумал Климов. — Посмотрим. Если опять не придет, будет похоже на катастрофу... Ничего, надо ждать и не скулить. Там увидим, как и что. Будем действовать по обстоятельствам».

— Ну что у вас? — встретил полковник Скворецкий входящего Луганова.

— Новостей нет, — сообщил Луганов.

— Так. — Полковник привычно пригладил волосы на затылке. — Тут есть одна новость, слышали?

— Какая, товарищ полковник?

— В совхозе «Октябрьский» умер бухгалтер. Некий Рогачев.

— Не слышал, товарищ полковник.

— Смерть неожиданная. Похоже на самоубийство. Но все может быть... Милиция расследовала. Утверждает — самоубийство.

— У вас есть сомнения?

— У меня есть пожелание.

— Слушаю, товарищ полковник.

— Надо постараться выяснить: нет ли причинной связи между этим убийством и работой резидента. Проверить надо. Тем более что покойник оставил письмо. Странное письмо.

— Что в нем?

— Сообщает, что погиб от угрызений совести, что когда-то в немецком тылу был в подполье, потом предал товарищей и с тех пор жил с сознанием своей страшной вины перед людьми... В общем, письмо сами почитайте... Поручите расследование толковому сотруднику и посмотрите, нет ли здесь каких-либо нитей, ведущих к работе чужой разведки.

— Хорошо, товарищ полковник.

— С Мироновым держите связь?

— Держу, товарищ полковник.

— Как у него?

— Выясняет, товарищ полковник. Пока ничего нового.

— Можете идти. Как наметится что-либо конкретное, немедленно ставьте меня в известность.

Луганов прошел в свой кабинет, затребовал письмо бухгалтера Рогачева и долго его изучал. Потом позвонил одному из своих сотрудников:

— Займитесь делом Рогачева из совхоза «Октябрьский». Осмотрите там все. Прикиньте, не похоже ли это на убийство. Постарайтесь взвесить все обстоятельства и завтра мне доложите выводы.

— Слушаюсь, товарищ майор, — сказал голос в трубке.

Луганов еще долго сидел в кабинете. Он обдумывал факты, которые к нему стекались за последнее время. То, что Крайск мог быть избран резиденцией вражеских шпионов, похоже на правду. Город большой, промышленный. В нем штаб военного округа, оборонные предприятия. Вокруг много научно-исследовательских институтов, деятельностью которых всегда очень интересуются на Западе. Одно только удивительно. Несколько лет назад именно здесь, в Крайске, они с Мироновым взяли

крупного вражеского агента, действовавшего под фамилией Черняев. Казалось бы, со стороны вражеской разведки вторично организовывать работу на месте, где она только что потерпела неудачу, было большой дерзостью. Но манил их Крайск чем-то очень важным. И, скорее всего, предприятиями, связанными с атомным производством.

* * *

Валерка, разинув рот, смотрел на товарища. На побледневшем его лице явственно выделялись веснушки. Димка тоже смотрел на него. Лицо его выражало упорство, зеленые глаза отчаянно блестели.

— Согласен?

Валерка, проглотив слюну, молча кивнул.

— Взрослым — никому! — приказал Димка. — Они все поверили. Пусть! Мы одни знаем, какой был дядя Костя. И мы найдем этого гада.

— Дим, — жалобно сказал Валерка, — может, в милицию сходим? Письмо-то надо показать.

— Нет, — отрезал Димка, — никому. Когда отыщем предателя, тогда пусть все знают. А пока — никому.

— Но как искать-то? — пробормотал Валерка.

Они сидели недалеко от автобусной остановки. Утром Валерка забежал за Димкой, тот вывел его в сад и там прочитал черновик письма Рогачева. Теперь они собирались в город, но зачем, Валерка еще не знал.

— Я сегодня уже в бухгалтерии был, — сказал Димка. — Они там всех знают. Сначала все спрашивали: зачем они мне. Потом назвали. За эти два месяца у нас в совхозе были четверо. Понял? Один из них и есть тот Соколов. Только, конечно, под другой фамилией. Вот смотри. — Он сунул под нос Валерке бумагу с косо нацарапанными фамилиями: Кузькин, Варюхин из облисполкома, Аверкин из облпрофсовета и Дорохов из облплана. Понял?

— Ну? Что, так и сунешься к ним: вы Рогачева знали? Кто ж скажет? Еще по шее вломят.

— Не вломят. Я буду спрашивать, а твое дело следить, как у него настроение изменится. Если это он, знаешь как встревожится!

— Не знаю, — недоверчиво произнес Валерка, — может, лучше как похитрее...

Показался автобус.

— Ты думай, — сказал Димка обиженно. — Придумаешь, что

похитрее, я посмотрю. А пока поехали.

Первым на очереди был облизполком. В огромном вестибюле, полном людей, ребята растерялись. Выручил милиционер.

— Вам чего, пацаны? — подошел он.

— Дядя, — кинулся к нему Димка, — нам надо найти Варюхина и Кузькина!

— Это все равно что иголку в сене, — сказал милиционер. — У нас тут поболее пятисот человек работает, где ж я вам их запомню.

— А что же делать?

— Очень нужно, стало быть?

— Очень.

— Поднимитесь на второй этаж, увидите вывеску: «Председатель областного Совета депутатов трудящихся». Зайдите. У секретарши спросите. Она должна знать.

Минуты через три ребята уже стояли перед столом женщины средних лет, которая не спеша причесывалась, поглядывая в зеркало.

— Слушаю, — сказала она нараспев.

— Нам надо найти Кузькина и Варюхина.

— По какому делу?

— По важному.

— По личному или по работе?

Ребята замялись.

— Кузькин в двести тридцать первой, Варюхин в двести четырнадцатой, — величественно объявила секретарша.

Когда ребята вошли, трое людей за столами подняли голову.

— Вы к кому, мальчики? — спросил один из них, лысоватый полный человек.

— Нам бы Кузькина, — сказал Димка.

Валерка, совершенно потерявшийся в такой обстановке, дышал ему в затылок.

— Я Кузькин. По какому делу?

— Вы в совхоз «Октябрьский» ездили? — тяжело дыша, спросил Димка. Начиналось главное, а он почти потерял дар речи. Хоть бы Валерка не сопел за спиной.

— Ездил. А что?

— Бух-гал-тера дядю Костю там видели? — спросил Димка, стараясь не отрывать глаз от лица Кузькина и весь заливаясь краской.

— Бухгалтера? — размышлял человек. — Возможно, и видел. А какое это имеет отношение к вашему визиту?

— Не знаете его, нет? — допытывался Димка.

За остальными столами заулыбались.

— Видите ли, — тоже улыбнулся Кузькин, — если вы спрашиваете, был ли я ему официально представлен, то нет. Я в основном был там по делам общественным.

Ребята, промычав нечленораздельно «до свидания», выскочили в коридор.

— Ну? — спросил Димка.

— Не буду больше ходить! — зло крикнул Валерка. — Разве так узнаешь?

— Струсил? — презрительно улыбаясь, сказал Димка. — Как вошел, так и струсил.

— Я струсил?

— А то кто?

— И-ди ты! — приближаясь, сказал Валерка.

Но раздалась голоса: из соседней комнаты, оживленно разговаривая, вышли двое людей.

— Пошли к Варюхину, — шепнул Димка, — это близко.

Он решительно зашагал по коридору, покрытому дорожкой, и скоро с облегчением услышал за собой мягкий топоток Валерки.

Двести четырнадцатая была огромная комната, полная столов и людей.

Димка дошел до первого и спросил:

— Скажите, где Варюхин?

— Лука Фомич будет только во второй половине дня, — не отрываясь от бумаг, проговорила пожилая женщина в очках.

Они вышли из комнаты, сбежали вниз.

— Теперь в облпрофсовет! — решил Димка. Но Валерка упрямо отводил глаза. — Поехали! — Димка махнул в сторону подходившего троллейбуса. — Это на Чкалове.

— Иди один, — сказал Валерка, носком ботинка ковыряя асфальт. — Тебе это интересно, а мне — нет.

— Что? — нахмурился Димка. — Тебе на дядю Костю наплевать? Ну так ступай! — В ярости он ринулся с тротуара, чуть не попал под отчаянно завизжавшую тормозами «Волгу» и вскочил в троллейбус.

Валерка, которому и хотелось-то всего только отдохнуть, расстроился почти до слез. Теперь Димка сочтет его за слабака. Он же только хотел... Ох, как некрасиво получилось! Валерка даже руками прикрыл лицо. Предал друга! Как только стало чуть потяжелее, сразу оставил товарища в нелегком деле одного.

— Тетя, — он остановил женщину с хозяйственной сумкой, — как доехать до облпрофсовета?

— Вот на пятерке, — махнула рукой женщина. — Как раз до площади. Там во Дворце профсоюзов.

Во Дворец профсоюзов Валерка не пошел. Он справедливо рассудил, что в этом громадном здании он скорее потеряет, чем найдет Димку. Поэтому сел в сквере напротив и стал ждать. Сначала он решил подойти и все объяснить Димке, но это было неприятно. Лучше всего сидеть и следить. И потом, когда Димка выйдет, продолжать следить за ним. А перед тем, как он сядет в автобус на совхоз, показаться ему и с тем же автобусом доехать до дома. Чтоб Димка видел, что друг его не бросил, а вроде бы страховал, как в настоящем расследовании. Валерка вздохнул и, успокоенный, стал поглядывать в сторону входа во Дворец профсоюзов.

А в это время Димка стоял перед Аверкиным — невысоким седоватым человеком, недоуменно рассматривавшим его через стол.

— Какой Рогачев, — недовольным тонким голосом спрашивал Аверкин, — что это еще за разговоры? Почему я должен быть знаком с бухгалтером? Какое самоубийство? Ничего не понимаю, и вообще, кто тебе дал право мешать мне работать?

Димка пробкой вылетел из кабинета. Сбегая по ступеням, думал: после такого разговора Валерку на петле не затащить на остальные встречи.

Теперь он двинулся обратно в облисполком. Там был Варюхин и, как он выяснил у милиционера, в том же здании, но на этаж выше располагалась и плановая комиссия. Когда он сажился в троллейбус, ему показалось, что среди толпы он видит Валерку. Но сколько он ни смотрел потом, среди пассажиров не было никого, даже отдаленно похожего на его друга. «И черт с ним! — решил Димка. — Я-то думал, он правда друг. А оказалось, как чуть потруднее, враз хвост поджал. Больше даже разговаривать с ним не буду!» Но, несмотря на принятое решение, на сердце было тоскливо.

Понурился, он вошел в вестибюль облисполкома, поднялся на третий этаж. На двери табличка: «Плановая комиссия при областном Совете депутатов трудящихся». Он пошел вдоль коридора, читая таблички с фамилиями. В одной из комнат стоял невысокий светловолосый человек со спортивной выправкой.

Услышав скрип двери, он обернулся. Красивое узкое лицо его с ямочкой на подбородке, с узким длинным ртом и зелеными пристальными глазами сразу расположило Димку к доверию.

— Здравствуйте, — сказал Димка, — я из совхоза «Октябрьский».

— Здравствуй, мальчик, — сказал человек, отходя от окна и садясь за стол, — ты ко мне?

— Вы Дорохов Михаил Александрович?

— Я. Садись в кресло.

Димка важно кивнул и сел.

— Так что же тебя привело ко мне из совхоза «Октябрьский»?

— Вы были у нас в командировке?

Зеленые спокойные глаза внимательно оглядели Димку.

— Кажется, был... Да, точно был. А что?

— Вы нашего бухгалтера знали?

— Рогачева? Знал... А в чем, собственно, дело?

— А вы его уже давно знали? — спросил Димка, входя во вкус игры. Человек этот ему нравился, и хотелось, чтобы он понял, что мальчишка, который сидит напротив него, не просто отнимает у него рабочее время, а занят важным делом.

— Как давно? — спросил Дорохов. — Вот ездил в командировку и познакомился. Но к чему это тебе надо знать? Тебя как зовут?

— Голубев Дима. Я вам расскажу, Михаил Александрович, почему. Дядя Костя повесился...

— Это Рогачев? — вскрикнул Дорохов.

— Ну да, — сказал Димка, — и письмо оставил, что он служил немцам...

— Мерзавец! — Дорохов ударил по столу так, что зазвенело стекло под пресс-папье. — А я — то думал, с чего это он такой неразговорчивый... Совесь была нечиста.

— Все вы так думаете, — хмуро сказал Димка. — А если это все подстроено? Нам дядя Костя перед смертью рассказал, что он видел одного предателя, теперь этот предатель сменил фамилию, вот мы его и ищем.

— Таинственно, — сказал Дорохов, — но чем помочь, не знаю. — Он взял трубку и набрал номер. — Ефим? Зайди ко мне, и быстро. — Он положил трубку. — Это, конечно, хорошо, что вы такие бдительные теперь растете, — сказал он, с одобрением глядя на Димку, — мы росли немного другими. Играли, бегали... А вы — молодцы, хоть сейчас забирай служить в органы... Ты в каком классе?

— В шестом. В седьмой перешел. — Димка охотно отвечал на вопросы. Он с удовольствием поболтал бы и еще, но надо было идти к Варюхину. — Я, пожалуй, пойду, — сказал он нерешительно. — Мне тут еще надо к одному заглянуть.

Дорохов улыбнулся:

— Собственно, ты кого это ищешь? Уж не предателя ли?

Димка покраснел, но выдавать тайну не хотел.

— Да нет. Так просто хожу.

— А-га, — сказал Дорохов, о чем-то думая, — а ты, значит, в шестом... В общественных мероприятиях участвуешь?

Димка открыл было рот, чтобы рассказать, что они делают в кружке красных следопытов, но какой-то человек заглянул в дверь, и Дорохов заторопился:

— Извини, мальчик, дела. Заходи, еще что-нибудь расскажешь.

Димка вышел в коридор, а человек прошел в кабинет.

Теперь оставался Варюхин. Димка уже тревожился. Он обошел всех. И хотя Аверкии его почти выгнал, но даже и он не был похож на предателя.

Он спустился на второй этаж и подошел к большой комнате, где должен был находиться Варюхин. В открытую дверь видны были сотрудники, склоненные над бумагами.

Он подошел к уже знакомой женщине в очках:

— Товарищ Варюхин пришел?

Женщина, не отрываясь от бумаг, ткнула авторучкой куда-то назад, и Димка увидел за столом громогласно кричавшего в трубку рослого обрюзгшего человека.

— Чтоб рамы были! — кричал он. — Ты, Сергей, помни, что я тебе сказал. Не будет рам, на глаза мне не показывайся! — Он с грохотом бросил трубку на рычаг и оглядел комнату маленькими глазами.

И вдруг Димка, попав в поле зрения этих острых глаз, содрогнулся.

«Он, — подумал Димка, — точно, он. Предатель!»

— Это еще что! Ты зачем сюда?

Димка попятился.

— Подойди! — громынул Варюхин.

Димка почувствовал, как ослабли у него ноги. С трудом заставил он себя шагнуть вперед. «Вот как дяде Косте приходилось», — подумал он.

— Ты это по чью душу тут кружишь? — спросил Варюхин. — А ну, отвечай!

— Вы к нам в совхоз приезжали? — стараясь, чтоб не дрогнул голос, спросил Димка.

— В какой еще совхоз?

— В «Октябрьский».

— Приезжал. А ты здесь при чем?

— А бухгалтера нашего знали... Рогачева?

— И бухгалтера знал. Ты-то, спрашиваю, здесь при чем?

— А притом, что вы при немцах служили! — выпалил Димка, исподлобья всматриваясь в багровую физиономию Варюхина. — Власовец вы! Вот кто!

Сзади заговорили сотрудники.

— Мальчик, — крикнул кто-то, — не мешай работать!

— Что ты сказал! А ну, поди сюда! — приказал Варюхин.

Огромный, он ринулся к Димке, животом отодвинул стол, но Димка уже выбежал в коридор.

«Все ясно, — думал он, — этот! Теперь в милицию».

Но когда он вылетел на улицу, пыла в нем поубавилось.

«А как доказать? — думал он. — Еще засмеют! А то, пожалуй, и в школу пожалуются...»

Он побрел вдоль витрин главной улицы, свернул на Ворошилова, потом на Советскую.

«Нет, надо все обдумать. Что же делать? Может, отцу рассказать? Тот посоветует».

«На речку, что ли, сходить? — подумал он. — Нет, лучше в лес. Или еще лучше лесом пойти к поселку». Он свернул на улицу, ведущую к шоссе. Скоро показались крайние строения. Вдалеке чернел лес. Димка снял с ног кеды и зашагал босиком.

Валерка, дожидаясь Димку возле облизполкома, с завистью следил, как городские ребята покупают мороженое. Денег у Валерки не было. Есть хотелось. Хотелось и пить. Было жарко. А Димка все еще шнырял по этому облизполкому. Один из городских мальчишек подошел и сел рядом с Валеркой на скамейку у памятника. Глотая слюни, Валерка отвернулся. Городской посмотрел, потом подвинулся к Валерке.

— Хочешь? — спросил он, протягивая мороженое. — На!

Валерка покосился на него. Вид у парня был свойский. Валерка замотал головой и отвернулся. Из дверей облизполкома выходили и входили люди. Вышел высокий человек в кепке и остановился, закуривая. Минуты через три выскочил наконец Димка.

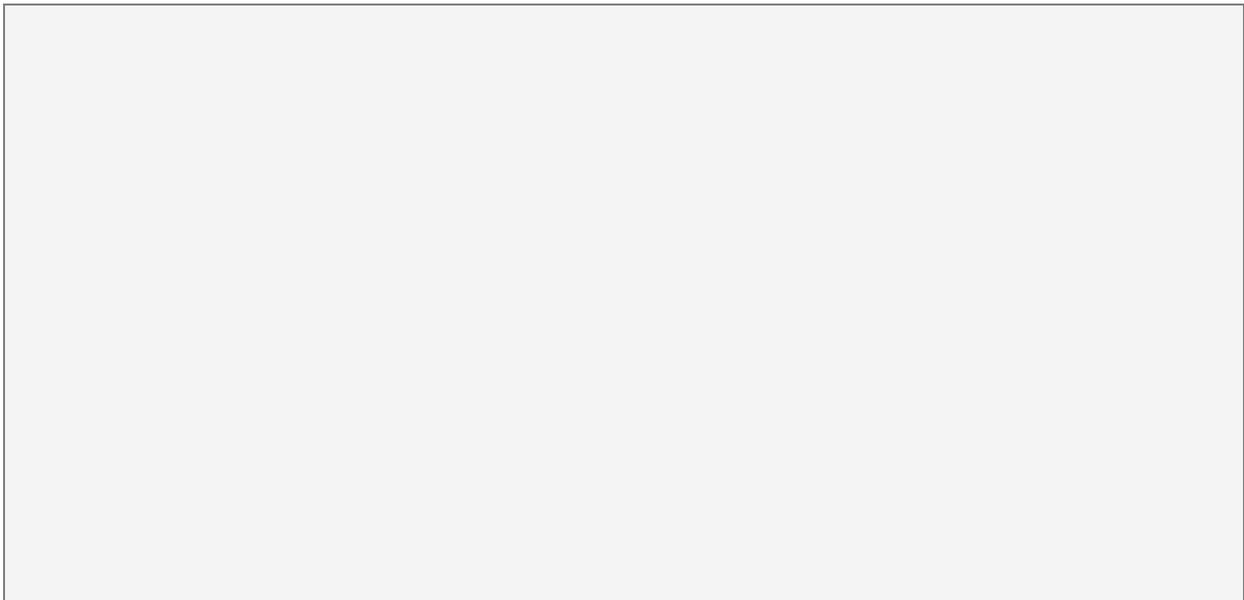
Валерка съезжился на лавочке, стал смотреть в другую сторону, потом взглянул в сторону облизполкома. Димка лениво брел по улице. Тогда Валерка перебежал на другую сторону и, немного отстав, пошел за Димкой. Так брели они, разделенные расстоянием метров в двадцать: впереди Димка, за ним позади — наискось — Валерка. Одно только немного тревожило Валерку: прямо впереди него шел высокий человек в кепке, тот самый, что вышел из облизполкома незадолго до Димки, и куда бы ни

свернул Димка, туда же сворачивал высокий. Сначала Валерке это показалось случайностью, но вот они выбрались из города, вышли на шоссе. Димка остановился и скинул кеды. Тотчас же остановился и высокий.

Димка побрел по стежке у обочины шоссе. Высокий поступил в точности так, как мог бы сделать Валерка. Он перешел на другую сторону шоссе и шел теперь, по-прежнему чуть отставая, параллельно Димке. Валерка встревожился. Человек этот был в синей рабочей рубашке и в широких брюках. Он шел не спеша, покуривал и делал вид, что не следит за Димкой, однако стоило Димке остановиться, останавливался и он.

Валерка крался сзади. Высокий его не видел. Валерка шел вплотную к самой линии деревьев лесозащитной полосы, высаженных вдоль дороги. По шоссе мчались машины, мотоциклы. Прохожих почти не было. До совхоза оставалось километра два. Начинало смеркаться. Теперь надо было свернуть на проселочную дорогу, проходящую через перелесок. Валерке стало страшно. Он не знал, что делать. Высокий уже настигал Димку. Вот первые кусты. Димка исчез из виду, и тотчас же высокий бесшумно побежал за ним. Валерка вдруг испытал такой ужас, что ноги у него подогнулись. Но там впереди был Димка... И он помчался к нему. Страшно и тонко вскрикнул Димка. Валерка тоже закричал и, ничего не видя перед собой, выскочил на проселок. Под кустом светлела Димкина рубашка.

Валерка приближался, весь трясясь, на подгибающихся ногах... На стриженной Димкиной голове, странно заведенной за плечо, темнело черное пятно. Валерка закричал и упал рядом с товарищем.

Климов прошелся по улице, постоял на троллейбусной остановке. Объявление все еще висело. Радиола марки «ВЭФ»-радио по-прежнему продавалась. Сегодня он в третий раз шел на свидание. Настроение у него становилось все подавленней. Задание, которое ему было поручено, еще не было выполнено. До контрольного срока оставалась последняя встреча. Если резидент не выйдет и сегодня, надо уезжать.

Денек был хмурый, и он, надев пиджак, шел по скверу. Но по заданию он обязан был сидеть с пиджаком, перекинутым через руку и с газетой в другой руке. Поэтому, чуть поеживаясь, он сел на облюбованную лавочку, перебросил пиджак через руку, постучал свернутой в трубку газетой по колену и начал ждать.

Все вокруг было как всегда. Старушки переговаривались между собой, читали или вязали, бегали ребята. Сидели несколько пенсионеров, оживленно сообщая друг другу свежие политические новости. Мужчина в коричневом костюме и в кепке подошел и сел на лавочку рядом. Климов присматривался. Это был длинный угловатый человек с туповатой физиономией и мутным взглядом. Чем, интересно, занимается? Сейчас рабочее время, а он шляется по улицам. Может быть, работает в ночную смену? Лицо отечное — пьет. Длиннорук и, видимо, силен. Лет около сорока, может быть, чуть больше. Человек в коричневом костюме похлопал себя по карманам, взглянул в сторону Климова и поднялся.

— Закурить, случаем, не найдется? — спросил он, подходя.

— Прошу. — Климов протянул ему пачку сигарет.

— Вот спасибо, — прочувственно закивал мужчина и потянул из пачки сразу три сигареты: — Ничего?

— Можно, — разрешил Климов.

— Спасибо, — сказал подошедший. — Вы в Крайске как? Постоянно проживаете или временно?

— Временно, — поднял голову Климов, — но скоро буду жить постоянно.

— Имеете квартиру?

— Да, с телефоном и газом.

Они посмотрели друг на друга. Пароль был сказан.

— Пошли, — сказал мужчина в коричневом.

И Климов, вздохнув, встал. Вот она, встреча. Не так он ее себе

представлял, но самое главное, что она произошла, значит, в коричневом наблюдал за ним. Он ведь и в прошлый раз был в сквере. Они зашагали по проходному двору, свернули в какой-то переулок и вышли на улицу.

— Как шеф? — спросил Климов.

— Увидишь, — сказал посланец. — Как там у вас?

— А у вас?

— У нас-то на мази.

Они шли, негромко перекидываясь словами, по проспекту, мимо с глухим ропотом шин проносились автомобили, автобусы; прохожих было немного.

— Скоро придем, — сообщил провожатый. — Шеф давно тебя ждет.

— Что же раньше не приходил в сквер?

— Проверяли. Мог быть хвост. Шеф у нас мужик с головой: пока не убедится, ни шагу навстречу не сделает.

На перекрестке провожатый Климова глянул на окна многоэтажного дома — в какие именно, Климов не смог заметить — и вдруг встал как вкопанный.

— Ты что? — спросил Климов.

— Погоди, — отмахнулся провожатый.

Он продолжал упорно смотреть куда-то вверх.

— Что-нибудь случилось? — спросил Климов.

— Вот чего, — повернулся к нему провожатый, — ты где устроился?

— Снял комнату.

— Ты пока поживи там. Адрес какой?

— Да в чем дело?

— А в том... Да погоди... Стой... я сейчас... — Он перебежал улицу, нырнул под арку и исчез.

Климов изумленно поглядел ему вслед, прислонился к железному барьеру, отгораживающему тротуар от улицы, и начал ждать.

Прошло минут пятнадцать. Провожатого не было. Климов с нарастающей тревогой обшарил глазами окна углового здания. На первом этаже все они были задвинуты занавесками. На втором жильцы меньше таились от улицы, порой видно было, как за раздвинутыми шторами мелькали лица. Выше предосторожностей было еще меньше. На четвертом этаже шторы в одном окне были сдвинуты в середину, собраны в жгут. Климов продолжал смотреть на них, сознавая, что провожатого уже не будет. Что-то случилось.

Прождав час, Климов повернулся и медленно побрел обратно. Произошло что-то такое, отчего его миссия лишалась значения.

В кабинет Скворецкого Луганов вошел быстрым и четким шагом и попросил разрешения доложить о ходе операции. Скворецкий кивнул, приглашая его высказаться.

— Товарищ полковник, мы вышли на след резидента. Оперативная группа ведет наблюдение. Кроме того, установлен дом, в котором находилась конспиративная квартира. Сама квартира еще не выяснена, но устанавливается.

— О всех новых сведениях тут же докладывайте, — кивнул полковник. — Как дела у Миронова?

— Непонятно, товарищ полковник. Постараюсь выяснить сразу после доклада.

— Товарищ полковник, — открыв дверь, спросила секретарша, — тут к вам по срочному делу...

— У меня с майором тоже срочные дела.

— Извините, товарищ полковник, но он по поводу убийства в совхозе «Октябрьский».

— Очень кстати, — отозвался Луганов, — это как раз по второй части моего доклада, товарищ полковник.

— Просите, — сказал Скворецкий.

Вошел веснушчатый рыжеватый мальчик лет тринадцати, с растерянным красным лицом.

— Ну, пионер, — ласково поощрил его Скворецкий, — докладывай, что там у тебя.

— Мне надо самого главного.

— Вот товарищ Скворецкий, полковник, самый главный у нас в управлении, — сказал Луганов. — Ты о чем нам хочешь сообщить?

— Прежде познакомимся, — перебил полковник. — Меня зовут Кирилл Петрович, майора — Василий Николаевич, а тебя?

— Меня — Валерка... Валерка Бутенко.

— Так о чем ты нам хотел сообщить, Валерий? — спросил Скворецкий. — Теперь мы знакомы, можно и поделиться секретами.

— Да какой секрет! — растерянно пробормотал Валерка. — Просто... — он всхлипнул, — просто они Димку убили!

— Кто «они»? — спросил Луганов.

— Они! Предатели! — крикнул Валерка и глухо зарыдал.

Пока его утешали, пока отпаивали, Луганов вышел, чтобы узнать, как идет следствие в совхозе, и, когда вернулся, плачущий Валерка уже рассказывал:

— Я закричал, а тот сразу сгинул. Я даже не знаю куда. Я, видно, кричал так громко, что даже на шоссе слышали. Шоферы прибежали и какие-то прохожие...

— Так, — произнес полковник и пригладил волосы, — так... Что ж, Валерий, очень, очень жаль, что вы с Димкой такие неразумные. Вы разве не знали, куда идти?

— Да мы про-пробовали с милиционером по-о-го-ворить, — опять заплакал Валерка, — а он нас прогнал!

— Где письмо Рогачева, о котором говорил?

— Оно у меня. Дома. Я у Димки вынул. Он его с собой возил...

— Василий Николаевич, — резко сказал Скворецкий, — немедленно поезжайте вместе с мальчиком к нему домой! Привезите письмо.

— Есть, товарищ полковник.

Луганов взял за руку Валерку и заспешил вниз. Машина уже ждала. Через полчаса были в совхозе.

Еще через полтора часа полковник, Миронов и Луганов сидели в номере гостиницы «Центральной».

— Итак, можно кое-что констатировать, — начал полковник, — ситуация несколько усложнилась.

— Что-то не сработало, Кирилл Петрович, — сказал Миронов. — Это я понимаю, но все еще не нашел ошибки...

— Подождите, Андрей Иванович, — перебил Скворецкий, — где-то была, возможно, допущена ошибка. Но мы не знаем, вы ли виновны или кто другой. Наконец, пока еще не установлено: ошибка это или случайность. Наконец, есть свои успехи и у нас. Давайте конкретнее разберемся, что же случилось. С одной стороны, мы ведем сейчас человека, причастного к деятельности резидента. По тому, что мы о нем уже знаем, едва ли он может быть резидентом. Но, во всяком случае, человек был от него. Таким образом, след взят. С другой стороны, неожиданно что-то произошло с самим резидентом, потому что была отменена встреча его с агентом, привезшим инструкцию и рацию, а это могло быть вследствие двух причин: или вы, Андрей Иванович, как Климов, чем-то себя дискредитировали и вам не поверили...

— Но чем?...

— Или, — продолжал полковник, глядя в упор своими черными глазами на Миронова, — произошло что-то настолько внезапное, что резидент вынужден был удрать, не дожидаясь связника, а это явление экстраординарное.

— Я склоняюсь к первой версии, — сказал Луганов, — вас, Андрей

Иванович, мог подвести настоящий Климов... То есть и он, возможно, не Климов, но шел он к нам под этой фамилией... Он мог не сообщить каких-то дополнительных данных, в результате резидент, следивший за вами со стороны, заметил и понял, что вы не тот, за кого себя выдаете.

— Андрей Иванович, вам надо связаться с Центром, — сказал полковник, — похоже, пора кончать с конспирацией. Считайте, что Миронов в роли Климова свое дело сделал. Миронов может работать как Миронов. Думаю, вас, Андрей Иванович, полностью переключить на оперативную работу, а майор Луганов будет у нас заниматься не менее, если не более, важной задачей: убийствами в совхозе «Октябрьский». Полковник РОА Соколов — это важная птица. Согласны, товарищи?

— Согласны, — дружно ответили офицеры.

— На сегодня хватит. Завтра после связи с Центром оперативное совещание. Будем проводить его здесь.

— Центр переключает вас, Андрей Иванович на обычную работу, — сказал на следующий вечер Скворецкий, — так что вчерашний план остается в силе. Вы будете руководить в Крайске операцией по поимке резидента, майор Луганов полностью займется власовцем Соколовым. Сейчас давайте-ка представим картину в целом, изложим версии, которые у каждого возникли, и попробуем прийти к единому решению. Начинайте, Андрей Иванович.

Миронов встал.

— Две недели назад в Прибалтике был схвачен агент. Он сопротивлялся, пробовал отстреливаться, но пограничники взяли его невредимым. В числе предметов, бывших при Климове — так агент назвал себя, — оказалась вот эта рация. — Миронов отошел в угол комнаты и показал маленький чемоданчик с легко отскакивающей крышечкой, внутри поблескивали лампы и переключатели передатчика. — Захваченный сообщил, что заброшен для связи с резидентом. Резидент у нас здесь давний, отлично законспирированный, и только недавно он начал свою деятельность всерьез. У него Климов не должен был задерживаться, его задача — передать рацию и инструкции. Инструкции были такие: собрать данные по пропускной способности железных дорог и авиалиний Крайского военного округа, завести знакомства в среде военных и военпредов и некоторых из них использовать в качестве агентов. Кроме того, Климов должен был доставить резиденту деньги. — Миронов поставил на стол чемодан: в нем были толстые пачки советских купюр, а под ними несколько пачек долларов. — Это на всякий случай, — пояснил

Миронов. — У нас теперь тоже появились любители этих зелененьких бумажек, и резиденту они быгодились. Климов сообщил, что у резидента был дополнительный канал связи, но он не устраивал резидента, так как сведения через него передавались крайне медленно, а деньги вообще пересылать было опасно. О самом резиденте Климов не знал ничего. Никогда его прежде не встречал. Резидент был предупрежден, что после появления на троллейбусной остановке, угол улиц Ленина и Луначарского, объявления о продаже радиолы «ВЭФ»-радио, не бывшей в употреблении — эти слова подчеркнуты два раза, — его будут ждать в сквере за собором в течение трех дней: вторник следующей недели, четверга следующей недели и вторника второй недели. После неудачи трех свиданий встреча отменялась, и Климов должен был возвращаться обратно. Вот то немногое, что мы знали. По решению руководства я должен был стать Климовым, встретиться с резидентом и взять у него данные. Как видите, товарищи, этого сделать не удалось, — Миронов отер вспотевший лоб, — не удалось при крайне таинственных обстоятельствах.

— Ваши предположения о причинах неудачи? — спросил Скворецкий. — Вы согласны с версиями, которые я высказал вчера?

— Да, — ответил Миронов, — версий может быть только две. Элемент случайности я отмечаю. Свидание с Климовым было слишком нужно резиденту, чтобы он мог отказаться от него по случайному подозрению. Следовательно, либо Климов нам не сказал всего, что было необходимо для свидания, изменил пароль, умолчал о чем-то, либо произошло событие из ряда вон выходящее, которое заставило убежать моего провожатого.

— Будем рассуждать дальше, — сказал полковник. — Если бы Климов не сказал вам каких-то деталей, важных для встречи, то провожатый удрал бы еще в сквере. Он же, как вы говорите, был совершенно спокоен, говорил с вами о шефе, чего бы не позволил себе агент, сомневающийся в связнике, значит — назовем его условно Длинный, — чувствовал себя уверенно.

— Пожалуй, что так, — согласился Миронов. — Да, он был настроен безмятежно, и если бы он сомневался во мне, меня следовало бы убрать. Мы шли закоулками, проходными дворами, и для этого у него была возможность.

— Перед угловым зданием на улице Калинина он поначалу был настроен также?

— Да. Потом что-то заметил. Мне показалось — в окнах дома, и это его ошеломило. Но сам я ничего не приметил. Он же перепугался, бросил меня, сбежал.

— Похоже, что произошло все-таки что-то экстраординарное, —

сказал полковник.

Зазвонил телефон.

— Это, должно быть, меня. — Скворецкий снял трубку.

— Скворецкий слушает. Так-так... Выяснили, какой поезд? До какой станции?... Ясно. Продолжайте наблюдение.

Он повесил трубку.

— Мое мнение об экстраординарности происшедшего подтверждается. Человек, который был послан встретить вас, майор, взял билет на поезд Крайск — Москва. Со встречи с вами он был все время под наблюдением. Сбежав от вас, он кинулся через проходной двор на другую улицу, поспешно сел в вагон трамвая, часа три ездил, явно в опасении слежки, меняя транспорт, по всем районам города, ночь провел на берегу, куда-то звонил по автомату, куда, к сожалению, не выяснили. После этого опять бродил по городу и вот сейчас взял билет на поезд. Какие будут мнения по этому вопросу?

— Я думаю, товарищ полковник, — сказал Миронов, — надо держать его под наблюдением до Москвы, а там взять, если понадобится, или передать наблюдение за ним московским товарищам.

— Вы, Луганов?

— Я тоже считаю, что брать его сейчас неразумно. Надо продолжать наблюдение.

— Согласен. Кому поручим, товарищ майор, это дело?

— Я думаю, лейтенанту Мехошину, — как всегда неторопливо, заговорил Луганов. — Он довольно верно, на мой взгляд, действовал в совхозе «Октябрьский» и наткнулся на интересное дело, еще до убийства Димы Голубева.

— Договорились. Повторяю: человек, за которого возьмется Мехошин, будет у нас проходить под условным названием «Длинный».

Полковник позвонил.

— Мехошин? Говорит Скворецкий. Как у вас дела?... Неплохо? Отлично. Готовьтесь, лейтенант, вам ночью выезжать в срочную командировку. Да. Свяжитесь через десять минут с оперотделом. Там вам дадут конкретные указания.

Пока полковник звонил, два майора тихонько переговаривались.

— Как чувствовал себя в шкуре Климова? — спрашивал Луганов.

— Вжился, Василий Николаевич, — рассказывал Миронов вполголоса, — даже пытался рассуждать как скрытый антисоветчик: ага, очереди у них есть, нехватка товаров широкого потребления... Готовил донесения шефу.

Они засмеялись.

Полковник повесил трубку и сказал:

— Значит, теперь резидентом полностью займется Миронов. А сейчас, Василий Николаевич, расскажите о своих находках.

— Дело, товарищи, оказалось очень непростым, — заговорил Луганов. — Сначала о Рогачеве. Сведения о нем таковы. Перед войной работал бухгалтером в одном из обкомов на западе Белоруссии. В партии с двадцатых годов, человек проверенный, прекрасно знающий свое дело. Женился поздно, любил семью. Отдавал ей все свободное время. В начале войны эшелон с женой и детьми попал под бомбежку. Оба ребенка и жена погибли. Сам Рогачев был по его просьбе оставлен в подполье. С подпольем в городе история тяжелая и запутанная. До сих пор местные товарищи не сводят в ней концы с концами. Первое подполье было разгромлено через несколько недель после прихода немцев. Рогачев и несколько товарищей уцелели. Они организовали второе подполье. Месяца через два оно было тоже разгромлено немцами. Радист был убит, а Рогачева, тяжело раненного при попытке спасти радиста, взяли немцы. Надо сказать, что между первым и вторым подпольем Рогачев уходил к партизанам. Здесь у нас есть характеристика его от командования отрядом. Характеристика положительная. Указывается на выдержку в самых трудных обстоятельствах, на мужество и твердость Рогачева, а также на любовь, которую он вызвал у товарищей, несмотря на внешне угрюмый характер и замкнутость. В характеристике указывается также, что идейная подготовка товарища Рогачева отличная, он не только сам понимал цели борьбы, но и проводил политическую работу с колеблющимися или малограмотными.

В партизанском отряде он был довольно долго и только в начале сорок третьего года его направили в город, а скоро была разгромлена подпольная организация.

Раненого, его отправили в Львовский спецлагерь, созданный немцами для особо непокорных пленных, из которых немцы вербовали агентуру. В то время Канарис и другие руководители абвера особенно остро нуждались в хороших агентах. Львовский лагерь был экспериментальным. В него направляли людей стойких, выдержанных. И работа с ними велась не обычными гитлеровскими методами, а путем переубеждения. Вот почему там оказался Рогачев.

Есть в его биографии и настораживающие моменты. Первое: он остался жив при двух разгромах подполья. Кстати, причины разгрома сейчас выясняют местные товарищи. Работа трудная. Архивы гестапо

немцы сожгли при вступлении наших частей в город.

Далее. В лагере Рогачев пробыл до сорок четвертого года, сбежал при следующих обстоятельствах. Группу заключенных вывезли на расстрел. На рассвете следующего дня обходчик нашел в кустах у железнодорожного полотна окровавленного человека в лагерной одежде. Раны были серьезные — в грудь и плечо. С большим трудом Рогачева выносили. Несколько раз он был при смерти. Железнодорожник и его семья, вышедшие Рогачева, живы. В случае необходимости можно навести справки через Львов.

Все трое закурили, задумались.

— Картина сложная, — сказал полковник. — Рогачева будем проверять. Это важно. От того, какое из его писем подлинное, зависит многое. Кстати, что говорят эксперты? Убийство это или самоубийство?

— Мнения разделились. Милицейские эксперты утверждают, что самоубийство. Я вызвал экспертов из Крайска. Профессора говорят, без особой, правда, уверенности, что убийство вполне допустимо, судя по некоторым данным.

— А графологи что говорят о письмах Рогачева?

— Вот тут больше ясности. После очень серьезного исследования выяснено, что подлинным является письмо Рогачева, доставленное нам Валерой Бутенко. Второе письмо — искусно составленная фальшивка.

— Значит, убийство?

— Убийство, товарищ полковник.

— Это снимает с Рогачева подозрение в предательстве во время войны, — сказал Миронов.

— С таким заключением подождем, — решил полковник. — Львовские товарищи будут выяснять на месте. Наше дело разобраться в том, кому выгодно было уничтожить Рогачева. Что вы для этого предприняли?

— Прежде всего сопоставив данные, которые получил Дима Голубев перед своей смертью, я пришел к выводу, что убийцей был кто-то из тех, с кем он разговаривал в городе. Я перепроверил его данные и получил те же фамилии, что и он: Кузькин, Аверкин, Дорохов и Варюхин. За это время они только и оказались среди командированных, посетивших совхоз. Поэтому я собрал сведения обо всех четверых.

— Перекур, — предложил полковник, — посидим, поговорим, потом продолжим... Андрей Иванович, как там Таня, что пишет?

Миронов улыбнулся. Это был первый неофициальный разговор, который начал полковник. Они со Скворецким знали друг друга еще с

войны, когда тринадцатилетний Андрей, потерявший родителей, нашел в партизанском отряде новую семью. С тех пор Скворецкий стал его руководителем и другом. Когда Миронов начал рассказывать о том, что пишет жена, лицо полковника помрачнело. Миронов понял настроение Скворецкого. Полгода назад умерла его жена — Таисья Васильевна, и Скворецкий еще не оправился от горя.

— Давайте продолжим, — сказал Скворецкий, когда смущенный Миронов замолчал.

Луганов, давно уже понявший состояние полковника, поспешно заговорил:

— Начнем с Варюхина. Уроженец Крайска. Вместе с родителями еще до войны переезжает в Западную Сибирь, там кончает техникум, потом работа, служба в армии, война. Всему есть документальные подтверждения, всему кроме одного периода. Осенью сорок второго года под Моздоком Варюхин попал в немецкий плен, был увезен в лагерь для военнопленных в Югославию. Через два-три месяца пребывания в лагере он сбежал и добрался до югославских партизан. У них он сражался до весны сорок пятого года, когда и вернулся в ряды нашей армии. Югославское партизанское командование дало Варюхину отличную характеристику.

— Значит, здесь все в порядке? — спросил полковник.

— Не совсем, — отозвался Луганов, — один период неясен. В тот момент, когда пришли наши части, Варюхин дрался не в том партизанском отряде, куда попал вначале, а в другом. Подразделение, в котором он начинал свою партизанскую деятельность, было отрезано и уничтожено немцами в Боснийских горах. Спаслись лишь двое: Варюхин и один серб. Но тот скоро погиб в случайной перестрелке.

— Хорошо. Учесть это надо. Какие характеристики имеются на Варюхина?

— Характеристики, в общем, неплохие. Но я провел некоторую перепроверку. Если в случае с Рогачевым у меня сложилось впечатление положительное: принципиален, мужествен, любит детей, — то с Варюхиным вопрос осложняется. Судя по всему, это человек себялюбивый, эгоистичный по отношению к семье и детям, очень скрытен и хитер, судя по характеристикам сослуживцев, конечно, неофициальным.

— Сложно, сложно, — сказал полковник. — Конечно, жаль, что во время войны мы многое не документировали, теперь это доставляет большие трудности. Но, с другой стороны, как это было делать? Бумаги могли попасть к врагу. Партизанская война — это тяжелая и оплаченная

большой кровью работа. В ней было столько случайностей, иногда трагических... Конечно, сейчас не проверишь, как получилось, что Варюхин уцелел и выбрался живым, тогда как знавшие гораздо лучше условия страны и местности товарищи погибли. Но что ж, попробуем разобраться иным путем. Какой период в его деятельности нам хуже всего известен?

— С лета сорок второго по весну сорок пятого.

— Отметим. — Полковник задумался. — Партизаны, партизаны... Ты, Андрей, помнишь, у нас была Женя-радистка?

Миронов покачал головой:

— Может, уже не при мне, Кирилл Петрович?

— При тебе. Но, правда, она быстро исчезла. Я послал ее в райцентр. Дал ей задание служить в гебитскомендатуре. Она немецкий язык знала, могла принести огромную пользу. Плакала девчонка, говорила: не сможет, руки на себя наложит. Но пошла. Присылала нам самые точные, самые верные данные. Они нас выручали не раз. Когда наши прорвались и были уже в двадцати километрах, послал людей для спасения ее. Те задержались, а когда пришли, ее уже местные жители убили. Как «немецкую овчарку». Что было делать? Не мог же я всем рассказать, что она наша. И она не могла. Вот она, подпольная работа, партизанская война...

Наступило молчание.

— Однако продолжим. С Варюхиным кое-что выяснили. Дальше. — И полковник вопросительно глянул на Луганова.

— Кузькин. Тридцать лет, бывший комсомольский работник. Вся биография прослеживается. Здешний, крайский. Масса людей его знает.

— Пойдем дальше.

— Дорохов. Тут тоже не все ясно. Но чище, чем у Варюхина. Родом из-под Ростова, с первых дней войны на фронте. Почти непрерывно в боях. Характеристики блестящие. Неоднократно ранен и награжден. В июле сорок четвертого года, командуя батальоном, был ранен и взят в плен под Резекне. В лагере ничем себя не проявил. Освободили пленных американцы. Около года пробыл в лагере перемещенных лиц под Мюнхеном. Весной сорок шестого возвращен на родину. Прошел проверку. По окончании ее работал в Томске, Воронеже, Крайске. Семью потерял во время войны, сейчас женат, детей не имеет. По личному делу видно, что работник опытный и старательный. В общественной работе участвует.

— Ясно, — сказал Скворецкий. — Последний.

— Аверкин. Тут тоже все документировано и легко найти свидетелей. За границей не был, в войне не участвовал, работал в тылу. Сейчас работает

в облсовпрофе, характеристики хорошие. Живет с матерью. Человек замкнутый. По-моему, к Рогачеву отношения не имеет.

— Почему вы так думаете? — спросил Скворецкий.

— В своем письме, признанном подлинным, Рогачев пишет о таинственной личности, в которую и упираются все обстоятельства дела. Он пишет о полковнике РОА Соколове. Именно с ним имел он дело в спецлагере подо Львовом, именно встреча с ним в наши дни так потрясла его. Убийство Рогачева мог совершить только полковник Соколов и его люди. Кто из четверых мог быть полковником Соколовым? Только двое: Варюхин или Дорохов, остальные не были у немцев в плену и не могли стать власовцами.

— Все правильно, но почему мы ищем среди этих четверых? — спросил Миронов. — Мало ли в совхозе бывало посторонних?

— Но Рогачев пишет о том, что этот человек был командирован в их совхоз.

— Да, круг поисков обозначен, — согласился полковник, — искать надо среди этой четверки, и более всего подозрительны двое участников войны. Но выводы делать рано Вы, майор, затребовали из Центра данные о Соколове?

— Да, товарищ полковник, завтра будут.

* * *

Лейтенант Мехошин нервничал. Объявили отправление, а Длинного не было. Лейтенант, правда, знал, что по пятам врага идут товарищи, но все же Длинному уже пора было быть в поезде. Мехошин в штатском костюме, похожий на спортсмена, сидел на своем месте, а неподалеку от него должен был расположиться Длинный. В другом конце вагона, у выхода, болтал с соседями парень в свитере — второй сотрудник. Таким образом, если бы Длинный был на месте, оба выхода из вагона были бы ему перекрыты.

Загудел электровоз. Мехошин встал. И в это время по вагону, помахивая сумкой с надписью «Аэрофлот», прошел высокий угловатый человек, что-то жуя и лениво оглядывая пассажиров. Мехошин вздохнул спокойнее: это был Длинный. В окне поплыли провожающие, станционные здания... Поезд все ускорял и ускорял ход. Мехошин увидел, что парень в свитере уже сражается в шахматы, а Длинный сидит, почесывая голову, словно в раздумье. В отражении стекол было видно все, что делается в соседнем купе.

Длинный уже копошился над своим чемоданом, затем сел оглядел публику и лениво подбросил колоду карт.

— Желаящие и сочувствующие есть?

Коренастый человек на руках спустился с полки.

— В дурачка?

— В очко.

— Неинтересно без денег.

— А я про что? — Длинный оглянулся и зашептал в ухо коренастому.

Тот выслушал и полез на полку:

— Нет, поищи других.

Длинный оглядел собравшихся, подумал. Потом встал и пошел из вагона. Поезд уже набрал ход. Мехошин увидел, как парень в свитере, пропустив Длинного, пошел за ним. Немного погодя встал и он.

В спальных и купированных вагонах у раскрытых окон болтали пассажиры. Мехошин, задевая их плечом, шел по проходам. Вот и вагон-ресторан. За первым же столом сидел парень в свитере. Длинный сидел за столом один, официантка записывала его заказ.

— Селедка — первое, — говорил Длинный, — а то давай две. Потом борщ. Потом вот это — бифштекс. И...

— Кроме водки, что пить будете?

— Чай, — сказал Длинный, облизывая губы, — чай, и покрепче.

Официантка ушла. Мехошин сел через столик от Длинного.

Через несколько минут около Длинного сел грузный мужчина в распахнутой нейлоновой сорочке. Пот заливал ему глаза.

Мехошин заказал салат и бутылку минеральной воды. В вагон-ресторане было жарко. Он все время прислушивался к разговору за соседним столиком.

— А теперь по своей специальности работаете? — спрашивал Длинный.

— Завбазой, — скрипуче хвастал толстяк, — все начальство в Крайске знакомое.

— Выпьем, землячок. Вроде я тебя знаю.

— Выпьем. А я вас не припомню что-то. Ну, со знакомством! Меня Николай зовут, Николай Агафоныч.

— Меня — Алексей.

— Поехали.

— Рванули.

Мехошин потягивал минеральную воду.

— Ты по какой части? — расспрашивал Длинного толстяк. — Шофер?

— Я человек свободный, — солидно говорил Длинный, — пенсионер. Личную пенсию за фронт получаю.

— А какое ранение?

— Инвалид первой группы. В голове дырка есть и в желудке. Так что есть за что от государства получать.

— В пехоте служил?

— В разведке.

— На каком фронте?

— На Первом Белорусском.

— А какая армия?

— Шестьдесят пятая. Батов командующий, не слышал?

— Нет. Я Второго Украинского. У нас Малиновский.

— Знаю. Выпьем?

Оба заметно хмелели. Однако Мехошин, следя за разговором, чувствовал, что Длинный ведет какую-то свою линию.

— И далече сейчас? — спрашивал он у толстяка.

— В Москву, — объяснял тот, — в Москву, Леха! — обнимал он Длинного. — Друг, а помнишь, как воевали? Помнишь? А теперь не ценят!..

— В Москву-то по делам едешь? — спрашивал Длинный.

— По делам-то по делам, но и по личному тоже, — откровенничал толстяк. — Хочу, Леха, купить «чайку»!

— «Ча-ай-ку»! — изумился Длинный.

— Ага, — гордясь, но не подавая виду, говорил толстяк. — Хочу, Леха, чтоб все знали, кто я такой есть.

— Так ты ее для личной надобности?

— Точно, тетка!

— Да я не Коля, а Алексей!

— Алексей так Алексей! Мне лестно, понимаешь, Леха, чтоб все видели, как Николай Агафонович Зайцев живет. Пусть видят!

— Эт верно!.. В картишки не балуетесь, Николай Агафонович?

— Нет, Алексей, не из дураков мы!

— Да я так, просто для интеллигентного человека пульку раскидать.

— Преф?

— Ну да.

— А какая твоя наличность?

— Об этом оставьте, Николай Агафонович, — хвастливо сказал Длинный, — наличность имеется. Не на «чайку», может, а на «москвича» будет.

— Пошли!

— Нет погоды, допьем.

Они допили и изрядно под хмельком встали из-за стола. Длинный, выходя, оглянулся, и Мехошин поразился трезвой зоркости его взгляда.

Подождав минуты три, встал и он. Расплатившись, не торопясь прошел по вагонам. В спальном у окна стоял парень в свитере. Он молча кивнул на купе.

За закрытой дверью слышалось:

— Беру.

— Ставлю.

— Банк.

Мехошин прошел в свое купе. Лучше всего караулить Длинного было у его места.

Все постепенно задремали. Примерно через час Мехошин, приоткрыв глаза, заметил, что Длинный встает. Он лениво побрел через вагон. Шел позевывая и оглядывая спящих. Около парня в свитере он замедлил шаг. Тот спал. Длинный зашел в туалет. Сквозь стекло двери Мехошин следил за тем, что будет дальше. Минут через пять Длинный, все так же лениво поглядывая на спящих, прошел на свое место. Через минуту он уже вовсю высвистывал носом.

Поезд мчался через просторы ночи. Вентиляторы гудели. Скоро Мехошин не столько услышал, сколько почувствовал легкий шорох и, приоткрыв глаза, увидел спину Длинного. Тот брел по вагону, одетый, но без сумки, сунув руки в карманы. Когда за ним закрылась дверь в тамбур, Мехошин кинулся к дверям. Подбежал и сотрудник в свитере.

— Что делать, товарищ лейтенант? — спросил он шепотом.

В это время сквозь грохот колес послышался удар. Мехошин рванул дверь и выскочил в тамбур. Дверь из вагона была распахнута, Длинного не было.

— Прыгнул! — крикнул, перекрывая шум колес и ветра, сотрудник в свитере.

Мехошин высунулся из вагона. Почти прижавшись к железнодорожной насыпи, сквозил лес.

— Вы — до станции! — приказал он, оборачиваясь к сотруднику. — Немедленно сообщите о случившемся. Я — за ним!

Мехошин взглянул на проносящиеся внизу кусты, на секунду завис в воздухе и... прыгнул.

Он ободрал локти и колени, и только. Выпрямившись, он потер ушибы и вынул пистолет из кармана. Вокруг глухо гудел лес, рельсы лежали

далеко вверху.

Длинный прыгнул километра полтора назад, и, по расчету Мехошина, он пошел по тропинке в сторону, противоположную движению поезда. Луна светила ясно. Тени от деревьев подрагивали на смутных полянах. Мехошин за каждым кустом видел человека. Но надо было спешить. Скоро за деревьями замелькала тропа.

Лейтенант вышел на нее; под ногами хрустели сухие ветки. И он подумал, что сейчас его услышит и глухой, хотя знал, что преувеличивает. Шороха, шелеста и хруста хватало в лесу. Он шел и раздумывал, правильно ли он поступил. Но как бы то ни было, а район этот скоро будет прочесан. Найдут его, а вот найдут ли Длинного? Тропинка впереди круто спускалась в овраг. Вокруг шумели огромные березы. Мехошин уже миновал кусты при спуске, как вдруг сзади раздался шорох. Он резко обернулся: на возвышении, ясно вырисованная лунным светом, стояла высокая угловатая фигура.

— Земляк, — сказал хриловатый знакомый голос, — куда топаешь?

— А ты кто будешь? — в тон ему ответил лейтенант.

— Я-то здешний, из Марковки, — ответил Длинный. — Закурить есть?

Он стал спускаться к Мехошину. Тот ждал, подавляя дрожь. Длинный в темноте едва ли его узнает. В вагоне он старался не попадаться ему на глаза. Только бы не упустить случай.

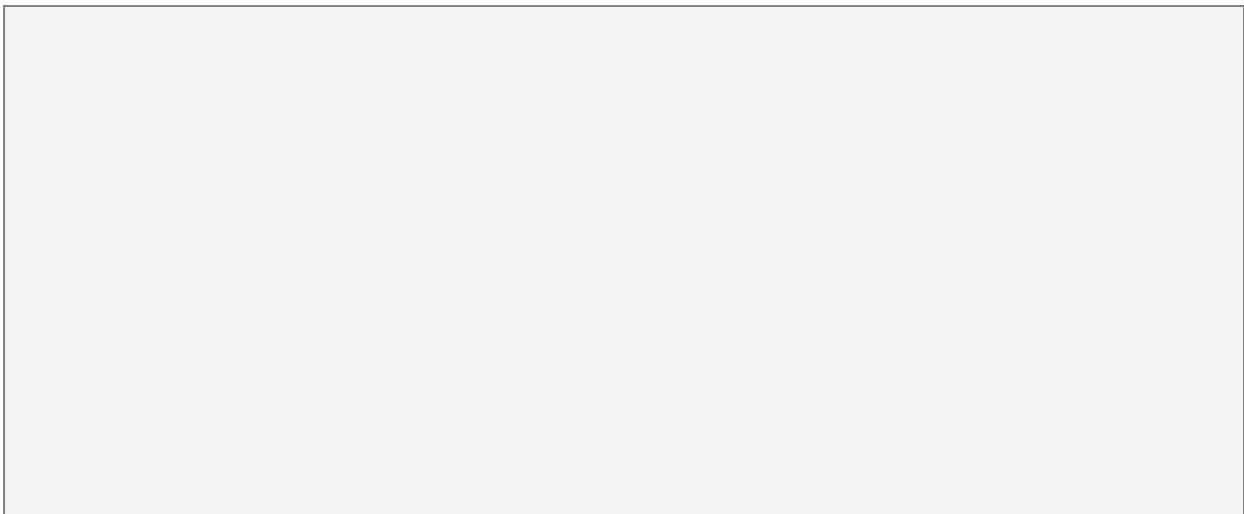
— Спички-то есть? — спросил Длинный.

— Есть. — Он вынул из кармана коробок и чиркнул спичкой.

Длинный, внимательно взглянув на него при вспышке, закурил.

— Тебе-то дать? — Он протянул Мехошину сигарету.

Лейтенант взял ее, и тут же острая боль обожгла ему низ живота.

— Лежи, легавый! — сказал Длинный, уходя.

Лейтенант лежал на холодной траве. Он был в полной памяти, но живот пронизывала острая боль. Он встал, боль была страшная. Длинный шел по дороге вниз, и черная его фигура была отчетливо видна при лунном свете. Мехошин изо всей силы прижал пиджак к животу, останавливая кровь, и заставил себя побежать. Он бежал, и боль разрасталась. Он бежал, почти теряя сознание. Бежал неслышно, как здоровый Длинный обернулся слишком поздно...

Оперативный наряд нашел их утром.

Миронов и Луганов были вызваны в кабинет начальника управления.

Скворецкий хмуро поздоровался с вошедшими, пригласил их сесть и сообщил:

— Одна из очередных неожиданностей. Лейтенант Мехошин тяжело ранен в схватке с Длинным. Оба они доставлены в больницу. — Он назвал город, расположенный в двухстах километрах от Крайска. — Мехошин выживет, операция прошла успешно. С Длинным положение неопределенное. Раненый Мехошин успел разбить ему череп, и, по утверждениям врачей, Длинный потерял память. Врачи не знают, временная это потеря или дело посерьезнее. Лейтенант действовал правильно, но тем не менее это неудача. Мы шли по следу, теперь опять оказываемся в неизвестности... Андрей Иванович, вы говорили с генералом Васильевым?

— Да, — сказал Миронов, — он приказал по-прежнему заниматься резидентом, сообщил, что Климова допросили еще раз, и он дал прежние показания. Генерал утверждает, что встреча с резидентом не состоялась по каким-то иным причинам, и просит, чтобы мы эти причины выяснили. Кроме того, мне переданы некоторые сведения о полковнике РОА Соколове. Сведения не полные, но они наводят на многие размышления.

— Немного позже к этому вернемся... Что у вас, Василий Николаевич?

Луганов положил на стол папку с бумагами и сказал:

— Со вчерашнего дня двое из тех, кого я перечислял вчера в качестве лиц, возможно, причастных к убийству Рогачева, исчезли.

— Посланы в командировку? — спросил полковник.

— Нет, не в командировку. Один — Варюхин — показал начальству телеграмму из города на Алтае, где проживает его мать, и сообщил, что она при смерти.

- Телеграмма была заверена врачом?
- Начальник отдела не проверил этого.
- И тем не менее отпустил?
- Отпустил, товарищ полковник.
- Что со вторым?

— Со вторым еще сложнее. Если про Варюхина известно, что он и раньше мог позволять вольности по отношению к работе, то Дорохов — сама дисциплина. И несмотря на это, он второй день не является на работу. Сотрудник наш спросил у начальника облплана, случалось ли такое раньше. Тот ответил, что, когда Дорохов болел, звонила жена и предупреждала. На этот раз звонка не было.

- Постарайтесь выяснить про того и другого все возможное.
- Есть.

— Пошлите сотрудников домой к обоим, пусть поговорят с женами, выяснят обстановку. Кроме того, хорошо бы не формально, а всерьез выяснить моральный облик каждого. Пусть поработают люди поопытнее, Василий Николаевич.

- Хорошо, товарищ полковник.

— Андрей Иванович, что у вас по полковнику Соколову? Похоже, очень любопытная фигура.

— Мерзостная фигура, — сказал Миронов. — Я когда-то занимался власовцами. Там было много прохвостов, сукиных сынов, продавших Родину за кусок хлеба, были лакеи, были идейные враги нашего строя, затаившиеся в предвоенные годы. Но, судя по всему, полковник Соколов многих перецеголял. Самое удивительное вот что. Работал он на абвер. Во всяком случае, в спецлагере он вербовал пленных в армейскую разведку. Но, по некоторым данным, это была лишь одна из его личин. В сорок четвертом году гестапо уже взяло на себя многие функции абвера. И не исключено, что во власовском штабе Соколов действовал как агент гестапо. Перед нами предатель, который всегда работал на сильного против тех, кто слабей. Как видите, фигура действительно небезынтересная. Начнем сначала. Он служил в нашей армии с двадцать восьмого года. Его характеристики в архиве не обнаружены. Нет и личного дела с фотографией. Он служил в бригаде тяжелых танков, был в чине майора. Бригада была разбита в первых же боях на западной границе. Людей оттуда сейчас ищут в Центре. Итак, о его службе в Красной армии мы почти ничего не знаем. Зато кое-что известно о другом периоде его жизни. В штабе Власова он появился в конце сорок третьего года. Впечатление там произвел сразу, и не только потому, что, видно, был незаурядной

личностью, но и потому, что был теснейшим образом связан с гестапо. Считалось, что он один из главных гестаповских агентов при власовской верхушке. С сорок четвертого года начинаются его поездки в концлагеря для вербовки пленных в РОА. В этом деле Соколов отлично зарекомендовал себя. Он хорошо разбирался в человеческой психологии: воздействовал на страх, на самолюбие, на любовь к близким и, как ни странно это покажется, на патриотизм. Человек он был холодный, сдержанный, решительный и лишенный чувства жалости. В спецлагере подо Львовом он работал больше, чем в других. Этот лагерь для него, видимо, был экспериментальным. Туда попадали те, кто был особо опасен, кого нельзя было держать в обычном лагере военнопленных. В Львовском спецлагере Соколов раскрыл деятельность подпольной организации. Между прочим, завербовать в этом лагере ему удалось немногих.

След полковника Соколова обрывается приблизительно с февраля сорок пятого года. Как известно, власовский штаб существовал до конца войны. Но ни во власовских, ни в немецких документах мы не нашли пока никакого упоминания о деятельности Соколова с зимы сорок пятого года.

— Материалов маловато. Однако не исключена возможность, что Соколов и есть резидент, — сказал Скворецкий. — Но это пока лишь предположение. Во всяком случае, вы, товарищи, координируйте свою работу. Любое совпадение может дать нам важные данные... Андрей Иванович, где мы в сорок пятом имели дело с власовцами?

— Во многих местах, Кирилл Петрович. Но большинство из них взяли вместе с самим Власовым в Чехословакии, где Шернер продолжал сопротивление после девятого мая. Отдельные их части были окружены в Курляндии вместе с Шестнадцатой и Восемнадцатой армиями.

— Если бы у нас имелись данные о том, при какой власовской группировке он в тот момент находился, мы бы с большей точностью могли делать предположения, — сказал Скворецкий. — Если он был среди пленных, то вполне возможно, что, добыв документы, оказался у нас в стране. Конечно, не исключено, что иностранная разведка, используя архивы немецкой разведки, обнаружила его и сделала резидентом. Но возможно, что Соколов не был резидентом, а убил Рогачева, скрывая свое прошлое. Все это пока предположения. Будем выяснять... Что вы хотите сказать, Василий Николаевич?

— Я хочу уточнить, товарищ полковник. Соколов взят в плен в сорок первом. У нас есть данные о его работе у власовцев и в спецлагере с сорок третьего по сорок четвертый год. Варюхин взят в плен осенью сорок второго. Сведения о нем мы имеем с весны сорок пятого. Остальное

неясно. Дорохов взят в плен в сорок четвертом, летом. Поэтому он с его биографией не накладывается на биографию Соколова.

— Это пока еще дело темное, — ответил полковник. — Пошлите запросы в Центр. Попросите, чтобы были просмотрены и выяснены все подробности об этих лицах. Затребуйте их фотографии. Но, Василий Николаевич, не упускайте и остальных. Пожалуй, только Кузькин молод для Соколова. Остальные должны быть проверены самым тщательным образом. Завтра надо знать, что говорят об исчезновении Варюхина и Дорохова. Но, кроме того, Василий Николаевич, мы с вами завтра должны навестить Мехошина. Вечером найдете время?

— Безусловно, товарищ полковник. Это же сотрудник моего отдела.

— Товарищ полковник, нельзя ли мне присоединиться к вам? — подал голос Миронов. — лейтенант — мужественный человек, хочу пожать ему руку.

— Решено, — поднялся полковник, — завтра вечером едем.

Миронов сидел в отведенном ему кабинете и просматривал полученные документы. Самым важным звеном в выяснении деятельности резидента представлялось ему сейчас то время, когда человек в коричневом костюме вел его на встречу с врагом. Почему она сорвалась, эта встреча? Миронов не сомневался, что его проверял не только человек в коричневом. Нет, кто-то смотрел на него из окна. Недаром Длинный растерялся и сбежал после того, как поглядел на окна дома.

Итак, для начала надо было проверить жильцов дома. Причем не всех, а только тех, кто жил в квартирах, выходящих окнами на перекресток. Он вызвал сотрудника и поручил ему выяснить имена, фамилии, профессии и занятия всех жильцов этого крыла дома. Кроме того, надо было побеседовать с дворником и, если это человек, заслуживающий доверия, выяснить у него некоторые сведения о жильцах.

* * *

У сотрудников облисполкома начался обеденный перерыв. Женщины направились в огромную облисполкомовскую столовую. Часть мужчин последовали за ними, а те, кто не в силах был обойтись без пива и мужского разговора, пошли через площадь в открытое кафе.

— Николай Тарасович! — окликнул сотрудник КГБ усатого крепыша.

— Именно, именно, а вы... А-а, вспомнил. Вы из милиции.

Расспрашивали нас о Варюхине.

— Совершенно верно. Вы в кафе?

— Именно, именно. Люблю, знаете, побаловаться пивком, а вы?

— Любитель.

— А в милиции это не осуждается?

— Пиво? Нет. Вот что-либо поградуснее, этого у нас не любят.

— Поградуснее. Именно, именно, так составьте компанию.

— С удовольствием.

Они вошли в кафе, сели за столик, заказали четыре пива и салаты и разговорились.

— В милиции у вас служба неприятная, — говорил усатый Николай Тарасович, — я, знаете, этого не люблю. За всем надзор и за собой надзор, это, знаете, нелегко.

— Да ведь кому-нибудь надо?

— Надо. Железное слово. Именно, именно... Вот и наше пиво.

Они выпили по кружке пива, и Николай Тарасович разговорился:

— Я, понимаете, пиво уважаю за дух, за запах, знаете... Бодрый, здоровый, русский. Именно, именно... Говорят, пиво к нам пришло от немцев. Чепуха! Глупость. Это водка — аквавита — не русская, а средиземноморская. А пиво наше, как и меды. Русский человек любит выпить, но и закусить. И пил полезное для здоровья пиво. Это водка все губит. Сколько я Варюхину об этом втолковывал...

— А он любит выпить?

— Любит, любит. Хотя, надо сказать, Варюхин наш — не простак. — Николай Тарасович заговорщически прищурил глаз и поднял палец. — Выпивши всегда, пьяным сроду не попадался. И вообще, я вам скажу, человек он поразительный. Скажем, так... Любит рыбалку. Каждую неделю ездит. А кто его видел с удочками? Никто. Любит пошуметь, пооткровенничать. А кто о нем что знает? Никто. Именно, именно...

Довольный своим анализом, Николай Тарасович пригладил усы.

— И в этот раз. Сунул начальству телеграмму. Ему поверили: надо ехать. А сам наверняка на рыбалку. С другой стороны, это такая, знаете, может быть рыбалка... — Николай Тарасович, как кот, повел усами. — Он ведь у нас виртуоз. Именно, именно... А кто бы поверил, глядя на эту красномордую физиономию. Женщины, они ведь в наше время, знаете, любят тонкость обхождения, а тут рык... и тем не менее.

— А жена? Не укрощает?

— Жена? — Николай Тарасович осушил кружку. — У жены, знаете, дел хватает. Дети, хозяйство. А Варюхина нашего с поличным не возьмешь.

Хитрец!..

Скоро этот разговор уже знал Луганов. Он сидел в кабинете и обдумывал новые ходы в этом нелегком деле. В конце дня позвонил дежурный:

— Товарищ майор, к вам гражданка.

— По какому делу?

— По делу Рогачева. Она из совхоза «Октябрьский».

— Пропустите! — приказал Луганов.

Через несколько минут перед ним сидела невысокая, скромно одетая женщина лет сорока.

— Вы знаете, — начала она, застенчиво улыбаясь и нервно перебирая пальцами по столу, — я преподаю в школе, где учился Дима Голубев. Мы все так были потрясены этими двумя смертями: Рогачева и Димы. Дима был такой беспокойный мальчик. Ему всегда во все надо было вмешаться. И вот связался с каким-то хулиганом... Ну, ладно, это я от волнения. Никогда не бывала в таких учреждениях, как ваше. Я, собственно, вот о чем. Рогачева у нас в совхозе плохо знали. И когда он оставил такое письмо, все поверили. Только мы немного сомневались, в школе. Почему? Потому что Рогачев был у нас очень частым гостем. И вот поверьте, товарищ майор...

— Давайте по именам. Меня — Василий Николаевич. Вас?

— Лидия Ефимовна... И вот, Василий Николаевич, в одном учителей обмануть трудно так же, как ребят. Рогачев очень любил детей. Не знаю, как вам это доказать без примера... Хотя нет, есть пример. Года два назад два подростка постарше ударили пятиклассника и как раз попались на глаза дяде Косте — так мы звали Рогачева. Я подросла позже, и что меня поразило — какое-то оскорбленное выражение его лица, понимаете, глубина самого его переживания... Нет, он был хорошим человеком. И вот то главное, из-за чего я пришла. За два дня до его смерти я встретила Рогачева в лесу. Мы с моей маленькой дочкой гуляли на опушке бора рядом с поселком. Вдруг послышались голоса, и я вижу: прямо на нас идут Рогачев и какой-то городской человек. Я, правда, его уже перед этим видела в поселке. Кажется, это был командированный. Вид у обоих взволнованный, спорят, жестикулируют. Но увидели меня и стали говорить тише, потом свернули куда-то за деревья. Но лица обоих я запомнила. Это, знаете, мужские лица накануне драки...

— Лица запомнили, значит, узнаете того человека по фотографии?

— Безусловно.

— Одну минуту.

Луганов вышел. Вскоре он вернулся и высыпал перед учительницей целый ворох фотографий.

— Посмотрите, есть среди этих тот человек?

Учительница стала перебирать фотографии; вскинула вопросительно глаза на Луганова, откладывая в сторону фотографии Рогачева.

Фотография Варюхина, а за ней и фотография Дорохова отброшены с полным равнодушием, и вдруг...

Луганов изумленно смотрел на полное, брезгливое лицо Аверкина, запечатленное на фотографии, которую протягивала ему Лидия Ефимовна.

— Этот? — спросил он.

— Этот, — решительно подтвердила учительница. — Я хорошо запоминаю лица.

Луганов поблагодарил.

Вечером этого же дня сотрудник КГБ стоял на освещенной лестничной площадке перед квартирой сорок семь. На его звонок дверь открыла невысокая молодая женщина со строгим лицом.

— Я вас слушаю.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Дорохов Михаил Александрович здесь проживает?

— Здесь. А в чем дело?

— Простите, — гость улыбнулся, — вы всегда через порог беседуете?

Женщина оглядела его с ног до головы и пропустила в прихожую.

— Что вам угодно?

— Особенно приветливой вас не назовешь... — сказал сотрудник. Он знал, что его невозмутимое спокойствие и степенная манера обращения в конце концов подействуют на собеседницу.

— Прошу вас излагать ваше дело и не отвлекаться, — с легким раздражением перебила его хозяйка. — Чего вы хотите?

— Ваш муж, Дорохов, не вышел на работу, — переставая улыбаться, сказал гость. — Он дома?

— Михаила Александровича нет.

— Но где же он?

— Этого я не знаю. А зачем он вам?

— То есть как? Человек не выходит на работу и отсутствует дома, где же он? Я его сотрудник. У нас в комиссии все встревожены. Он ведь обычно был аккуратен.

— Может быть, уехал куда...

— Куда же?...

— В командировку.

— Но мы бы тогда вас и не тревожили.

— Как-то все это... — женщина приостановилась, пристально разглядывая собеседника, — как-то это очень подозрительно.

— Что подозрительно? — опешил он.

— Вламываться в дверь, задавать всякие вопросы...

— Помилуйте, это вы себя ведете странно. Ваш муж не был на работе, а вы не хотите не только сообщить причину, но вообще превращаете это в какую-то таинственную историю.

— Почему я должна вам рассказывать о муже? Может быть, вы шпион?

— Что за секреты у вашего мужа, чтобы за ним охотились шпионы?... Простите, вас как зовут?

— Софья Васильевна.

— Софья Васильевна, я выполняю служебное поручение. Ваш муж человек крайне аккуратный, поэтому его отсутствие на работе нас удивило. Ведь он мог же позвонить, предупредить... А если с ним случилась беда?

В глазах женщины что-то дрогнуло. Она прищурилась и ответила не сразу:

— Да. Может быть. Но, я думаю, ничего страшного. — Она шагнула вперед. — До свидания.

Когда слегка взволнованный непонятным событием в своей жизни — вызовом в областное управление КГБ, — слегка запыхавшись, Владимир Семенович Аверкин приоткрыл дверь двадцать второй комнаты, от стола поднял на него строгие глаза рослый человек и, наклонив русую голову, сказал:

— Ко мне? Прошу.

— Аверкии Владимир Семенович, — подрагивающим голосом сказал вошедший. — Я туда попал?

— Туда, — заверил офицер. — Садитесь, Владимир Семенович. У меня к вам один вопрос...

— Нет, позвольте... — сказал Аверкин, преисполняясь негодованием. — Позвольте мне выразить возмущение. Я работаю... У меня рабочий день, и вдруг...

— Владимир Семенович, бывают такие моменты, вынужден был вас оторвать. Извините. Перейдем к делу. Знали ли вы бухгалтера совхоза «Октябрьский» Константина Семеновича Рогачева?

Аверкин побагровел и стал похож на странную большеголовую, нахохлившуюся птицу. Он закутил головой и вдруг сказал тонким голосом:

— Товарищ, не знаю, как назвать... товарищ майор, извольте быть откровенным: в чем меня обвиняют?

— Ни в чем не обвиняют, — сказал Луганов, — просто хотим знать, были ли вы знакомы с ним.

— А если был, то я уже преступник? Если Рогачев запутал там финансовую отчетность, то я уже виноват? — закричал со слезами в голосе Аверкин.

— Откуда вы знаете, что он запутал отчетность?

— А если нет, за что вы меня терзаете?

— Одну минуту...

Майор задумался, потом извинился и вышел из комнаты. Через пять минут он вернулся.

— Так вы считаете, что Рогачев был плохой бухгалтер? — спросил он, садясь.

Аверкин немного отдышался. Теперь его одутловатые щеки немолодого и не совсем здорового человека побледнели еще больше.

— Откуда вы знаете, что Рогачев запутал отчетность?

— Я предполагаю...

— Отчетность у него была в полном порядке, — сказал майор. — Теперь ответьте на вопрос: вы лично его знали?

— Знал, — с глубоким вздохом произнес Аверкин. — И если бы не знал, было бы лучше.

— Объясните.

Аверкин помолчал. Пот выступил у него на лбу, он провел языком по пересохшим губам.

— Я все скажу, — сказал он своим девичьим голосом, который, казалось, вот-вот прервется, — это единственное темное дело в моей биографии, честное слово! Можете проверить. Я честный человек! — Он задохнулся. С минуту молчал. — Я попросил директора — мы с ним друг друга не первый год знаем — выписать мне десять килограммов творога, — почти шепотом сообщил Аверкин, — у меня сердечная недостаточность. В магазине творог плохой, а у них настоящий, свежий. Я хотел привезти — и в холодильник... Директор сказал, что можно и без денег. Я одинок, зарплаты мне хватает, но под Свердловском у меня мать. Еще с эвакуации. Она там в семье сестры. У нее нет никаких средств к жизни, а муж сестры грубый человек, попрекает ее куском хлеба. Я звал ее

к себе. Но она привязана к внучатам... — Аверкин уставился в пол. — Вот как вышло, что я пошел на это. У меня не было денег. А директор... Я был инспектирующим лицом. Хотя и не таким важным, но вы же знаете... Воспользовался, не отрицаю, воспользовался служебным положением... Судите!

— Нехорошо, — в раздумье сказал майор, — нехорошо, Владимир Семенович. Но какое отношение все это имеет к Рогачеву?

— Вот Рогачев-то и не дал мне того творога. Зашел за мной на директорскую квартиру, вывел в лес и отчитал, как первоклассника. Я до того растерялся, что чуть инфаркт не хватил! Кричал на него, чтоб он не лез не в свои дела. Но он меня очень задел, очень. Отказался я от того творога... Теперь судите.

Майор долго глядел на Аверкина. Тот был весь в поту, лицо его пожелтело, и чувствовалось, что сердце у этого человека и впрямь неважное.

— Что же, — сказал майор, — идите, Владимир Семенович, говорить я вам ничего не буду, вы и так, кажется, понимаете, что выручил вас Рогачев из некрасивой истории. (Аверкин быстро закивал головой.) Если что-нибудь вспомните о ваших отношениях с Рогачевым, сообщите нам. До свидания.

Совершенно расстроенный, Аверкин долго собирался, подтягивая галстук, моргал, что-то бормотал, потом вышел.

В квартире на втором этаже большого дома зазвенел звонок. Растрепанная женщина с седыми волосами крикнула:

— Ольга, открой! — и стала метаться по комнатам, наводя порядок.

Вошел незнакомый человек.

— Простите, вы Александра Степановна?

Женщина размашисто кивнула и подошла:

— А вы?

— Сослуживец вашего мужа. Ваш муж с неделю назад выехал к себе в Бийск по телеграмме...

— В какой Бийск?

— Или в Барнаул...

— Да что такое, не понимаю... Этот проходимец, конечно, может куда угодно катить!.. Ольга, и ты, Лена, марш в свою комнату! И дверь прикройте... Опять трюк! Я попрошу вас, вынесите ему взыскание! Опять за какой-то юбкой метнулся, а телеграмма для вида! У нас нет никого ни в Бийске, ни в Барнауле!

— Может, я напутал? Телеграмма о том, что мать умирает, откуда-то с Алтая...

— Если из Горно-Алтайска, тогда может быть... Но какая мать? Она пять лет как скончалась! И тут проделки сыночка не последней каплей были в ее смерти! Ведь старый уже! Дьявол! — Она мгновенно и без перехода заплакала, сморщив лицо. — Ну что ты будешь делать... Седина в бороду, бес в ребро!.. Может, дед умер? — спросила она, также внезапно успокаиваясь, как и начала плакать. — Его отец. Ему девятый десяток пошел... А впрочем, какое мне до всего этого дело! Мне бы ребят одеть и накормить... А в доме хоть шаром покати! Отец! Черт его возьми!..

— Извините, — сказал посетитель, — чувствую, вас расстроил, извините, но хотели выяснить, когда он появится.

Невысокий человек предъявил начальнику ЖЭКа свое удостоверение и попросил вызвать домоуправа дома 9/17 по улице Калинина. С домоуправом разговор был долгий. Сначала сели за план дома, рассмотрели его крыло, что обращено на улицу Калинина, потом посмотрели по домово́й книге фамилии и профессии квартировладельцев. Внимание сотрудника привлекли несколько квартир. Хозяева их работали на Севере, а квартиры сдавали. Домоуправ ничего не знал об этих квартирантах и посоветовал обратиться к дворничихе.

Во дворе дома 9/17 на детской площадке возились в песке малыши, в центре двора играли в футбол школьники, а на лавочках сидели пенсионеры — по случаю солнечного дня они вышли подышать свежим воздухом. Сотрудник разыскал квартиру дворничихи, позвонил. Дверь ему открыла плотная сорокапятилетняя женщина.

Сотрудник представился и попросил разрешения поговорить. Вскоре они уже беседовали.

— Меня вот что интересует, — говорил сотрудник, проверяя по списку квартировладельцев номера квартир. — Дом ваш кооперативный, так?

— Кооперативный, — говорила дворничиха, — народ у нас тут хороший, не безобразничают, не пьют...

— Все жильцы, проживающие у вас, работают в вузах и техникумах? Это ведь их профсоюз строил дом?

— Почитай, что все, — говорила дворничиха, — некоторые, правда, на пенсии уже, есть и молодежь — им родители квартиры покупали, — те на других работах трудятся.

— А в квартиры, которые принадлежат северянам, пускают жильцов?

— В каких пущены, в каких — нет.

— А каким образом их пускают?

— Ежели владелец квартиры с кем сговорился, он и пустил. А то оставит ключ какому-нибудь родичу и попросит его в случае чего пустить, и так бывает. Оно и то сказать: сами где-нибудь в Якутии либо Колыме, а тут людям жить надо, а квартира пропадает. Ясное дело, лучше сдать. А квартира-то поглядите какая!

Дворничиха с гордостью стала показывать квартиру, как раздвигаются двери между комнатами, как работают краны в кухне и в ванной. Сотрудник терпеливо слушал и смотрел.

— Клавдия Ивановна, а временные жильцы, что проживают в квартирах северян, они у вас состоят на временной прописке?

Дворничиха сразу стала малоразговорчивой.

— Конечно, состоят, — пробормотала она, отворачиваясь.

— Все? — настойчиво допытывался сотрудник.

— Ну, которые состоят, которые — нет, — сказала дворничиха, не глядя на сотрудника. — Нешто мы сдаем! Родственники сдают. Им попробуй докажи! Они сдадут кому угодно — и довольны. Плата за квартиру идет, чего ж лучше!

— Скажите, а вы не знаете, домоуправление принимало какие-либо меры, чтобы непрописанных жильцов в квартиры не пускали? Родственники квартировладельцев должны их временно прописать, так?

— Так-то так... Вы извините, у меня там на кухне вода пущена. Сейчас я приду.

Сотрудник видел, что дворничиха уклоняется от ответа, и поэтому, когда она вернулась, спросил:

— В этом крыле здания сколько квартир пустует?

— Пять.

— Сколько из них сдано временным жильцам?

— Все сданы.

— Все прописаны?

Дворничиха опустила глаза.

— Вы не ответили на вопрос.

— Двое не прописаны, — сказала она, — неугомонные! Где ж их поймашь... А с родичами хозяев начнешь говорить, они божатся: скажу, скажу... А вот не говорят.

— Дайте мне фамилии временно проживающих в этих квартирах.

Скоро в блокноте было записано две фамилии квартирантов и две фамилии с адресами родственников северян, сдавших квартиры неизвестным лицам. Теперь предстояло начать проверку.

Следующий день принес свои новости. Миронов, очень заинтересованный сообщением сотрудника о временных жильцах в квартирах северян в том доме, куда вел его Длинный на встречу с резидентом, узнал, что в двух квартирах без прописки проживают некий приезжий инженер и человек неизвестной профессии, которому сестра квартировладельца сдала квартиру десять месяцев назад. После тщательной проверки Миронов пришел к выводу, что постоянные жильцы дома едва ли могли иметь отношение к резиденту. А непрописанные жильцы его очень заинтересовали. Поэтому он дал инструкции сотруднику, проверявшему дом, и тот опять направился по этому адресу.

У Луганова новости поступали одна за другой. Первой новостью, которую ему сообщил сотрудник, проверявший Варюхина, было известие о прибытии их подопечного. В девять часов Варюхин уже сидел за своим столом и громогласно рассказывал о своей поездке.

— Батя у нас хитрец, — повествовал, похохатывая, Варюхин. — Восемьдесят три старику, а дипломат, что твой Черчилль! И ведь сколько раз я покупался на такие штуки и вот все же опять попался! Лежит, стонет, просит священника позвать — он у нас религиозный, — все вокруг бегают: дедушка Фома концы отдает... Начинаются сборы, родственники съезжаются сострадают умирающему... А он доволен: внимание! Я-то его здоровецкую породу по себе знаю, на такие вещи не покупался. Но на этот раз чувствую: век его кончается. Поехал. Действительно, был на грани. Еле дышал. Ну, мы врачей собрали — не помогают. Тогда я ему водочки потихоньку поднес — встал! Глазам своим не верю — стоит батя! На ладан дышит, а стоит. Короче говоря, опять выжил Варюхин-старший...

У начальства разговор был жестче.

— Целую неделю не были, товарищ Варюхин. В чем дело? Отчитайтесь.

— Я же вам показывал телеграмму, товарищ начальник, отец при смерти был.

— Телеграмма была заверена врачом?

— Да вы же сами смотрели, Александр Прокофьевич!

— Была или нет?

— Да я уж сейчас и не знаю. Вы ж смотрели. Сами отпустили.

— Вы, кажется, говорили, что мать в Бийске умирает?

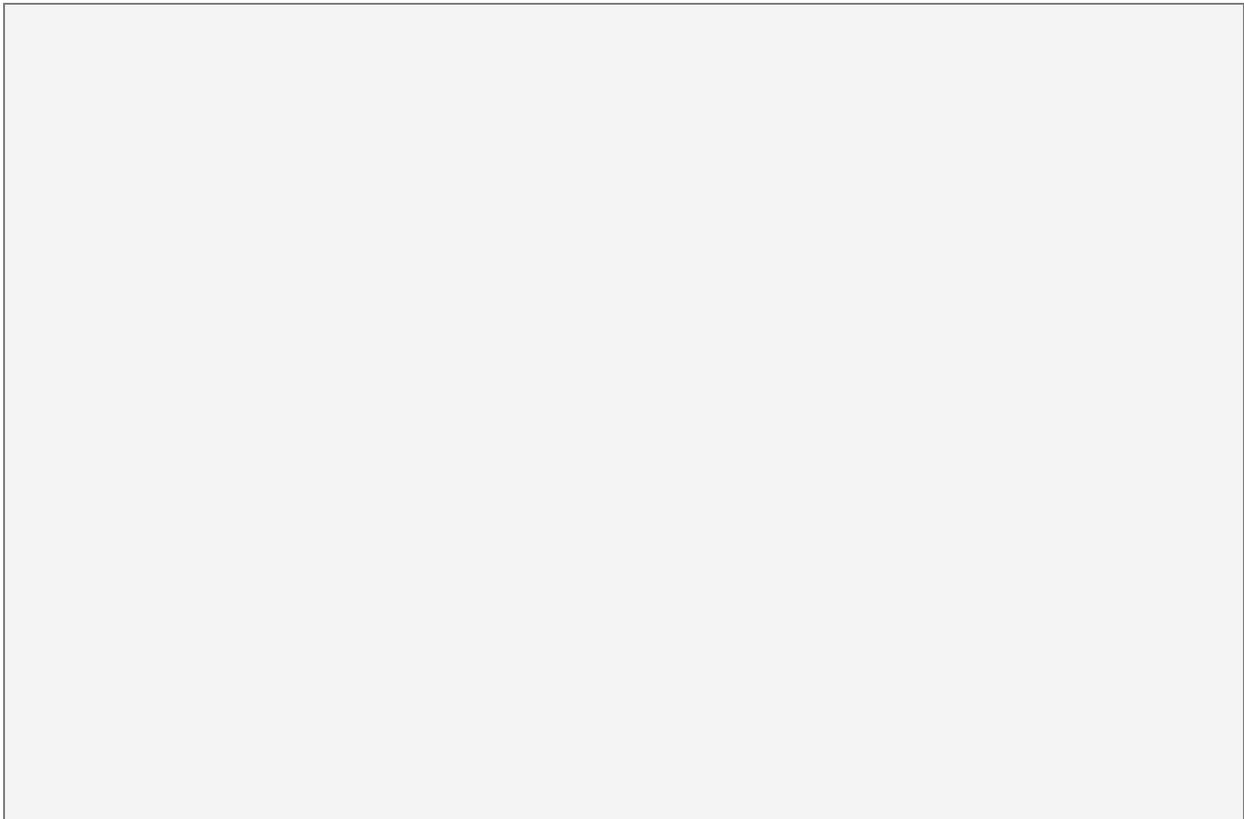
— Какая мать? Отец в Горно-Алтайске!

Начальнику пришлось сбавить тон: как-никак, а тут был и его недосмотр — отпустил-то Варюхина он, правда, ограничив его отсутствие

четырьмя днями. После выговора как ни в чем не бывало Варюхин вернулся в отдел и опять начал рассказывать о своем бате.

Луганов, усмехаясь, слушал доклад сотрудника. По его запросу товарищи на Алтае проверили семью Варюхиных. Отец был еще крепок, в последнее время ничем не болел, поэтому все, что рассказывал Варюхин на работе, было с первого до последнего слова чистейшей выдумкой. Теперь оставалось проверить, с какой целью распространяется эта ложь, и узнать, куда и зачем уезжал Варюхин. Это было труднее. Часа в два дня пришло еще более насторожившее майора сообщение. Оно поступило из милиции.

В семнадцать километрах от города на берегу реки была найдена одежда. Владельца ее не было поблизости. Обнаружил пиджак, сорочку и брюки пенсионер, приехавший порыбачить на это обычно безлюдное место. После того как владелец одежды так и не появился в течение многочасового ожидания, пенсионер съездил в райцентр за милиционерами и вместе с ними явился к месту происшествия. При осмотре одежды были обнаружены паспорт и служебное удостоверение на имя Михаила Александровича Дорохова, сотрудника плановой комиссии при облисполкоме. Кроме документов в карманах найдены часы «Полет», недокуренная пачка сигарет и семь с мелочью рублей денег.

Луганов немедленно пошел с этим сообщением к Скворецкому.

Полковник, услышав новость, приказал узнать у жены Дорохова, куда ее муж направлялся перед исчезновением. Посоветовал связаться с милицией, чтобы они также постарались это выяснить. Кроме того, попросил Луганова проверить личность жены Дорохова. Раньше это дело было поручено Мехошину. Теперь Луганов решил сам этим заняться. Луганов вспомнил, что его заинтересовал рассказ сотрудника, который пришел к Софье Васильевне несколько дней назад узнать о ее муже. Эта женщина вела себя так, словно что-то знала, но никому и ничего не собиралась говорить. Сотрудник сказал тогда, что исчезновение Дорохова не вызвало у нее никакой тревоги.

Прежде чем отправиться на встречу с Дороховой, Луганов зашел к Миронову. Тот сидел за столом перед пачками документов.

— Чем занят? — спросил Луганов.

— Занят вот чем, — сказал Миронов, пожимая ему руку. — Самая главная нить, ведущая к резиденту, у нас вырвана. Длинный в память не приходит и показаний дать не может. У нас не было возможности установить его имя и профессию. Я разослал по отделам милиции его фотографии. Роздал его карточки сотрудникам, еще раз напомнил им, чтобы показывали ее только в числе прочих. Но сведений о Длинном пока не поступает. А от этого очень многое зависит. Что у тебя, Василий Николаевич?

— Еду в школу, где работает жена одного из тех, кто подозревается в убийстве Рогачева. Хочу сам это дело проверить.

— Правильно. У меня тоже такая привычка: если чувствую, началось что-то интересное, никому не поручаю, сам еду... Ты на футбол завтра идешь?

— А кто играет?

— Эх ты, а еще крайчанин! Ваше «Динамо» против московского «Торпедо».

— А когда?

— Завтра в восемнадцать тридцать.

— Билеты достанешь?

— Конечно.

— Иду.

— Вот и отлично.

— А про сегодняшний вечер помнишь?

— Еще бы!.. Я все думаю над его поступком. Пожалуй, в той ситуации он поступил не только мужественно, но и верно.

— Мехошин?

— Да, — сказал Миронов. — Мы, конечно, многое предусмотрели. Но, как всегда, случайность оказалась неожиданной, и Мехошин правильно сделал, что выпрыгнул за Длинным. Там леса. Если упустить — значит, надолго. А Длинный — единственная ниточка к резиденту... — И неожиданно спросил: — Василий Николаевич, что ты думаешь насчет внезапного исчезновения резидента? Ведь Длинный вышел на меня. А теперь мы знаем, что Длинный — агент. И прыжок его с поезда, и то, как он пытался отправить на тот свет лейтенанта, теперь уже не дают нам права сомневаться. Впрочем, уже после того как он сказал пароль, это было понятно. Но тогда еще можно было думать, что резидент воспользовался случайным, лишь слегка связанным с ним человеком, чтобы не подставлять себя наблюдению, если оно есть. Теперь же ясно, что Длинный — птица не простая... Так с чего же он сбежал, резидент?

— Я-то думаю, какая-то случайность тебя провалила...

— И в самый последний момент!

— Видимо, так, Андрей Иванович.

Они помолчали. Луганову понятно было, что Миронов непрерывно думает о своей неудаче с резидентом, казнит себя за промах, но какой?... Однако он ничем не мог утешить товарища.

— Значит, сегодня к Мехошину, — напомнил он и вышел из кабинета.

Теперь ему предстояло ехать в школу на окраине города, где работала Дорохова. Через сорок минут он уже разговаривал с директором и парторгом школы.

— Софья Васильевна — женщина своеобразная, — говорил директор, — она у нас в школе лет десять. У нее ни подруг, ни близких знакомых. По работе могу сказать одно: работает очень старательно. С ребятами редко устанавливает близкий контакт, но пользуется у них уважением. Математику в ее классах знают хорошо. Общественные нагрузки берет на себя неохотно, но тоже всегда выполняет.

— Она в партии? — спросил Луганов.

— Нет, — сказала женщина-парторг, — но все наши поручения всегда выполняет. И вообще, — она помедлила, потом подняла на майора глаза, — она суховатая такая, ни с кем не сходится, а в коллективе к ней хорошо относятся. И ребята ее все же любят. Она справедливая, понимаете? Ребята сразу видят, кто каков.

— А ее мужа вы знаете?

— Нет. Как-то она заболела, он звонил. Речь интеллигентная.

— Я раз их встретила около дома... Он такой поджарый, быстрый... Вообще-то она все-таки вещь в себе, наша Софья Васильевна, — засмеялась парторг, — ничего о ней не знаем...

— И даже того, что муж ее уже неделю назад пропал?

— Как? — изумился директор.

— Не может быть! — ахнула парторг. — Она нам ни слова...

— Ну и ну... — покачал головою директор. — Я не знаю, Роза Владиславовна, может, мы ей чем-нибудь по профсоюзной линии поможем?

— Нет, товарищи, — сказал Луганов, — раз Софья Васильевна никого из вас не посвятила, значит, были на то причины. Прошу вас держать наш разговор в тайне.

Что же это за человек, который может настолько замыкаться в себе? Теперь Софья Васильевна Дорохова интересовала Луганова как личность. Он знал, что в Крайске у нее живет сестра. Муж сестры работает на оборонном заводе конструктором, дочь учится в седьмом классе. Во Дворце пионеров в шахматном кружке девочка подружилась с Валеркой Бутенко. И Валерка, встреченный раз майором после кружка, восторженно рассказывал, какая замечательная Таня, и до чего много знает всяких дебютов, даже ребята в кружке пасуют перед ней, когда Таня садится за шахматный столик.

Луганов решил поговорить с сестрой Софьи Васильевны. Сначала он собрал о ней сведения. Это была пожилая женщина, спокойная по характеру, честная, занятая всецело семьей. Он решил не волновать ее вызовом в управление, а поехать к ней. В этом был риск. Если Дорохова связана с резидентом, а сестра сообщит ей о их разговоре, то резидент узнает, что охота за ним продолжается, но, с другой стороны, он и не мог думать иначе.

Луганов приехал к Семичевым — это была фамилия мужа Марии Васильевны — в одиннадцать утра. Муж был на работе, а дочь — в школе, и можно было поговорить наедине.

Ему открыла дверь высокая, начинающая седеть женщина в фартуке, с утомленным милым лицом, которое сразу внушило ему доверие.

Он представился и попросил разрешения поговорить с ней по важному делу.

Мария Васильевна сняла фартук, пригласила его в столовую, и тут, усевшись в низкие кресла, они разговорились.

— Соня с детства такая, — рассказывала Мария Васильевна, — у нее

тяжело сложились отношения с матерью. Мать наша — актриса, вышла замуж после революции за инженера; отец был человек, занятый своим делом, мать скучала, у нее в скитаниях в Гражданскую войну совершенно испортились нервы. Соня — старшая, она и приняла на себя всю силу первоначальной материнской любви, а потом и раздражения, даже истерики. Мать перед войной попала в сумасшедший дом, там и умерла. Соня в войну тоже натерпелась. Она училась в Крайске, когда пришли немцы...

— Она не эвакуировалась? — не удержался от вопроса Луганов.

— Нет, не эвакуировалась. — Мария Васильевна посмотрела на него с каким-то новым выражением. — В анкетах это написано.

Он опустил голову. «Вот идиот! — выругал он себя. — Не надо было задавать этого вопроса».

— Я тоже была здесь при немцах, — сказала Мария Васильевна, — мы с сестрой жили вместе. Трудно приходилось. Собирали на брошенных огородах картошку, торговали маминими вещами. Отец умер на наших глазах. В сорок третьем году удалось связаться с подпольщиками. У нас иногда прятались люди из леса. Соня делала для них все, что могла. Раз два относила в лес какие-то важные донесения. Люди, которые об этом знают, еще живы. Можете спросить у Валюшенко — он работает в облисполкоме в плановой комиссии...

— Там, где работал муж Софьи Васильевны?

— Да. Это через Валюшенко он туда и устроился. А что?

— Да нет, ничего. А вам Софья Васильевна сказала об исчезновении мужа?

— Да.

— Была очень расстроена?

— Да. Очень. Я чувствую, ваши вопросы имеют какую-то цель, но не понимаю какую. Может, лучше спросить прямо?

Луганов смутился. Бывают же такие характеры: с ними можно говорить только без обиняков, от остального их коробит.

— Мария Васильевна, — сказал он, — ни при каких обстоятельствах не говорите Софье Васильевне о нашем разговоре.

— Я и не скажу, Соню это расстроит. А ей сейчас нельзя нервничать.

— Тогда вот что. Расскажите о ее муже.

Мария Васильевна снова оценивающе посмотрела на Луганова.

— Видите ли, — сказала она задумчиво, — я о нем ничего не знаю. Не знаю даже, как она с ним познакомилась. Соня ни с кем не делится. Со мной она тоже за последнее время редко была откровенна. Что я могу о нем

сказать?... — Она умолкла и внимательно посмотрела на Луганова. — Человек неплохой, к Соне относился неплохо. Жили они, насколько я понимаю, дружно... Вот и все. У нас они бывали раз в два года, не чаще. Характер у него трудноватый... А в общем, обыкновенный человек, каких тысячи.

В том, что Мария Васильевна говорила правду, Луганов не сомневался. Однако после разговора с ней он все-таки связался с председателем плановой комиссии при облисполкоме, старым партизаном Валюшенко, и выяснил, что Софья Васильевна действительно укрывала вместе с сестрой партизан и выполняла несколько раз опасные поручения.

Софью Васильевну вызвали в милицию. Капитан милиции попросил ее сесть.

— Софья Васильевна, — начал он, дождавшись, пока она сядет, — я вас вызвал вот зачем. Почти неделя прошла, как вашего мужа нет на работе. Никаких тревожных мыслей вам на этот счет не приходило?

Софья Васильевна подняла голову. Было что-то птичье, резкое и стремительное в ее лице: тонкий нос с горбинкой, покатый лоб, чуть выдвинутый вперед подбородок.

— Он ушел в прошлую среду и ничего мне не сказал, — ответила она резко, — с тех пор я о нем ничего не знаю.

— Почему вы не предприняли никаких мер по его розысканию, не заявили в милицию?

— Муж — серьезный человек. Раз куда-то уехал, значит, по делу.

— Но к вам же приходили с работы, спрашивали о нем...

— Муж часто отлучается... Я даже не пойму, что, собственно, вас тревожит?

— Софья Васильевна, будьте с нами откровенны, — попросил капитан, — расскажите все, что знаете о том, как вел себя муж перед исчезновением.

— Вел как всегда!

— Вы, кажется, не хотите помочь нам в розысках?

— Я не знаю для чего его разыскивать? Он не преступник.

— Но странно: исчез человек неделю назад, на работе беспокоятся, и только жена совершенно спокойна. Это наводит на мысль, что вам известим причины его исчезновения.

— Ничего, — каменно застыв, ответила Дорохова.

— Хорошо. — Капитан встал и выдвинул на середину комнаты стул со свертком. — Гражданка Дорохова, прошу вас осмотреть вещи вашего мужа

и по освидетельствовании расписаться в протоколе.

Дорохова вскочила. Капитан готов был поклясться, что она потрясена. Даже жест — кулачок, вздернутый к губам и словно удерживающий крик, был неподделен.

Она быстро прошла к стулу со свертком, вскинула к свету брюки, положила, потом взяла пиджак. Он выпал у нее из рук.

— Его одежда? — спросил капитан.

— Как это произошло? — тихо спросила женщина.

— Два дня назад старик пенсионер поехал на рыбалку. Это в семнадцати километрах по Краинке, на излучке... Одежда была аккуратно свернута, лежала у самых кустов, рядом лежала шляпа. Он всегда в шляпе ходил? Даже в жару?

— Всегда!

— Старик съездил в райцентр, сообщил о находке, организовали поиск тела. Искали и ищут второй день. Тела пока нет. Ни выше, ни ниже на реке труп не обнаружен.

Дорохова была бледна, сидела молча.

— Как это могло произойти, Софья Васильевна? — спросил капитан. — Он хорошо плавал?

— Плавал? — спросила она словно в забытьи. — Ничего... Плавал, как все.

— Еще один вопрос, — тихо сказал капитан. — Я вот о чем хотел спросить: не было ли у вашего мужа поводов для самоубийства?

Дорохова не отвечала, смотрела на него широко открытыми глазами, потом, взяв себя в руки, заговорила:

— Не знаю. Он очень сложный человек. Он ни с кем не делится своими мыслями. В последнее время он ходил мрачный. У него военная травма. На нервной почве. Он иногда вспоминает лагерь, и тогда я не смею с ним заговаривать. Не знаю...

— Были ли у него раньше мысли о самоубийстве?

Дорохова быстро взглянула на капитана и опустила глаза.

— Не знаю... — ответила она торопливо, — раз он действительно пробовал повеситься в ванной. Я тогда случайно вошла и не дала ему этого сделать... — Она покраснела, взглянула на капитана и опустила глаза. — Ничего больше не могу сказать.

— Хорошо, я не настаиваю. Сейчас напишу протокол, вы подпишете.

Пока в комнате скрипело перо, Дорохова сидела совершенно безмолвно. Потом, подписав протокол, спросила:

— Я могу взять вещи?

— Нет, — сказал капитан. — Следствие еще не кончено.

— Вы мне скажете, когда оно кончится?

— Разумеется.

Дорохова пошла к двери.

В шесть часов Луганов и Миронов встретились у машины; через минуту подошел Скворецкий, ведя за руку мальчика.

— С кем незнаком, Валерий? — спросил он у мальчика. — Это Василий Николаевич, ты его знаешь. А вот это майор Миронов, Андрей Иванович.

Валерку посадили на почетное место рядом с водителем, и тот сразу нашел общий язык с мальчиком. Всю дорогу они разговаривали о марках автомобилей.

Машина с трудом пробиралась в вечернем автомобильном потоке. Скворецкий вполголоса говорил товарищам:

— Хочу кое-что проверить. Давно это не дает мне покоя. Когда будем возвращаться, напомните, пожалуйста.

— К мальчику имеет отношение? — спросил Миронов.

— Самое прямое.

Наконец они вырвались на шоссе. Бетонная лента дороги все быстрее летела под колесами. Полковник рассказывал о боях, которые шли в этих местах.

— А тот городок, где сейчас лежит Мехошин, был как раз в центре партизанских действий. Здесь немцы никого не жалели. Все население было партизанами.

— А полицаев разве не было? — спросил Миронов. — Помните, Кирилл Петрович, как я в разведку ходил и был полицияями взят? Если бы не женщина, жена одного из них, они бы меня в живых не оставили...

— Да, зверье... — сказал Скворецкий. — Вот они-то сейчас там, на Западе, основной резерв агентуры иностранных разведок. Однако срок их годности кончается. Уже большинству невозвращенцев лет под пятьдесят. Скоро иностранной разведке станет сложновато работать: Россия — страна особая, американцу, англичанину, немцу прикинуться русским нелегко. Недаром они всегда предпочитают засылать к нам бывших соотечественников.

— Интересно, кто по национальности этот резидент?

— Поймаем — узнаем, — ответил полковник.

Так за разговорами не заметили, как въехали в небольшой зеленый городок.

В больнице их уже ждали. Главврач, невысокий, молодой, поздоровался со всеми, назвал себя и сразу же предложил провести в палату, где лежит Мехошин.

— Одну минуту... — попросил полковник. — Как он?

— Жить будет, — сказал главврач. — Операция сложная, но организм здоровый, молодой, кое-что восстановит. Думаю, будет жить и работать.

Они шли тихими коридорами. Больные уже спали, только дежурные сестры бесшумными белыми тенями входили и выходили из палат.

— А как тот? — спросил Скворецкий.

— Второй? — Врач приостановился. — У того дела очень неопределенные. Пока ничего не знаем. С памятью, конечно, процесс затянется. Но этого мало. Сейчас мы даже не можем знать, выживет ли он.

— Надо, чтобы выжил.

— Видите ли, его надо в специальную лечебницу.

— Завтра его перевезут, — сказал полковник. — Но за Мехошина вы ручаетесь?

— За Мехошина ручаюсь.

Когда они вошли в небольшой бокс, Мехошин приподнялся на кровати. На бледном узком лице появилась улыбка, глаза оживились. Сестра подсунула ему под спину подушку, чтобы ему было удобнее разговаривать с товарищами.

— Как самочувствие, герой? — спросил полковник после того, как врач и сестра ушли, предупредив, что разговор не должен продолжаться больше пятнадцати минут.

— Ничего, товарищ полковник, — ответил Мехошин, — скучно только.

— Боли бывают? — спросил Луганов.

— Редко. Вы уж извините, товарищ майор, что так все вышло...

— Все правильно вышло, — сказал Луганов, — ты не имел права его упускать, ты и не упустил.

— Понимаете, в чем дело, товарищи, — заговорил Мехошин, торопясь выложить то, что так долго в нем кипело, — когда он в вагоне был, я старался ему на глаза не попадаться. Но, конечно, учитывал, что глаз у него зоркий и что он меня, как и всех вокруг, на заметку взял. Но когда он выпрыгнул, тут я немного дал маху... В лесу я все рассчитал как будто правильно. И направление, куда он пойдет, и скорость. Но вот не успел принять точного решения: сразу буду брать или дойду с ним до первого населенного пункта. Словом, сплеховал... Это и подвело. Он меня услышал раньше, чем я его. Он и решение раньше принял. Когда я услышал шорох и

оглянулся, он был уже близко. Он спросил: «Тебе дать закурить?» Мне бы сразу: «Руки вверх!» — и обыскать его. А я взял сигарету, он и воспользовался...

Тут мне объяснили, что подняться, бежать за ним и ударить его я мог только сгоряча. Но я не то чтоб очень был зол, нет, только чувствовал, что не выполню приказ, если уйдет, я и кинулся за ним... — Он улыбнулся бледным ртом. — Догнал все-таки.

— В основном все было правильно, — сказал полковник. — Молодец, лейтенант.

Бледные щеки Мехошина покраснели.

— Спасибо, товарищ полковник. Я тут лежу, мучаюсь, думаю, как там в управлении решат.

— В управлении решили, что лейтенант Мехошин в трудных условиях выполнил свой долг.

— Пора, товарищи, — сказала медсестра, появляясь в дверях.

Все пожали руку Мехошину, полковник положил в тумбочку привезенные для него сладости — товарищи сказали, что Мехошин любит конфеты, — и прошли в ординаторскую, где их ждали главврач и Валерка.

Полковник отвел главврача в сторону, о чем-то поговорил с ним, и через минуту тот, взяв за руку Валерку, ушел.

Ждать их возвращения пришлось недолго. Минут через десять главврач и Валерка вошли в ординаторскую.

Скворецкий отвел мальчика в сторону и о чем-то спросил его. Валерка отрицательно покачал головой и что-то сказал. Ответ его огорчил полковника, он нахмурился, но тут же улыбнулся мальчику, пожал руку главврачу, и скоро все они сидели в машине, уносящей их в сторону Крайска.

Когда Валерка и шофер занялись разговором, полковник негромко сказал:

— Все время мучила меня мысль. Я вам ее высказывал... Нет ли прямой связи между убийствами Рогачева, Димы Голубева и резидентом. То есть не является ли полковник Соколов резидентом. Сегодня специально для этого захватил мальчика. Попросил главврача показать ему Длинного. Тот лежит в боксе и пока не приходит в сознание. Валерка был введен в бокс, долго приглядывался, но в Длинном никого из знакомых не узнал. Я ему, конечно, не говорил, кого именно он должен узнать. Так что по-прежнему мы перед двумя задачами: надо обнаружить и взять обоих — власовца и резидента.

Майора Луганова беспокоил Варюхин. Всю неделю до пятницы Варюхин развивал многообразную деятельность: ездил по друзьям, играл в преферанс в нескольких компаниях, уезжал за город будто бы по служебным делам, которые при выяснении оказывались совсем не служебными, и чаще всего это происходило в рабочее время. Часам к девяти Варюхин возвращался домой. Круг его знакомств был чрезвычайно велик. Чем больше собиралось сведений о Варюхине, тем больше интересовала Луганова одна особенность этого человека: он был разговорчив, любил приложиться к бутылке, общительность его не знала предела, и тем не менее, как выяснилось, почти никто из его знакомых не мог припомнить никаких подробностей из его биографии. Видимо, Варюхин был из тех, кто следовал правилу, что язык нам дан не для того, чтоб раскрывать свои мысли, а для того, чтобы скрывать их. Никаких компрометирующих сведений о Варюхине у майора не было. Из Центра новых подробностей о пребывании Варюхина в плену в Югославии не пришло. В темные дела Варюхин, кажется, замешан не был. Однако, несмотря на семью, несмотря на не слишком большую зарплату, деньги Варюхин имел. Может быть, деньги давал преферанс, но там играли по маленькой, а у Варюхина водились суммы покрупнее. Это настораживало и заставляло Луганова выискивать источники этих сумм.

С Дороховым дела тоже шли не блестяще. Труп в реке найден не был. Однако выдвинутая капитаном милиции версия о том, что Дорохов был человеком психически неуравновешенным на почве перенесенных на войну и в плену страданий, нашла подтверждение у психиатра облполиклиники, где несколько раз за последнее время появлялся Дорохов. Записи врача говорили о глубокой меланхолии этого человека, о том, что он не может забыть военные годы. Дорохову снились страшные сны, часто он просыпался от сердцебиения.

Тем временем Миронов, закончив с помощью своих сотрудников проверку жильцов дома, который его интересовал, обратил особое внимание на квартиры северян, сданные жильцам. Обо всех этих людях уже были собраны сведения кроме одного. Известно было, что он — инженер и в снимаемой квартире порой не появляется неделями и даже месяцами. Через Магаданское управление владельцы квартиры — Демьяновы — были запрошены о том, каким образом и кому была сдана квартира. Из ответов выяснилось, что с человеком, которому сдавали

квартиру, хозяева познакомились на даче, он снимал неподалеку комнату. Фамилия его Григорьев, он инженер, ушел от жены и жил между небом и землей, не зная, где будет ночевать на следующий день. Хозяева согласились сдать ему квартиру, с тем чтобы тридцать рублей он ежемесячно уплачивал их сестре. Сестра Демьяновых регулярно получала от Григорьева деньги. Случалось, он сам заносил их, но последнее время он пересылал деньги по почте. Проверили обратный адрес переводов. Это был адрес квартиры, которую Григорьев временно снимал.

По рассказу дворничихи и соседей, Григорьев был невысокий, плотный человек среднего возраста, с темной бородкой, он ни с кем не общался, при встрече с соседями раскланивался молча и спешил войти в квартиру. Дома он вел себя тихо. Изредка включал радиолу. Посетители у него бывали крайне редко. Однажды видели, что вечером к нему заходила женщина лет тридцати, блондинка. Несколько раз заходил какой-то человек. Его наружность не запомнили. Вот все, что было известно об инженере Григорьеве. В последнее время его не было видно. Но это случалось часто, поэтому жильцов отсутствие Григорьева не удивляло. Миронов попробовал было найти Григорьева через адресное бюро, но Григорьевых было тысячи, и сотни из них были инженерами, и многие были разведены с женами. Миронов предполагал, что у инженера, снявшего квартиру у Демьяновых, была иная фамилия. Однако предположение требовало доказательств, и Миронов день за днем обдумывал все новые и новые варианты того, как вел бы себя резидент в сложившейся обстановке.

Однажды по поручению Миронова сотрудник показал дворничихе несколько фотографий. И вот тут в первый раз забрезжила удача. Перебирая снимок за снимком, дворничиха вдруг наткнулась на фотографию Длинного. Он был снят сбоку, когда подходил с Мироновым к дому. У службы наблюдения было несколько снимков Длинного.

— А этого я видала, — сказала дворничиха, вглядываясь в равнодушное, тяжелое лицо с надвинутой на лоб кепкой. — Ей-богу, знаю! Это он к нашему жильцу ходил.

— К какому жильцу? — поинтересовался сотрудник.

— Да к этому... Вот что у Демьяновых-то снимает.

Итак, замкнутый круг был разорван. Теперь можно было просить у прокурора санкций на обыск квартиры. Связь Длинного с таинственным инженером Григорьевым больше не вызывала сомнений. В тот же день Миронов с двумя сотрудниками произвели обыск в квартире Демьяновых.

Комнаты были запущенные. По углам серебрилась паутина, на кухне в

беспорядке стояла немытая посуда. В коврах и дорожках давно уже скопилась пыль. Миронов обошел все три комнаты, попросил одного из сотрудников внимательно просмотреть библиотеку, другого — обратить внимание на вещи. Сестра Демьяновых, пожилая женщина, испуганно спрашивала у майора, что случилось.

Миронов объяснил ей, что жилец их был человек подозрительный и поэтому они вынуждены проверить, не оставил ли он на этой квартире чего-либо важного для следствия.

Узнав, что ее брат и его семья здесь ни при чем, женщина успокоилась и рассказала Миронову все, что знала о жильце. Он был немногословный, голос тонкий, глаза серо-зеленые. Черная бородка. Очень вежлив. Однажды она зашла посмотреть, как он живет. Он открыл ей дверь, пригласил войти. А потом попросил ее больше таких визитов не делать. Он аккуратно платит деньги за квартиру и не хочет, чтобы его беспокоили. Если к нему будет какое-либо дело, он просит предупредить его заранее письмом. Иначе он съедет с квартиры. После этого выговора он опять стал любезен, предложил чаю, и сестра Демьянова ушла успокоенная. С тех пор она уже не проверяла, как живет жилец в квартире ее родственников.

На кухне сидели женщины-понятые и разговаривали. Оба сотрудника находились у шкафов: один — у книжных в гостиной, другой — у шифоньеров в спальне. Сестра Демьянова пошла в спальню объяснить, что из вещей принадлежит Демьяновым, что их жильцу.

Миронов внимательно оглядывал квартиру, думая о том, что и как мог бы здесь держать Григорьев, если бы он был резидентом. Приспособления для тайнописи? Рацию? Но рацию ему должен был передать Климов. Та, что была, видно, вышла из строя. Да и была ли она? Какой-то канал связи у резидента безусловно имелся. Иначе его шефы на Западе не знали бы, что нужно их резиденту. Но канал, видимо, не удовлетворял резидента. Скорее всего, это была обычная почтовая связь. Кому-то он писал внешне ничем не примечательные письма. Кто-то писал ему в ответ такие же, ничем не приметные ответы. Миронов взглянул на штору на окне гостиной. Она была собрана в жгут посреди окна. Он вспомнил взгляд Длинного на окна дома и его внезапное паническое состояние. Может быть, это был сигнал? Миронов подошел и выглянул в окно. Да, из него прекрасно видно людей на той улице, по которой они проходили с Длинным. Значит, что-то в его виде напугало резидента? Неужели Климов что-то наврал? Центр после перепроверки считает, что причины в ином, но кто знает...

— Товарищ майор... — прервал его раздумья голос сотрудника.

Он обернулся.

— Смотрите, что я нашел в книге. — Сотрудник протянул ему раскрытый том Диккенса, в котором лежали серые книжечки.

Он взял книгу, приподнял тонкие книжечки. Это были бланки паспортов. Пролистал их. Они были не заполнены.

— Может быть, и печати найдем? — сказал Миронов.

Глубоким вечером в специальном приспособлении, приваренном внутри газовой плиты, они нашли добротные сделанные печати с вырезанными в резине данными шестого отделения милиции города Крайска.

С утра Луганов и Миронов были у полковника. Сообщение Миронова о найденных на квартире мнимого Григорьева бланках для паспортов, а также о том, что Длинный ходил именно в эту квартиру, было большой удачей. Теперь они кое-что знали и о самом резиденте. Его рост, внешность — хотя и очень приблизительно описанную — и некоторые другие детали. Миронов считал, что по хаосу в квартире можно судить о том, насколько внезапно для резидента было какое-то известие или наблюдение, заставившее его скрыться.

Полковник улыбнулся этому заявлению.

— Все пока шло правильно, Андрей Иванович, — сказал он, — но тут торопиться. Очень многие холостяки, а тем более разведенные мужчины не умеют следить за квартирой. Вполне возможно, хаос в квартире существовал давно. Кроме того, он не так уж часто, судя по всему, в ней появлялся. Но вот что интересно: у нас прибавилось данных о резиденте и все-таки нельзя сказать, что мы продвинулись вперед. Ясно одно: теперь резидент где-то затаился, и самое важное для нас — выйти на его убежище. Плохо, что он уже знает о наших поисках. Собственно, и сбежал он в тот момент, когда понял, что мы вышли на след. Так что, несмотря на ряд удач, дело у нас фактически не сдвинулось...

— Что у вас, Василий Николаевич?

Луганов вынужден был сообщить, что и он в своих поисках полковника Соколова пока не достиг существенных результатов.

* * *

Событие было бы будничным и не внушало бы никаких подозрений, если бы не странное поведение Варюхина.

В шесть часов он вышел из здания облисполкома, забежал в

ближайший гастроном, раздраженно вертя головой, выстоял большую очередь, купил две коробки конфет, сыру, водки, колбасы и отправился домой.

Луганов был уверен, что припасы предназначались не для дома. Действительно, через час Варюхин выскочил из подъезда своего дома.

Сотрудник, следовавший за Варюхиным, сообщал, что Варюхин часто смотрит в витрины, пересаживается с троллейбуса на троллейбус. По всему видно было, что он или знал про слежку, или предполагал о ней.

Вошел Скворецкий:

— Что там, Василий Николаевич?

— Вот Варюхин... Куда-то двинулся и очень уж осторожен. Боится хвоста.

— Что ты решил?

— Попробуем проследить, куда направляется.

— Во всяком случае, брать рано.

Сотрудник сообщал, что Варюхин держит путь на Беркутово.

По вечернему шоссе, освещенному сплошной цепью фонарей, мчались легковые и грузовые машины. Большинство людей в пятницу после работы спешили за город. В сущности, в поездке Варюхина не было ничего особенного.

— Тринадцатый, тринадцатый, ноль семнадцатый на улице Кошевого, — сообщал сотрудник Луганову. — Все время настороже. Два раза оглядывался... — Голос прервался.

Скоро пришло сообщение, что Варюхин вошел в дом номер 26 по улице Кошевого. Из дома слышна музыка, виден свет.

Луганов приказал сотруднику продолжать наблюдение, выслал еще двух работников проверить у местного участкового, кто живет в доме номер 26. Кроме того, еще один сотрудник должен был выяснить, чем в этот момент занимается семья Варюхина и что они знают о месте пребывания отца семейства.

Вскоре сотрудники из Беркутова сообщили: дача, где сейчас находится Варюхин, принадлежит Куравцеву. Он работает в НИИ Нефтехимии. Три месяца назад инженер выбыл в длительную командировку в Сибирь. В доме находится его жена. До замужества она работала в местной филармонии, женщина видная, решительная и лихая. После замужества, то есть около пяти лет, нигде не работает. Соседи неоднократно жаловались на нее милиции — их беспокоит радиола, которая у Куравцевой играет с утра до вечера. Человека, похожего на Варюхина, участковый уже видел. По его мнению, он около недели жил на даче инженера.

Сотрудник, навестивший семью Варюхина, сообщил, что там считают, будто Варюхин уехал на рыбалку. Но жена, судя по ее тону, не очень-то верит этому, подозревая какую-то иную цель поездки.

— Ну, Василий Николаевич, — сказал, выслушав все, Скворецкий, — похоже, с Варюхиным надо кончать.

— Как? — удивился Луганов. — У нас же данных нет...

— В этом все и дело, — сказал полковник, — данных против него нет и, кажется, не будет. Его возвращение на работу уже весьма подозрительно. Едва ли полковник Соколов, почувствовав, что им интересуются органы, вернулся бы домой.

— А откуда он мог знать, что органы им интересуются? Мало ли как мог погибнуть мальчик.

— Убийца слышал крик Валерки, он знал, что остался живой свидетель. Во всяком случае, я считаю так: за Варюхиным мы пока ведем наблюдение, но основное внимание Дорохову. Что мы имеем о Дорохове? Самоубийство его крайне подозрительно. Подозрительно и поведение жены. Однако конкретных фактов, свидетельствующих о том, что Дорохов — это Соколов, пока нет. Возьмем за исходное предположение, что Дорохов — это Соколов. Что он должен был сделать после убийства Рогачева? Прежде всего замести следы. Письмо с подделанным почерком Рогачева было первым шагом, убийство Димки — вынужденным вторым шагом. Следов становилось больше. Таким явным следом был, например, убийца Димки. Но разыскать его не удалось. Валера Бутенко увидел убийцу около облисполкома, значит, кто-то из двух заинтересовавших там Димку людей вызвал его к зданию, откуда должен был выйти мальчик. По рассказу Валерки, убийца вошел в здание и вскоре вышел. Вероятно, имел свидание с тем, кто приказал ему убить Димку. Но фактов, уличающих именно Дорохова, нет. Варюхин под наблюдением, Дорохов же исчез, значит, раскопать все материалы о Дорохове, выяснить его связи и знакомства — единственный путь, который у нас есть. И надо поторопить львовских товарищей с материалами по спецлагерю и по делу Рогачева, тогда работать будет легче.

Утром в кабинете полковника все трое еще раз обсудили, как именно действовать в ближайшее время. Миронов должен был продолжать выяснение личности жильца кооперативной квартиры, Луганов — заниматься Варюхиным и в особенности Дороховым. Полковник — координировать работу обоих и тесно поддерживать контакт с Львовским управлением, поскольку именно там должны быть материалы о полковнике

Соколове.

— Пока у нас все не очень определено, Софью Васильевну Дорохову беспокоить не будем, — сказал полковник, — однако вы, Василий Николаевич, будьте настороже. Судя по ее поведению, эта женщина что-то знает об исчезновении мужа. Пока нам трудно предъявить ей какие-либо факты, но они, конечно, рано или поздно будут у нас в руках, тогда и поговорим с ней. Я имею в виду факты о его смерти, если таковая в самом деле произошла. Но тело не найдено. И само отсутствие каких-либо доказательств смерти Дорохова — это уже кое-что. Ясно, что он хотел кому-то доказать, что покончил с этим светом. Это, конечно, я говорю о том варианте, если и в дальнейшем его смерть не подтвердится. Если подтвердится, тогда нам от Дорохова ничего не будет нужно. Если же в дальнейшем факт смерти будет вызывать сомнение, то в поисках будем исходить из предположения, что он жив. Версия о том, что он полковник Соколов, теперь напрашивается сама. Но, — полковник посмотрел на Луганова, — наша задача не только предполагать, а главным образом — знать. К этому я вас и призываю, товарищи. Максимум фактов, минимум предположений. Вопросы есть?

— Нет, товарищ полковник, — сказали оба майора.

— Приступайте, товарищи!

* * *

Сотрудник Львовского управления КГБ Орлов, которому было поручено дело Соколова, любил Львов. Он любил бродить по старому городу, любил эти узкие улочки, где дорога идет вниз, а тротуары порой подняты на человеческий рост, любил неправильности улиц, их неожиданную запутанность, каменные лестницы, ведущие вверх к домам.

Архивы Львова несли в себе множество важных и интересных фактов. Львовщина была многострадальным краем. Это был центр левого рабочего движения в Польской Галиции и центр украинского национализма, база бандеровщины и немецкого владычества на оккупированной Украине. И здесь же, во Львове, спланивались силы польского шовинизма. Многое-многое переплелось в древнем городе, и архивы, конечно, отражали лишь часть того, что в нем происходило.

О лагере, где действовал полковник Соколов, удалось выяснить немного. Узников, оставшихся в живых, было мало, и разбросала их судьба по всему огромному Союзу. Те же, кто был рядом, ничего не знали о

деятельности полковника, потому что большинству из них удалось бежать из лагеря до сорок четвертого года, то есть до появления в нем полковника РОА.

Очень нужны были показания гитлеровских пособников, вахманов и обервахманов лагеря. Они в большинстве своем набирались из украинских националистов и безусловно во многом могли бы помочь. Но следов их пока не было найдено.

— Это просто объясняется, — размышлял Орлов. — Вся эта накипь ушла при приближении нашей армии в отряды Бандеры. А с этими отрядами нам пришлось повозиться. В сорок третьем году националисты сильно не ладили с немцами. Они надеялись на немецкую поддержку, чтобы потом стать хозяевами на Украине, а немцы использовали их как лакеев. Начались вооруженные столкновения. Националисты затеяли резню и с поляками. Причем обе стороны вовлекали крестьян, которые ничего не понимали в том, что происходит. Украинские националисты дрались против наших партизан, поляков, без разделения их по политическому направлению, против немцев и против наших войск. Наши партизаны пытались навести порядок и разъяснить крестьянам, кто им враг, кто друг. Положение страшное. Количество жертв огромное. Вот вахманы и обервахманы лагеря и разделились. Националисты ушли к Бандере. Часть из них немцы перехватили и поставили к стенке. Другая часть — без всяких идеологических лакировок — осталась при немцах и при первых слухах о наступлении нашей армии бежала в Германию. Их сейчас, кроме как в Мюнхене, а то и Парагвае, не обнаружишь... Остаются те, что, сменив имена, вышли из леса после разгрома бандеровского движения. Эти отсидели разные сроки и прячутся в Сибири или в других местах, где нет свидетелей их «подвигов». Возможно, среди них есть и те, кто нам нужен. Но пока все это выяснится, много времени пройдет.

Орлов понимал, что найти нужных ему людей нелегко. Полковник Соколов умел прятать концы в воду. Людей, с которыми он работал, можно разделить на две категории. Одни — те, которые не поддавались его обещаниям, — отправлялись в карьер на расстрел. Другие — завербованные в агенты — молчали, потому что род их деятельности этого требовал, а главное, потому, что большинство агентов было выловлено или убито.

Среди первых — не поддавшихся Соколову — был Рогачев. По его следам и отправился Орлов.

В квартиру Ковалей он постучал вечером. Старики и их внуки были дома. Орлов поздоровался, представился и попросил Ковалей рассказать о

Рогачеве.

— А что же, — сказал старик, — можно рассказать, почему же нет. Добрый был человек, редкий, мало на земле таких... Пришел он к нам на рассвете. Я-то по ночам как спал? Прикорнешь — и уже вставать; поезда хоть и не шли у нас по ветке — партизаны пути разорили, — а мне положено было свой участок досматривать. Вот ночью встал, оделся, толкнул дверь. Слышу, стонет кто-то. Вышел. Лежит он, болезный, у куста белый весь, роба полосатая, лагерная, вся в крови. Я затащил его в сторожку, тут уж Ганна за него взялась.

— Насквозь он был простреленный, — вступила в разговор седоголовая быстрая старушка, — живого места на нем не было. Нога пробита в трех местах, плечо... Но за кости не задело. Ходили мы тут за ним как могли. Раны промывали, кормили, поили... Вот начал он поправляться и сразу говорит: я уйду. Я ему: «Куда же уйдешь-то? Партизан немцы из наших мест отогнали... Ты уж лежи». А он настойчивый такой: «Нет, говорит, уйду. Нагрянут немцы, не то что меня, и вас всех расстреляют!» Все время рвался. Его Васыль чуть силой не держал...

— Мы его на чердак ховали, я чердак запираю, — сказал старик. — Чую, душевная людына: не об себе, за других все заботится.

— И вот раз, как на грех, немцы! — продолжала старушка. — Мы перепугались. Хоть немцы-то эти знакомые были: начальник участка и с ним шуцман один... Пока они сидели, старик мой весь поседел аж... Ну, посидели, выпили самогона, последнюю курицу забрали и ушли. Старик — на чердак...

— Лезу это... шо це таке? — опять вмешался старик. — Замок-то я и забудь повесить. Влезаю на чердак — там никого. Я туда-сюда, звал, искал — не откликается. Пошли искать со старухой. Так вин, последни силы собрав, та и вылез... Нашлы мы его метрах у трехстах, под кустом. Лежит. Сил-то нету. Я ему кажу: «Шо ж ты, Семеныч, такой спектакель устроил... Аль нам не доверяешь?» А он поглядел мне у саму душу, — старик приложил руку к сердцу, — и кажет: «Васыль, я за тебя и твою жинку голову бы сложил, только не так, шоб моя голова за собой ваши потянула...»

— Сил-то не хватило, он и ждал там в степи смерти. Лишь бы не в доме, чтоб нас не погубить, — пояснила старушка. — Ай какой добрый человек был... Неужто вмер?

— Умер, — сказал Орлов. — Жаль человека.

— Редкий был человек... — вздохнула старушка.

— Вин до нас заихав у сорок пятом роки, — вспоминал дед. — Як ридный был... Привез нам подарунков, продуктов. Тогда голодно было. Я кажу: «Костя, откуда у тоби капитал?» А он смеется: «Весь паек, всю зарплату — все на вас спустив». Як ридный — одно слово.

Вторым интересным делом для Орлова оказался архив немецкого гестапо Львовщины. Сохранился он не полностью. Однако среди документов нашлось крайне любопытное сообщение. В числе работников немецкой комендатуры города Львова упоминался Ефим Ярцев, шофер легковой машины комендатуры. У него было воинское звание ефрейтора. Значит, Ярцев был не вольнонаемный, а служитель врага.

Попалась и еще одна бумага. Рапорт заместителя начальника гестапо по концлагерям о работе полковника Русской освободительной армии Соколова.

«Основываясь на ваших сообщениях, мы освободили Соколова от нашей опеки. Коллега оказался необычайно полезен. Уже сейчас, после месяца работы, он имеет девять кандидатов в нашу армейскую разведшколу. Все люди отобраны им с профессиональным умением. Полковник отлично знает русскую душу, умеет влиять на самые сильные характеры. Прошу изложить мне принципы, на которых мы должны строить с ним совместную работу. Поступает ли он в мое подчинение, или я должен предоставить ему возможность самостоятельной параллельной деятельности. В качестве замечания сообщаю, что единственной невыгодной чертой Соколова считаю его почти неприкрытую неприязнь к украинцам. Он мешает им работать, отбивает у них лучших людей. Если бы я сам относился с большим уважением к этой публике, то вмешался бы. Однако вы знаете, господин группенфюрер, что националисты сейчас крайне ненадежны. Поэтому я до сих пор не делал замечаний Соколову по этому поводу».

Резолюция, наложенная на этом рапорте, гласила:

«Объясните этому кретину, что Соколов должен работать совершенно сепаратно. Ему ни в коем случае не мешать, а, наоборот, оказывать всевозможную помощь».

Резолюция скреплялась подписью начальника гестапо Западной

Украины.

«Однако немалая фигура этот Соколов, — подумал Орлов, — если немцы так его опекали».

И он еще азартнее зарывался в бумаги, еще усерднее изучал лабиринты архивов.

* * *

Случилось это в Омской области, в большом колхозном селе. Уполномоченный райконторы «Заготзерно» зашел в сельскую кузницу заказать засовы для амбаров. Кузнец, громадный, с бугристо выступающими под промасленной рубахой лопатками, ворочал на наковальне болванку. Рослый молодой парень-молотобоец мерно бил по ней молотом. Звон и лязг стояли в кузне. Пыхтел горн.

— Эй, кузнец! — позвал уполномоченный. — Поговорить надо.

Кузнец даже не оглянулся, а парень продолжал вызванивать молотом по раскаленному докрасна железу.

Уполномоченный обиделся. Это был маленький человек с лицом, обезображенным шрамом. Он нервно переступил с ноги на ногу.

— Не слышишь, что ли? — спросил он, подходя к самой наковальне. — Мне с тобой поговорить надо.

— Не мешай, — пробормотал кузнец и продолжал ловко поворачивать на наковальне полыхающую жаром болванку. У него были мощные длинные руки, густо поросшие волосами, на одной из них проступал странный шрам, похожий на скобу.

Увидев эту «скобу» на руке, уполномоченный взглянул в лицо кузнеца, заросшее щетиной, и окаменел. Потом, тихо ступая, направился к двери, оглянулся раз и вышел.

Через полчасаковка кончилась.

— Ну, дядя Гриша, мастак вы! — произнес с удовольствием молотобоец.

— Ты тоже, Павло, гарно стучав, — сказал кузнец, закуривая. — А дэ ж тот мужчина, що заходив?

— А он подождал, подождал да и ушел.

— Ну, бог ему в пидмогу. Работы — до потолка, сам ушев, ништо його не гнав. Усе по порядку.

Они перекурили, и парень взялся раздувать горн, а кузнец уже тащил из угла недокованные шкворни.

Уполномоченный же, выйдя из кузницы, побежал по пыльной дороге к сельсовету, проголосовал там первой же машине и спустя час сидел в райотделе милиции, в узкой комнатке, перед человеком в штатском.

— Товарищ райуполномоченный, — рассказывал он, — я после войны служил на Тернопольщине, в войсках НКВД. Была у нас операция. Командир взвода был молоденький, только что из училища. Повел нас на пасеку в одну деревню. Рота-то вся была в селе. А пасека там километрах в трех, как бы не соврать... Окружили мы пасеку. Враз со всех концов взошли. А там никого. И деда-пасечника — тоже. Ну, покрутились-покрутились мы, а где ее, эту бандеру, найдешь, раз она вся разбежалась! Пошли мы в избу к пасечнику. И вдруг — трах! Я когда в себя пришел, нас из взвода семеро... Остальные все в избе погибли. Кто отбивался, того перестреляли, раненых сожгли, а нас, кто жив был, бандеры в лес угнали. Вовек не забуду, что они с нами делали: били, уродовали... Вот, память у меня осталась, — рассказчик повернулся к слушателю щекой, — это мне один ножом рванул. Потом поставили нас у болота и полосанули... Да плохо у них вышло, потому что в это время наша рота их атаковала. Ну, они в разные стороны, а мы, трое раненых, — в болото, своих там дождались. А покороче так. Был я сейчас в селе Шилино, по службе, и в кузнице своими глазами видел того злодея.

— Кого именно?

— Того, что ножом щеку мне пробил и над прочими изгилялся!

— Вы не путаете? — спросил уполномоченный.

— У меня память крепкая, товарищ сотрудник. А такое забыть трудно.

— Все-таки времени немало прошло, — сказал уполномоченный, роясь в выдвинутых ящиках стола.

— Товарищ сотрудник, я этого гада на том свете не забуду, не то что здесь... Да и примета есть!

Уполномоченный насторожился.

— Как начал он нас пытаться, один наш солдат — Колька Анисимов, он связанным был, — вцепился ему в руку и прокусил до мяса. Накрепко. Кольку они убили, а шрамик этот у гада есть. Да и сама морда страховидная такая... Нет, не путаю я. Да и свидетели есть. Это два моих товарища, с которыми я в болоте укрылся. Один после демобилизации в Туле живет, другой не знаю где. Но вы разыщите.

— Хорошо, — согласился районный уполномоченный, — пишите заявление.

Сам он поднял трубку и вызвал Шилино.

— Здравствуйте, — сказал он секретарю сельсовета, — это Гнедых...

Как фамилия вашего кузнеца?... Мандрыка? А откуда он переселился?... С Тернопольщины? В каком году?... Пятьдесят первом. Ладно. Хороший кузнец? Нет-нет, ничего. Просто к вам в гости собираюсь. Завтра буду.

Потом он позвонил в Омск. Это было не просто, и с час пришлось ждать. Уполномоченный «Заготзерна» уже написал заявление и сидел в углу, следя, как приходится работать уполномоченному другой организации. Наконец дали Омск.

— Товарищ майор, — сказал Гнедых, — тут у меня заявление есть. Прошу вас связаться с Украиной и проверить сведения о Мандрыке Григории Тарасовиче с Тернопольщины. В нашу область переселился он в пятьдесят первом году. Район, кажется, Збаражский. Да, большого заезда оттуда не было, думаю, выяснить не трудно будет. Жду.

Гнедых повесил трубку.

— Все, — обратился он к уполномоченному «Заготзерна», — можете идти. Оставьте ваш служебный и домашний адрес, в ближайшие дни сообщим результат.

На следующий день вечером трое в штатских костюмах вошли в шилинскую кузницу.

— Вы гражданин Мандрыка? — спросил один из них кузнеца.

Тот медленно повернулся к нему. В руках у него был молот.

— Я, а шо таке?

— Пройдемте со мной, — предложил говоривший.

Кузнец переложил молот из левой руки в правую.

— Кто такие будете?

Первый из вошедших показал удостоверение.

— Ну, ладно, — сказал кузнец и бросил молот. — Ты, Вовка, — обернулся он к подручному, — тут гляди, за старшего остаешься...

— А вас куда, дядя Гриша?

— Там побачимо. — Кузнец вытер руки ветошью. — Ну, пошли.

Его везли в «газике» пыльными степными дорогами. Вокруг шла уборочная. Проносились грузовики, полные зерном. С двух сторон от него сидели сотрудники КГБ. Мандрыка смотрел в окно. Тяжелое лицо его с выдвинутой челюстью, сильно выступающими надбровными дугами и маленькими злыми глазками было равнодушным.

На первом допросе он не сказал ничего.

— Шо вы мене пугаете? — спросил он, когда следователь упомянул о его бандеровском прошлом и о том, какая кара грозит ему за преступления. — Ви докажить, шо я — бандюк, тогда и поговорим.

Ему зачитали показания уполномоченного «Заготзерна», он выслушал их без всякого интереса.

— Городит, абы шо. Це я и на вас могу добру бумагу написать. Треба доказательства.

Тернопольское управление уже собирало эти доказательства.

Через несколько дней его вновь вызвали на допрос.

— Так какая ваша настоящая фамилия? — спросил следователь.

— Мандрыка, — ответил арестованный, — а кличут Григорием Тарасовичем.

— Что-то вы путаете, гражданин Кущенко, — сказал ему следователь.

В лице арестованного не дрогнул ни один мускул:

— Таких не знаю.

— Знаете, — настаивал следователь. — Кущенко Назар Григорьевич, командир куреня оуновской или, как вы ее тогда называли, Украинской повстанческой армии. Так?

— Нема таких знакомых у мене, — сказал арестованный, — ничего такого я не знаю.

Очная ставка с уполномоченным «Заготзерна» тоже не произвела впечатления на кузнеца.

— Та шо вин плете? — выслушав взволнованный рассказ свидетеля, пробурчал кузнец. — Брешет як собака.

— А это что? — подскакивая к нему вплотную, закричал уполномоченный; он пальцем указал на обнаженное волосатое запястье, где выделялся рваный шрам.

Мандрыка вскочил, маленькие его глазки налились кровью, он схватил уполномоченного, но следователь крикнул: «Сесть!» — и кузнец успокоился.

— То у мене сызмальства, — пояснил он следователю, закатывая рукав.

— Подлец! — крикнул уполномоченный «Заготзерна». — Это не сызмальства у тебя, а с сорок седьмого года, когда дружка моего Кольку Анисимова пытал... Ну, тепер за все ответишь, гадина!

Кузнец, не шевелясь, смотрел перед собой.

— Отказываетесь что-либо сообщить, Кущенко? — спросил его следователь.

— Я — Мандрыка.

— Признаете верным сообщение этого товарища?

— Брехня.

— Тогда еще посидите, подумайте.

Он сидел в камере и вспоминал. В конце сорок четвертого года он ушел из Львова и в небольшой деревеньке был встречен полковым атаманом Бакланом.

«Прийшов? — спросил тот. — Добре. Будешь у нас куренным. Як дела у городу?»

«Червонные наводят порядки».

«Ось мы им тут поднаведем порядки!»

В тот день они напали на польское село. Поляки были вооружены и защищались. Он, взяв с собой канистру с бензином, прополз в темноте под пулями до крайней хаты, плеснул бензин и поджег. Хаты загорались одна за другой. Отпор поляков сразу ослабел. Ворвавшиеся в село бандеровцы расстреливали мечущихся у горящих домов людей. К утру добились последних.

На следующую ночь подстерегли обоз с ранеными красноармейцами, и всех до одного перекололи штыками, а офицерам на груди вырезали звезды...

Так начиналась его лесная жизнь. О ней он мог еще многое вспомнить, но не хотел. Он знал, что в Сибири, на Кубани, на Севере живут его бывшие товарищи. Почему попался он один? За что их милует бог? И ярость ударила ему в голову. Всю ночь она бушевала в нем и не давала уснуть. А утром на допросе он допустил первую ошибку.

— Меня узяли-то гарно. Трепать языком я не буду, только дюже обидно мене, шо я тут гнить буду, в цей каменной коробке, а другие на свободе.

— Кто, например? — спросил следователь.

— А ось Петро Коцура, — сказал он, — вин под Иркутском в селе счетоводом. А який вин счетовод, колы по чину вин мени равный.

Счетовода колхоза «Путь к коммунизму» Алексея Семеновича Борисенко взяли утром у правления колхоза.

— Петр Коцура? — спросили его.

Он вздрогнул, потом пришел в себя, махнул рукой:

— Так даже лучше. Пятнадцать лет вас ждал.

Он сразу дал полные и обстоятельные показания. Думали, что и Кушченко начнет говорить после того, как выдал Коцуру, но, вопреки логике, кузнец опять замолчал, и допросы не давали результатов. Между тем Коцура сообщил все:

— Вы обо мне можете думать что хотите, гражданин следователь, но я сейчас первый раз за все последние годы успокоился. Я ж даже не женился

пятнадцать лет. А кандидатки были. И сам я человек с чувствами. Но знал, что ваши за мной придут, не решался. Знаете, гражданин следователь, вот работал я в колхозе. Работал хорошо, председатель у меня совета спрашивал, и не такие, видно, плохие я их давал, потому что колхоз наш уже миллионером стал и заработок был у людей хороший. А вот по ночам лежу я в своем доме и думаю: зачем это было? Зачем я оказался в лесу, как только ваши пришли в Галитчину, зачем потом, когда немцы вступили во Львов, я вместе с другими примчался их приветствовать, затем работал в концлагере...

— В каком?

— Да я об этом все расскажу, гражданин следователь, все как есть. Только дайте высказаться.

— Продолжайте.

— Я так думаю: ведь все время шел против вас! А что знал? Ничего! Начитался брошюрок разных о Советах, наслушался всяких сплетен, немецких да бандеровских и бульбашских... А вот если бы поработал в колхозе перед этим хоть пару годков, то понял бы, что жить при Советах можно неплохо. Тогда бы и не натворил такого. Преступления за мной есть. Ваших людей я убил немало... И потому знал, что расплата будет. И когда Советы пришли в Галицию, я уже был в отряде юнаков. Была у нас такая молодежная украинская организация...

— Националистическая?

— Национальная. Мы тогда как считали? Наша Галитчина маленькая, у нее со всех сторон враги. Были немцы-австрияки, потом поляки, потом Советы. Немцы поначалу были нашими союзниками, потому что против Советов. Наш вождь Степан Бандера говорил, что немцы организуют независимую Украину. Мы и ждали. А немцы только пользовались нами. В конце концов мы выступили и против немцев, да внутри у нас тоже разлад сильный начался. Все атаманы передрались между собой, а у холопов чубы трещали...

Следователь записывал.

Он был уверен, что обвиняемый скажет если не все, то очень многое.

— В тридцать девятом, когда вы пришли, у нас была инструкция выжидать и организовывать диверсии. Сам я принимал участие во многих. Обстреляли вашу автоколонну, взорвали две машины. Но скоро нам пришлось перейти к мелким операциям, вроде уничтожения армейской связи и убийства ваших активистов в селах. В это время уже начались крупные облавы. Мы были дважды загнаны в болота, пришлось попрятаться по деревьям. В сорок первом пришли немцы. Когда мы

входили в город, нас приветствовали как героев. Потом немцы прикрутили гайки, послали советников в наши отряды. По приказу штаба я пошел вахманом в лагерь военнопленных. Это был спецлагерь. Туда собирали самых упорных. У нас была инструкция, тайная даже для эсэсовцев, отбирать в кадры тех пленных, кто изъявит желание служить независимой Украине. При этом строго проверять происхождение, выяснять, украинцы ли эти люди... Украинцы ведь жили везде — и в Сибири, и на Кубани, и в Средней России. Вот их мы и должны были вербовать. Два года я был в лагере. Там я перестал быть человеком... В лагере все зверели. Одни оттого, что их все боятся, другие — что всем они ненавистны, а чаще всего мы, вахманы, — оттого, что нас и боялись и ненавидели. Зверели от власти. Есть резиновая дубинка и пистолет. Можешь делать что хочешь. Хочешь — убей, никто не предъявит претензий, потому что пленный для немцев дешевле скота и издеваться и запугивать его входит в программу перевоспитания.

— Вы лично принимали участие в издевательствах и убийствах?

Коцура опустил голову.

— Принимал участие в расстрелах. А так лично, — он приложил руку к груди, — хотите верьте, хотите нет, по своей охоте, никого не убил. Бить — бил. А убивать — нет. Я верующий... В сорок третьем году наметились расхождения среди нашего командования. Кое-кто уже не желал помогать немцам. При первом известии об этом я ушел. Многие еще оставались. Был у нас там страшный человек — Ткачук: палач, по натуре садист, тот оставался в лагере почти до вашего наступления. Принимал участие в расстрелах последних военнопленных, потом пришел к нам. Его курень был самый страшный.

— О его судьбе что-нибудь знаете?

— Однажды был я в Иркутске в командировке и бродил по рынку. Там и встретились. Хотел было скрыться, да не вышло. Выпили, поговорили. Выпытывал у меня обо всем, а о себе — ни звука. Ну и я стал врать, что и как. А ночью черт его знает отчего проснулся, гляжу — Ткачук сидит за столом и читает что-то. Я слежу за ним; он встал, подошел к моему пиджаку и сунул в карман мой паспорт. Все обо мне узнал, сволочь! А я о нем ничего. Так и расстались.

— Значит, он жив?

— Жив. Да и многие живы. То есть немногие как раз. Большинство погибло. Некоторые уже отбыли ссылку, вернулись на Львовщину и Тернопольщину, кто осел в Сибири... Но есть, конечно, и скрывшиеся, как я. Мало, но есть.

— Вы кого-нибудь знаете?

— Никого, кроме Ткачука.

— Продолжайте.

— Я стал сотенным командиром в курене Пивня. Атаман наш советскую власть ненавидел. Ребята у него были отборные. Мы начали операции в тылах ваших наступающих армий. Но нам сильно мешали ваши партизаны. И нам пришлось уйти в болота. Затаиться...

После войны опять началась коллективизация. Крепкий мужик побежал к нам. Мы убивали по селам всех, кто за Советы, нападали на отдельные воинские части, взрывали поезда с мобилизованными солдатами. Нам тоже крупно доставалось, потери были большие, но драться было можно. Потом часть наших отрядов пошла через Польшу и Чехословакию на прорыв в Западную Германию. Большая часть их погибла, но кое-кто дошел. Степан Бандера устраивал их потом в мюнхенские пивные. Остальные продолжали драться. Но скоро поняли, что борьба безнадежна. Из местных комсомольцев создавались истребительные отряды. В них служили местные — и это было самое страшное. Они знали леса и болота не хуже нас, знали настроение населения. Наши стали сдаваться в плен. Была объявлена амнистия всем, кто добровольно сдастся. Я, конечно, не мог пойти на это. За мной стоял спецлагерь. Но у меня имелись чистые документы, и осенью я выбрался из леса. У знакомого лесника побрился, отмылся и сел на первый идущий на восток поезд. Так и попал я в Сибирь.

— Значит, теперь вы раскаиваетесь в своих преступлениях против советской власти? — Следователь внимательно следил за реакцией арестованного.

Тот поднял голову, посмотрел на следователя, снова опустил ее.

— Да что толку, что раскаиваюсь, — сказал он, — поздно мне каяться. Конечно, если б тогда знать, что при Советах такая же жизнь, как и при любой другой власти, что люди как люди, что работа как работа... Но родись вы на Галитчине в мое время, гражданин следователь, попади вы в мой круг, я еще не знаю, не случилось бы с вами того, что со мной случилось...

— Значит, обстоятельства виноваты? Личную вину отрицаете? Разве не было времени одуматься и кое-что понять, хотя бы в спецлагере?

Арестант молчал.

— На сегодня кончим, — сказал следователь. — Прошу помнить: ваша откровенность может вам очень помочь.

— Теперь уж чего скрывать? Я записаться не собираюсь.

Луганов едва успел обнять вернувшегося из больницы лейтенанта Мехошина, как позвонил Скворецкий:

— Зайди, Василий Николаевич.

Когда полковник обращался на «ты», все знали: дело особой срочности. Через минуту Луганов уже был в кабинете полковника.

— Дела такие, — без предисловия приступил к изложению новостей полковник. — В Омской области обнаружены кое-какие следы войны. Попался один из бандеровцев, давно и накрепко замаскировавшийся, сменивший фамилию, устроившийся в Сибири и уже не вызывавший подозрений. Человек этот был связан с Львовским спецлагерем. Пока это только цветочки, ягодки он нам еще не выложил. Мы тут поговорили по прямому проводу с генералом Васильевым. Он считает, что к омским товарищам пора подключать тебя. С львовскими документами ты ознакомился, о Соколове знаешь достаточно, так что в омском оркестре можешь сыграть свою партию. Они берут широко, их этот тип интересует в связи со всей его деятельностью, тебе же надо выяснить у Коцурь все о спецлагере и о том, что делал в нем Соколов. Как вы считаете, Василий Николаевич, — перешел полковник на «вы», — нужно вам лететь в Москву или не стоит отрываться от Крайска?

— Тут у нас пока все в области предположений, — сказал Луганов. — Думаю, лететь мне необходимо. Доводы «за»: я многое знаю о Соколове и, следовательно, даже по намеку смогу кое-что понять и угадать, а местным товарищам надо еще входить в курс этого дела; второе «за»: вернулся Мехошин, и тут он меня вполне заменит.

— Но Мехошин уже пошел по делу резидента. Он же теперь у Миронова?

— У Миронова теперь группа иная. Мехошин отстал, ему все равно, в какую включаться, а по Дорохову и другим он ведь начал работу, и это он дорасследовал дело Рогачева.

Полковник позвонил к Миронову, выяснил, что он не будет возражать, если Мехошин останется в распоряжении Луганова, и разрешил ему использовать лейтенанта по своему усмотрению. Прощаясь, полковник сказал:

— Желаю тебе успеха, Василий Николаевич. Генералу Васильеву доложишь о том, что знаешь.

...В шестнадцать часов Луганов приземлился в Быково и через час был

принят генералом Васильевым.

— Товарищ майор, — после приветствия сказал генерал, — перед тем как вы ознакомитесь с делом этого Мандрыки-Ткачука, должен вас предупредить: полковник нам не менее важен, чем резидент. Резонанс от его процесса может быть не меньшим, чем от процесса в Краснодаре. Вы сами знаете, с каким опытным врагом имеете дело, поэтому будьте крайне внимательны к деталям. Мандрыка-Ткачук... или как там на самом деле, его фамилия... тоже матерый зверь. Несмотря на тупость, он обладает определенной выдержкой. Знает очень многое... Теперь кое-что из этого материала, который вы от нас ждете. Данные о Варюхине и Дорохове во время войны собраны и сейчас систематизируются. В ближайшие дни установят, насколько помнят их бывшие сослуживцы, результаты сообщим вам. Вот пока все... Как там Миронов?

— Работает, товарищ генерал. Думаю, скоро что-нибудь от него услышите, вы же знаете, какой он работник.

— Работник отличный. Только, кажется, немного азартный.

— В самый раз, товарищ генерал; как говорят игроки, без перебора.

— Без перебора! — рассмеялся генерал. — Ну, ладно, дело покажет. Какие вы вынесли впечатления от чтения львовских материалов?

— Впечатления следующие. Рогачев, по всей видимости, наш человек. Родину не предавал, на подлости не шел. В сочетании материалов из Львова и факта убийства, на мой взгляд, таится полная разгадка этого дела.

— Несколько категорично, но факты за вас.

— Второе, что меня заинтересовало, — это появление около Соколова одной фигуры — Ярцева. Его шофера. Попрошу вас, товарищ генерал, помочь мне. О Ярцеве из Крайска я послал запрос в Центр. Сведения о нем могут очень пригодиться.

— Раз послали запрос, товарищи сделают. Еще что у вас?

— Все, товарищ генерал, — сказал Луганов. — Разрешите идти?

— Идите, Василий Николаевич, там, в Омске, поинтересуйтесь для начала Коцурой. Этот говорит охотно и топит своего бывшего сослуживца Ткачука с головой. Интересно, что Ткачук сам выдал Коцуру, а теперь молчит. Ситуация нелепая. Наши омские товарищи решили, что тут какая-то хитрость. Но скоро убедились, что Ткачук мстителен и туп и сам помог заманить себя в капкан. Впрочем, все это еще следует проверить... Ну, всего хорошего вам, Василий Николаевич!

...В гостинице Луганову сообщили, что билет на Омск заказан, вылет в пять сорок пять. Он поблагодарил и прошел в свой номер.

Утром его разбудила дежурная:

— До вашего самолета час двадцать.

Он стал собираться...

На первом же допросе в Омске Луганов понял, что Коцура раскрывает все, что знает.

— С какой целью был создан на Львовщине спецлагерь? — спросил Луганов.

— Да и сказать трудно — с какой, — говорил Коцура. — Собирали туда только беглецов из других лагерей. Так что работа наша была трудная. Почти все охранники были украинские националисты. Мы числились по штатам эсэсовской украинской дивизии «СС-Галитчина». И должны были выбить из пленных дух непокорности. Командование требовало, чтобы мы проводили в лагере вербовку в наши ряды. Однако с этим слабо продвигалось, пленные организовывали побеги. Конечно, в большинстве случаев их ловили и расстреливали. Пока ловили бежавших, весь лагерь должен был ждать на ногах. Некоторые не выдерживали: стояли по десяти-двенадцати часов, раз даже двое суток. Тех, кто падал, убивали.

— Кроме вас какие-нибудь нацистские службы вербовали людей в лагере?

— Гестапо. Но мы о его работе ничего не знали.

— А власовцы?

— Был там какой-то власовец... Но мы с ним редко встречались. Он, по-моему, нас, украинцев, ненавидел.

— Узнали бы его по фотографии?

— Едва ли. Я очень редко его встречал. Он, правда, нашими людьми пользовался для пыток, но мы, вахманы, с ним редко встречались.

— Назовите людей, которые работали вместе с этим власовцем.

— Да вот, — с возбуждением заговорил Коцура, — вот тот Ткачук с ним и работал! Он в лагере под другой фамилией был. Не помню какой...

— Кущенко?

— Верно, Кущенко. Но эту фамилию он взял для конспирации. У нас так повелось: чтоб каждый имел другую фамилию. Этот Ткачук был страшный человек. Его не только пленные, мы боялись. Он был силен чудовищно. И пытал страшно. Особенно москалей. Люди после его пыток редко выживали. Мы все недоумевали, как Ткачук служил власовцу — хоть и союзнику, да москалю. А у него чуть не дружба была с этим власовцем.

— Это тот Ткачук, что встретил вас в Иркутске?

— Он самый. Я так и подозревал, что он меня выдал. Послал небось анонимку.

— Вот фотографии, — сказал Луганов. — Посмотрите, нет ли

знакомых.

Коцура разложил веером фотографии и стал их рассматривать. Луганов почувствовал, что его охватывает волнение. Коцура откладывал в сторону фотографии Аверкина, Варюхина, Дорохова, жены Дорохова.

— Нет, — сказал Коцура, — не знаю никого. Может, даже и встречал, но не помню.

— Допрос окончен, — сказал Луганов, — идите.

Он очень устал. Опять надежды не сбылись. Сведений о Соколове не прибавилось.

Вошел следователь из Омского управления.

— Идут дела? — спросил он.

Луганов молча покачал головой.

— Ничего, — ободрил его омич, — тут есть еще один тип. Никак его не раскушу. То как будто хитер и даже умен, то кажется тупицей. Его случайно обнаружили. Он по тем же делам, что и Коцура. Бандеровец. Убийца. Сам выдал Коцуру, а о своих делах молчит. Я думаю завтра им устроить очную ставку. Вы приходите к одиннадцати, может, будет что и по вашему делу.

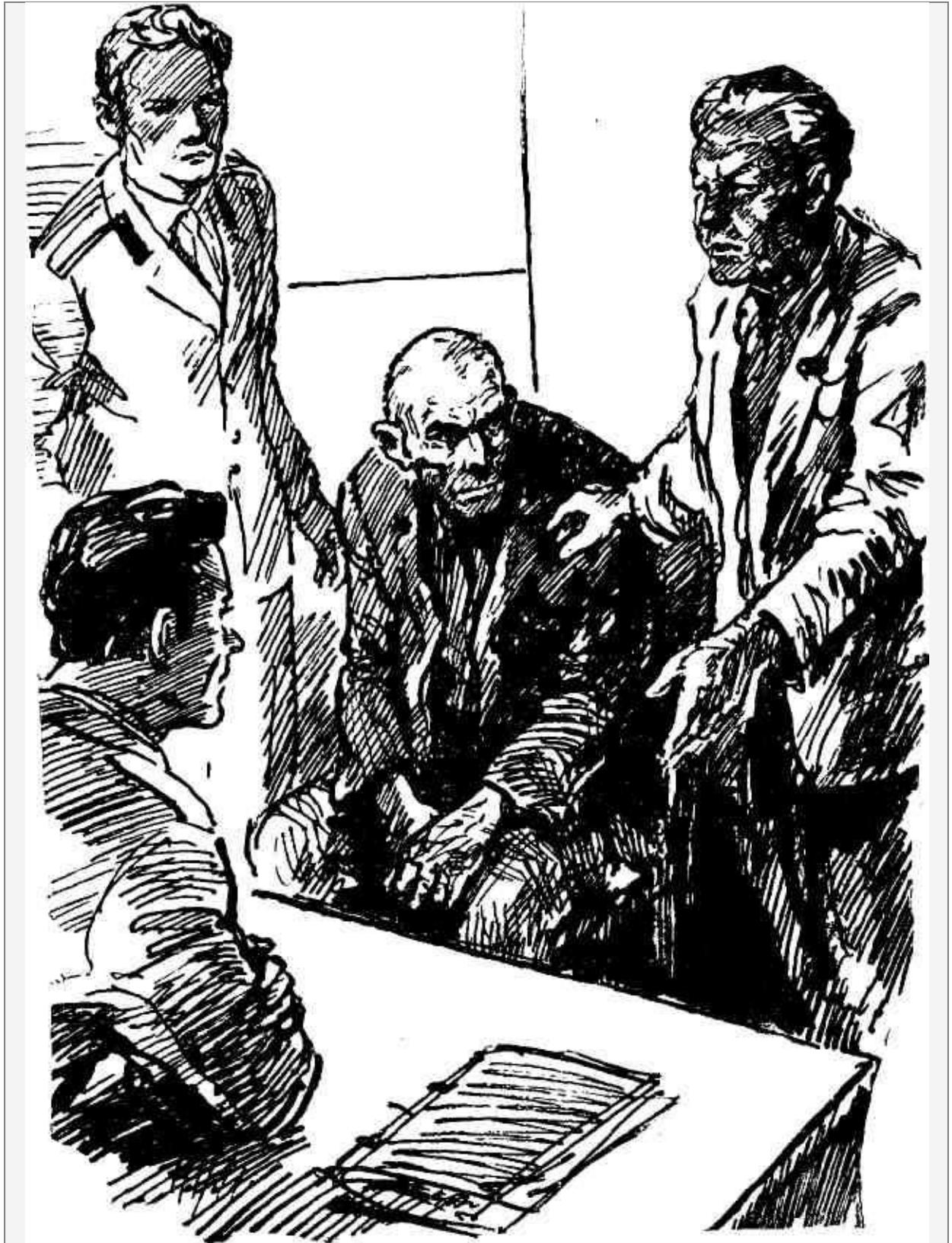
Утром Луганов вместе со следователем сидел в кабинете и ждал заключенных. Первым привели Мандрыку.

— Ну, Мандрыка, он же Кущенко, — обратился к нему следователь, — еще не надумали говорить?

Луганов вздрогнул, когда услышал: «Кущенко». Так это он, палач!

Ввели Коцуру. Едва заметив Мандрыку, он вытянул руку и сказал:

— Он. Ткачук. Свидетельствую, граждане. Самый большой злодей из всех, кого я на свете видел.

Огромный, наголо обритый кузнец шевельнул бровями, коротко взглянул на Коцуру и отвернулся.

— Гражданин Ткачук, — сказал следователь, — вам молчать бесполезно. О вас уже почти все известно. И то, как вы работали в спецлагере...

Ткачук дернул головой и уставился в стену.

— ...И то, как вы были куренным в бандеровских бандах. Так что давайте говорить начистоту. Ваш сотоварищ нам все рассказал, у него и надежда есть на лучший исход.

Ткачук снова посмотрел на Коцуру и вдруг плюнул ему под ноги.

— Ладно, ладно, — сказал следователь, — эти штучки вы для других приберегите. Тут у вас сочувствующих нет, так что нет смысла и сцены разыгрывать... И вообще не пойму я, зачем вы выдали Коцуру, если не хотели говорить?

Ткачук посмотрел на следователя каким-то затравленным взглядом и отвернулся.

— Отвести, — приказал следователь. — И того и другого.

Бандеровцев увели.

— Вот чертовщина! — сказал следователь. — Этот громила сам ведь выдал Коцуру и мог быть уверен, что этот в отместку все о нем скажет... И молчит.

— Ничего, — ответил Луганов, — теперь он заговорит. Точно знаю, что заговорит.

Луганов поднялся и возбужденно заходил по кабинету.

— Он так нам важен, что должен заговорить!

Последние ночи Ткачук не спал. Он вспоминал лучшие дни своей жизни. Сорок первый, лето. Как вступали во Львов немцы, как за мотоциклами их, танками, пушками и колоннами пехоты вступал в город батальон «Нахтигаль», а за ним шли отряды лесовиков, и в одном из них он, Ткачук, молодой, рослый, здоровый, радостно кричащий приветствия немцам.

Потом осенью сорок первого он, Ткачук, на машине комендатуры разъезжает по улицам в эсэсовской форме. Листья с шуршанием падают под колеса, разбегаются с дороги люди, а он сидит с автоматом рядом с шофером в черном мундире и высматривает среди прохожих еврея или москаля...

Ткачук скрипит зубами, ворочается; пятнадцать лет он жил в Сибири, работал и разговаривал с этими людьми, но ничего им не забыл. И если бы

времена переменились и ему было дано право опять шагать по лагерю, поигрывая нагайкой, он опять бы сек ею, да так, чтоб ни одного не оставить в живых. Он засыпал к утру, часа на два, но и во сне видел все то же: лагерь, своих и немецких эсэсовцев, коменданта и нагайку, с которой он был властелином...

Ненависть, скопленная за целую жизнь, вздымалась в нем. На допросах он не слушал, о чем его спрашивали, молча отворачивался от следователя.

...Луганов и следователь уже изнемогали. Этот убийца не поддавался на обычную человеческую логику. Допрос за допросом не давал результатов.

Дела между тем не прояснялись. Позвонили из Москвы, сообщили, что югославы нашли людей, подтвердивших храбрость Варюхина в партизанских рядах. С Дороховым картина была более сложной. Шесть человек из его батальона, увидев его фотографию, разделились во мнениях. Трое утверждали, что это не Дорохов, трое подтверждали: да, Дорохов. Прошло двадцать лет как-никак...

Луганов внимательно следил за тем, как реагирует Ткачук на вопросы. Последнее время некоторые вопросы он хотя бы выслушивал, тогда как раньше они для него, казалось, просто не доходили.

— Вот вы упираетесь, Ткачук, а зря, — сказал ему однажды следователь, — многие ваши сотоварищи уже сейчас работают, как все люди, а вы еще в прошлом живете. Бессмысленно это. Вовк, Маленький, Смачный во всем признались, отбыли срок, теперь живут не тужат...

— А шо бы им тужить? — спросил вдруг Ткачук. — Воны вам половины про себя не казали, а вы вже довольны... Чого бы им тужить?...

— Почему же! Мы данные их перепроверили, — возразил следователь. Луганов с интересом следил за допросом.

— А шо воны казали? — угрюмо быча голову, спросил Ткачук. — Як воны ваш госпиталь застукали на шляху на Станислав, казали? А там Вовк распоряжався!

Следователь пожал плечами:

— В большинстве своих преступлений они покаялись.

— «Покаялись»! — пробурчал Ткачук. — Воны головы вам заморочили, та и все... Маленький — це ж главный разведчик на Тернопольщине був. Вин казал, шо дитэй вашего секретаря порубили в разрушенном доме?

— Не могу понять, отчего вы о себе не расскажете? Раз у вас чуть не каждый был таким душегубом, то вам совсем не страшно в этом ряду

предстать.

Ткачук сразу замолчал, и допрос пришлось закончить.

— Он завистлив, — сказал Луганов следователю, — завистлив и никого не любит... Вот на что его надо брать.

— Самое удивительное, — произнес следователь, — что он и Коцуру вот так же выдал. Я сначала даже не понял, зачем он это сделал. Думаю: завоевывает право на жизнь. Нет. Это он из зависти. Я, мол, арестован, почему же другие, такие же, как я, на свободе ходят... А в селе о нем хорошего мнения и даже послали к районным властям узнать, нельзя ли освободить Мандрыку, отличного кузнеца и хорошего человека.

— Когда надо, прятаться умеет, — сказал Луганов. — Вы не будете возражать, если я проведу следующий допрос?

— Пожалуйста. Я и сам хотел вам предложить.

На следующем допросе Луганов встретил Ткачука внезапным вопросом:

— А вы знаете, Ткачук, что в селе о вас хорошо вспоминают?

Ткачу к покрутил головой.

— У яком сели?

— В Шилино. Говорят, был хороший кузнец и человек, мол, порядочный.

— А вы шо?

— Пока молчим. Сказать «убийца», «палач», как-то неудобно.

— Скажете, — пробурчал кузнец. — А шо кузнец, так и есть кузнец. Кабы Советы не пришли в Галитчину, я бы у себе кузнечил. У меня кузня была на шесть наймитов. Усе отобрали...

— Поэтому и начали против нас бороться?

— А шо? Ты бы не начав, кабы тебя разули, раздели?...

Луганов пристально посмотрел на Ткачука, потом вынул и разложил перед ним фотографии: Дорохова, Ярцева и нескольких бывших бандеровцев.

— Вот, Ткачук, — сказал он, — все эти люди тоже имели грехи против советской власти. Однако некоторые из них заработали прощение. Признались в своих поступках. И теперь уже освобождены. Разве вы не могли быть среди них?

Луганов, не отрываясь, наблюдал за тем, как Ткачук рассматривает предложенные ему фотографии.

Он отодвинул карточки бандеровцев, чему-то ухмыляясь, зато фотография Ярцева в эсэсовской форме привела его в волнение. Из-под нависших бровей глаза его взглянули на Луганова с изумлением. Но,

встретив его напряженный взгляд, Ткачук сразу овладел собой. Взяв фотографию Ярцева, он захохотал:

— А цего тоже освободили?...

Ткачук почесал переносицу и хмыкнул.

— Ось я, як вы казалы, для вас душегубец. Того гляди, меня к вышке приговорят, а цей хлопец на свободе гуляет! Слушай сюды... То був кат такой, шо йому равного не було! Я душегубец? Та я перед ним овечка, ось шоб меня бог сокрушил! — Он перекрестился. — Но погоди, я их усих на чистую выведу! Скольких ваших зарезав... Скольки вин руками задушив... А пытав як?...

— А ты не пытал, Ткачук? — сорвалось у Луганова.

Ткачук замолк, долго смотрел в окно тоскливым и злым взглядом, потом повернулся к майору:

— Так я ж ваших пытав. Я ж за идею! Ему все равно кого резать було! А це кто? — Он резко толкнул к Луганову фотографию Дорохова.

— А это полковник Соколов, — сказал Луганов, стараясь быть как можно равнодушнее, — большая птица...

Ткачук зажмурился, стиснул кулаки, прижав их один к другому, и с минуту сидел молча. Потом встал.

— Голова болит. Хай мене отведут в камеру.

Луганов приказал конвоирам увести его. И долго еще сидел за столом, размышляя о том, чего добился. Похоже было, что Ткачук чем-то встревожен. Чем?

Ткачук, войдя в камеру, кинулся на койку и зарылся лицом в подушку. Никогда еще не охватывала его такая паника. Полковник Соколов! Он не мог даже разобраться, какие чувства в нем сейчас говорят. Страх? Но ведь не Соколов его выдал, а Коцура!

...Ткачук, как и все оуновцы, не выносил полковника Соколова. И все-таки в течение нескольких месяцев он делал все, что приказывал полковник. Больше того, к полковнику у него появилось чувство безраздельной холопской преданности. Он не знал, когда оно возникло. Может, с того момента, когда Ткачук, явившись по приказу лагерной канцелярии в кабинет Соколова, попал под прицел небольших зеленых глаз, которые сделали его совершенно беспомощным. Может быть, это пришло в тот момент, когда, стоя у барака, он увидел, как вслед за полковником крадется лагерник с ножом в руке, и полковник, не оглядываясь, метнулся в сторону в тот самый миг, когда с силой пущенный нож уже летел ему в спину.

Ринувшись на помощь, Ткачук двумя ударами убил пленного. Но

полковник не выразил благодарности. Он наклонился и пощупал у пленного пульс; тот был мертв. Соколов удалился.

С тех пор Ткачук многое делал по приказу полковника. Прикажи ему то же самое его командир-оуновец, он еще бы подумал, выполнять ли такое поручение, а от одного взгляда Соколова мчался как пришпоренный выполнять приказ. У Ткачука всегда было ощущение, что Соколов видит его насквозь. И он смотрел на Соколова почти с суеверным чувством ужаса. Это не человек, а дьявол! Он все может.

Хорошо помнил Ткачук и последнюю встречу с Соколовым. Летом, когда большевики взломали фронт и двинулись ко Львову, руководство ОУН приказало своим людям уйти в лес. С точки зрения немецкого командования, это было дезертирством. Поэтому Ткачук, направляясь на одну из конспиративных квартир на окраине Львова, старался не выходить на центральные улицы, забитые машинами отступающих частей вермахта. Он шел в мешковатом крестьянском пиджаке, в холщовых штанах, вправленных в грязные сапоги, у него на голове сидел украинский капелюх, и он казался самому себе неузнаваемым. При повороте в узкий переулок стоял серый «оппель» и неподалеку от него офицер в русской гимнастерке с надписью «РОА» на рукаве.

«Иди-ка сюда, Ткачук», — сказал ему Соколов.

И, ужаснувшись, он покорно побрел на оклик.

«Уходишь?» — спросил Соколов.

«Приказ був», — пробормотал Ткачук.

«Приказ!» — усмехнулся Соколов. — «Так ты, значит, вот кому служил... Своим кретинам из ОУН...» — Минуту он молчал, разглядывая Ткачука зелеными холодными глазами. — «А, черт с тобой! Иди хоть к самому сатане. Великая Германия скоро ляжет сплошным навозом, и туда ей дорога. Но ты помни: то, что знаю я о тебе, никто не знает. И учти: сколько бы вы там ни копошились в своих лесах, красные вас все равно истребят. У них в этом деле большой опыт. Да и силенок вам не хватит. Война кончится, и скоро. После нее, если останешься жив и устроишься где-нибудь, согласен работать на меня?»

Ткачук изумленно тараторил на этого человека, столь спокойно предсказывавшего судьбу войны.

«Языка лишился? — резко спросил Соколов. — Я тебя еще раз спрашиваю: согласен работать на меня после войны?»

«Так вы же москаль», — пробормотал Ткачук. Он совершенно не знал, что отвечать.

«Дубина! — Соколов презрительно оглядел его с ног до головы. — Кто

бы ты ни был: англосакс или папуас... если ты знаешь, что большевики — твои враги, ты должен работать против них. Ясно?»

«Ясно», — пробормотал Ткачук. Теперь он думал только об одном: скорее уйти от этого человека, а там... там видно будет.

«Вот что я тебе приказываю, — сказал Соколов; он сунул руку в карман и вынул какие-то бумаги. — Когда сбежишь от своих и окажешься у красных, предъяви эти документы».

Ткачук растерянно листал документы. Это был паспорт сорокового года на фамилию Харченко, выданный обывателю одного из сел на Полтавщине, и еще несколько справок.

«К чему це?» — спросил он.

«К тому, — сказал Соколов, — что на Полтавщине уже давно оставлены документы, что этот Харченко был в партизанах и потому неблагонадежен в отношении немецких властей. Таким образом, если наведут справки, ты их человек до мозга костей. А справок в селе они не наведут. Село уничтожено. Одни трубы. Так что с этими документами, да в таком виде, как сейчас, ты можешь ждать красных хоть на лежанке. Легенду, как оказался на Львовщине, сам придумашь. Мало ли мы партизанских отрядов уничтожили, мало ли народу из них хоронятся по всей Украине! Так что помни: этот документ поможет тебе в любую погоду. Берешь?»

Ткачук молчал.

«Минуту даю, — произнес Соколов, закуривая. — И, кроме того, помни, что ты в моих руках... Но это на всякий случай... Для остратки. Подумал? Согласен?»

Ткачук поднял голову.

«Ни. Хлопцы найдут — пристрелят. Та и к коммунистам счет у меня великий».

«Ну, если так, — сказал Соколов, — тогда ступай. Но помни!»

Соколов сел в машину, и через секунду «оппель», подняв тучу пыли, скрылся в переулке. А Ткачук шел на явочную квартиру и думал: кто же этот Соколов? Уж не красный ли? Но тогда зачем ему, чтоб Ткачук присылал свой адрес на вымышленную фамилию? Потом разве красный стал бы творить со своими такое... Ведь ничего не было хуже для пленных, чем попасть к полковнику Соколову. От него уходили или в могилу, или в армейскую школу немецкой разведки... Нет, не красный Соколов, но кто же тогда?...

Ткачука охватил страх. Он лежал на тюремной койке, съежившись, обмякнув всем своим огромным телом, и думал: «Полковник всемогущ,

Провел, видно, большевиков и на свободе. А на него, Ткачука, конечно, зол. Ведь он после разгрома армии Бандеры скрылся, переименовал фамилию, а открытки на Московский главпочтамт не послал...»

Луганов ждал, что на следующем допросе Ткачука скажет все. И действительно, Ткачук заговорил. В общих чертах он подтвердил то, что рассказывали о его деятельности другие. Но все попытки заставить его дать более подробные сведения о полковнике Соколове ни к чему не приводили.

— Еще немного о Соколове, — сказал Луганов. — Что вы тут туман пускаете, Ткачук? По его приказу вы казнили людей?

Ткачук облизнул губы. Луганов посмотрел в его помертвевшее серое лицо.

— Воды? — спросил он и подал Ткачуку стакан с водой.

Ткачук жадно выпил.

— Вернемся к Соколову. Он в лагере работал от кого? От РОА или от гестапо?

Ткачук пошевелил губами.

— Мабудь от гестапо, — пробормотал он, — а може, и ни. Хтось його знае — от кого? Може, и от вас! Хиба його разобрать! Це сам Сатана, ось шо кажу.

Видя волнение Ткачука, Луганов стал кое-что понимать.

— Да вы не бойтесь, Ткачук. Тут вам Соколов не страшен. Что конкретно делал Соколов в лагере?

Но Ткачук опять умолк, пришлось его увести в камеру.

И опять ночью, лежа на жестком тюфяке, Ткачук вспоминал последние свои дни в рядах националистов. В сорок восьмом стало уж очень плохо. Со всех сторон войска МВД и истребительные отряды из местных комсомольцев теснили и дробили силы «повстанческой армии». Жестокий бой следовал за боем, поражение за поражением; авиация выслеживала дым костров в глухих чащобах, местные коммунисты проводили сквозь непроходимые болота группы чекистов, крестьяне начинали отказывать в продовольствии. В сорок девятом наступил разгром. Связь между разными частями националистов была прекращена, курени их были изолированы один от другого, тогда-то и началось бегство даже самых стойких. К тому же советское правительство заявило, что предоставит амнистию всем добровольно сложившим оружие. Ткачук знал, что у сотенного Яценко есть чистые документы. Ночью поговорил с ним о том о сем, а к утру твердо было решено: бежать. Беглецам пришлось таиться от собственных караулов, шли всю ночь по болоту и лесу; утром были у лесной деревеньки. Долго приглядывались: нет ли солдат. Ночью поползли к хатам. Но выдала

собака, и началась стрельба. Ткачук нырнул в кусты и там затаился. На рассвете по стонам обнаружил Яценко. Тот был ранен в ногу. С километр волок его на себе Ткачук, обходя деревню. Тогда-то и пришла мысль: за что он должен страдать, таская на себе Яценко? Чем заслужил эту долю Яценко, убийца и пьяница? Разве ж Бог будет против него, Ткачука, если он отправит на небо одного из своих бывших дружков? И Ткачук взялся за нож... Потом он вынул из карманов Яценко бумаги. Теперь у Ткачука был советский паспорт, знал он и место, где можно затаиться на время. Недалеко жила его старая знакомка, вдова мельника. К ней и направился Ткачук. У вдовы он прожил два месяца. Из дома выходил только ночью. И ночью же, чисто выбритый, в костюме, оставшемся от мельника, ушел на ближнюю станцию, пообещав вдове выписать ее к себе, как только где-нибудь устроится. Но когда устроился, о ней забыл и вспомнил только теперь, почти через полтора десятка лет.

На следующем допросе Ткачук был задумчив, не реагировал на вопросы, и Луганов, перебирая фотографии, обдумывал, каким образом заставить его заговорить.

— Так и не знаете его? — спросил он, поворачивая к Ткачуку фотографию Дорохова. — Так уж он вам совсем и не известен?

Взглянув, Ткачук дернулся и перекрестился.

— Свят-свят, спаси и помилуй! Да уберите вы, гражданин следователь, цего Сатану!

— Чем он вас так пугает? — удивился Луганов.

— Та шо мене, — пробормотал Ткачук, вытирая рукавом с лица пот, — вин и вас спугае. Тильки побачьте...

— Нас-то он уже не испугает, — сказал Луганов, чувствуя нахлынувшую радость. — Вы, значит, и в этом обличье его узнали?

— Я його — и з рогами и з копытами будь — зараз отличу! — сказал Ткачук. — Спрячь тую хвото, гражданин следователь.

— А сильно изменился Соколов, — спросил Луганов, — или почти тот же, что в лагере?

— Тильки шо поседел, — отворачиваясь, сказал Ткачук. — Та шо вы мене пытаете, гражданин следователь? Мене до нього ниякого дила не мае, и прошу меня його хвото под нос не тикать.

— Ладно, Ткачук, иди. Сегодня ты хорошо нам помог.

— Кому вам? — нахмурился, вставая, Ткачук.

— Следствию, — сказал Луганов.

В Крайске в это время дела тоже не стояли на месте. В тот самый день, когда Луганов добился наконец от Ткачука ответа на один из самых важных вопросов следствия, Миронов в своем кабинете в Крайском управлении также получил серьезное сообщение.

— По данным райотдела Центрального района, — говорил в трубку голос одного из сотрудников, — Длинный проходил у них по делу о драке семь лет тому назад. Фамилия его Ярцев Ефим Кузьмич, девятнадцатого года рождения. Я, товарищ майор, сразу же навел справки. Оказалось, что Ярцев снимал квартиру у одной старушки на улице Кона. Я предъявил ей ряд фотографий. Она Длинного узнала. Квартиру я осмотрел. Ничего особенного в ней нет. Слесарный инструмент, несколько пустых бутылок. По сообщению хозяйки и по сведениям милиции, последнее время, около трех лет, Ярцев не работал на постоянной работе. Устраивался временно то грузчиком, то шофером, уходил после двух-трех месяцев. Известно, что раньше он довольно крепко выпивал. В последнее время пил редко. Думаю, товарищ майор, с биографией Ярцева надо лучше ознакомиться.

Миронов уже занялся этим. Он распорядился размножить фотографии Длинного и предъявить их в райотделах милиции, в домоуправлениях и на производстве. Это была нелегкая работа — найти в миллионном городе человека по фотографии. И однако кое-что удалось обнаружить. С полученными материалами Миронов поспешил к полковнику. Но тот заговорил первым:

— Андрей Иванович, сведения из Центра. Луганов только что вскрыл прямую связь между Дороховым и Соколовым.

— Подручный?

— Кто?

— Дорохов у Соколова?

— Дорохов и Соколов — одно и то же лицо, — сказал полковник. — Это сообщение чрезвычайно важно. Завтра жду сюда Луганова. Что у тебя?

— У меня тоже большая находка, Кирилл Петрович. Длинный оказался Ярцевым. Известна его личность, значит, найдем и следы, ведущие к резиденту.

— Хорошо. Подработай пока подробности. Завтра с утра соберемся втроем и все обсудим.

Утром следующего дня Луганов забежал в кабинет к Миронову. Они

обнялись и, не успев переговорить, были вызваны к полковнику.

— Теперь все мы в сборе, — сказал полковник Скворецкий, — и с хорошими новостями. Товарищи, похоже, первый этап поисков окончен, нам сегодня предстоит обдумать дальнейшие меры по обезвреживанию резидента. Ваше слово, Василий Николаевич.

Луганов встал.

— Мне пришлось иметь дело с Ткачуком. Это бывший украинский националист, человек решительный, но неумный. С помощью омских товарищей удалось выяснить важное обстоятельство. Оказалось, что Ткачук был надзирателем в спецлагере, где работал полковник Соколов. Удалось объединить материалы двух бывших вахманов спецлагеря Коцуры и Ткачука. В результате полковник Соколов вырисовывается, как фигура чрезвычайно опасная. Это человек незаурядный, сумевший среди стойких людей, которые в основном были собраны в спецлагере, отыскать нескольких послабее, которые стали его помощниками и немецкими агентами. Главное, что дал допрос Ткачука, — это открытие, что Дорохов и Соколов — одно лицо. Теперь объект поисков установлен. Недоказанный факт смерти Дорохова можно отбросить. Соколов сбежал, потому что по его следам шли, и он это чувствовал.

— Твоя очередь, Андрей Иванович. Доложи о своих материалах.

— Особенно больших успехов нет, — сказал Миронов, проводя рукой по пышным темным волосам, — но в самое последнее время мы выяснили одно любопытное обстоятельство: человек, который проходил у нас по кличке Длинный и доставил нам столько неприятностей, имеет имя, фамилию и биографию.

— Что и следовало ожидать, — произнес полковник.

— Естественно, — согласился Миронов, — но пока он был для нас Длинным, это лишало поиски конкретного адреса. Теперь такой адрес у нас есть. Настоящая его фамилия Ярцев. Ефим Кузьмич Ярцев. В сороковом году, отбыв срок заключения за кражу, он вышел из тюрьмы и оказался во Львове. Там он попал в руки оккупационных властей. Работал на немцев, отсидел за это после войны и потом стал, по всей видимости, доверенным лицом резидента.

— Товарищи, — неожиданно громко обратился Луганов, — но ведь Ярцев, по документам, высланным из Львова, и по показаниям вахманов, не кто иной, как бывший шофер Соколова!

Все трое напряженно глядели на фотографии, которые рассыпал по столу Луганов.

— Мы действительно поработали неплохо, — сказал полковник. —

Наши предположения становятся почти фактами. Мы уже можем всерьез говорить о версии, что полковник Соколов и резидент — одно лицо!

— В этом, видимо, не стоит сомневаться, товарищ полковник. Меня на встречу с резидентом вел Длинный. Связь прямая.

— Тем не менее Соколов мог быть помощником резидента, мог работать рука об руку с ним. Поэтому точки мы тут ставить не будем. Пока все по-прежнему. Соколов — это Соколов, резидент — это резидент. Работаем двумя группами, но контакт должен стать теснее. Любая новость, идущая по каналам группы Луганова, должна немедленно становиться известной группе Миронова, и наоборот. Каждый день, как и раньше, будем собираться в моем кабинете в начале и конце рабочего дня. В ближайшее время Миронову необходимо выявить у всех общавшихся с резидентом людей, как они будут реагировать на фотографию Дорохова. Луганову следует еще раз допросить Софью Дорохову. И когда будете это делать, Василий Николаевич, уведомите меня. Я хочу присутствовать при допросе.

Офицеры поднялись и, простившись с полковником, вышли из кабинета.

Сотрудник из группы Миронова, тот самый, что нашел квартиру инженера Григорьева, опять появился в доме, где бывал уже не раз.

— Прасковья Тимофеевна, — обратился он к дворничихе, открывшей дверь, — можно к вам на несколько минут?

Вместе с ним вошел молодой парень.

— У меня к вам несколько вопросов относительно того вашего жильца, о котором мы столько с вами говорили. Помните? — спросил сотрудник.

— Григорьева-то! Как же не помнить, — откликнулась дворничиха. — Так ведь он, милоч, с тех пор так и не появляется.

— Ничего, дело не в этом, — сказал сотрудник, наблюдая, как товарищ его достает квадратик твердой бумаги, кисти и краски. — Я хочу узнать, как он выглядел.

— Как? Ну, бородка... — наморщила лоб дворничиха.

— Большая?

— Как большая? Не веником, конечно. Веником теперь не носят.

— А какую Григорьев носил?

— Темная бородка у него была, — рассказывала дворничиха, — такая небольшая, на конце заостренная.

— Клинышком?

— Да не сказать чтоб клинышком, а так, навроде округлая вокруг

подбородка, а на кончике вытянутая.

— А цвет, вы говорите, темный? — спросил сотрудник, оглядываясь на товарища: тот что-то рисовал.

— Темная. Такая не то чтоб черная, а, как бы сказать, вроде коричневая...

— А волосы? — спросил сотрудник. — Такие же?

Дворничиха задумалась.

— Не знаю, милоч, не помню.

— Как же, бороду помните, а цвет волос нет? — допытывался сотрудник. — Может, он лысый был?

— Какой лысый! Нет. А, вспомнила. Он же вечно при берете ходил. Синий такой берет, широкий. Всегда он в нем, никогда и не снимал.

— Как он его носил? Прямо? Низко над бровями?

— Наискось так, набекрень.

— Как молодой?

— Так он и не старый.

— Без морщин?

— На лбу, может? — вспоминала дворничиха. — Ну да, лоб морщинистый, а сам он еще хоть куда.

— Ну как, Коля, готово? — спросил сотрудник товарища.

Тот кивнул головой и передал небольшую фотографию.

Сотрудник вынул из кармана несколько других, перемешал их и передал дворничихе.

— Посмотрите, Прасковья Тимофеевна, нет ли здесь вашего жильца.

Дворничиха долго рассматривала фотографии, потом положила перед собой фотографию бородатого мужчины в берете с жестким и запавшим взглядом глубоких глаз.

— Никак, он! — сказала дворничиха, надевая очки. — Ей-богу, он! Только борода немного густая, у него пореже...

Когда они вышли, сотрудник пожал товарищу руку:

— Благодарю, Николай, очень нам помог.

Художник-ретушер одной из городских фотографий улыбнулся:

— Да тут работы-то было раз плюнуть.

Лейтенант Мехошин в штатском костюме прошел по длинному коридору к двери с табличкой «Областная плановая комиссия». За машинкой сидела светловолосая девушка лет двадцати пяти. Машинка под ее рукой издавала барабанную дробь.

— Бойченко занят, — сказала она, не отрывая глаз от текста.

— И Бойченко занят, и секретарь его занят... Одни неудачи. — Мехошин присел напротив девушки. — А его заместитель может принять?

— Заместителя пока нет, — продолжая печатать, ответила девушка.

— Куда ж он делся?

— Товарищ, не отрывайте меня от работы!

Мехошин покачал головой, удивляясь такой невероятной деловитости, и уселся поплотнее в кресло.

— Подождем.

— Вы по какому делу? — спросила секретарша.

— По разным. И попрошу вас, если это возможно, отложить на время ваши дела.

— В чем дело? — Она подняла голову и узнала Мехошина. — А, вы из КГБ?

— Да. И хотел бы поговорить...

— Я сейчас доложу Виктору Васильевичу.

— Нет, я хотел бы поговорить с вами!

Секретарша отложила текст, отодвинула машинку, взбила прическу и всем своим видом показала, что она готова.

— Вы Михаила Александровича Дорохова хорошо знали?

— Как сказать... — заулыбалась секретарша, — он, знаете, такой строгий был, такой официальный... Но вот как праздник, а особенно к Восьмому марта, всегда приходит такой сияющий, вежливый и обязательно с подарком. Джентльмен. Иногда даже дорогие духи дарил...

— Значит, очень обходительный?

— Очень!

— А на работе он в вас нуждался?

— Нуждался, конечно. Но не очень. Машину ему там вызвать, если куда едет...

— С кем он ездил?

— С Виктором Васильевичем, начальником нашим. А так больше ни с кем, он по натуре замкнутый. Но в работе очень деловой. Вызовет меня диктовать, ходит, через плечо смотрит...

— Вне работы он с кем-нибудь дружил, не знаете?

— Не знаю. Он на банкетах все больше с женой бывал.

— Вы говорите, машину он через вас заказывал? Когда были персональные машины, какой шофер был за ним закреплен?

— Мишка Савостин, кажется. Да, точно. Мишка Савостин.

— Он сейчас здесь работает?

— Да. Вы спуститесь в гараж, они там вечно сидят, ждут вызова.

— Большое спасибо.

— Да за что! Если что надо, приходите.

С Михаилом Савостиным Мехошин решил говорить откровенно. В гараже он довольно быстро отыскал коренастого, светловолосого крепыша в промасленном комбинезоне.

— Савостин? — Мехошин показал ему удостоверение.

— А, — произнес Савостин, — даже интересно.

— Михаил Анисимович...

— Зовите просто — Михаил.

— Вы возили Дорохова?

— Михаила Александровича?

— Да.

— Возил. Два года.

Мехошин пригляделся к парню, глаза у того были зоркие, спокойные.

— Какое он оставил впечатление?

— Да разные были впечатления.

— Вы возили его по делу или были и другие поездки?

— А как же, обязательно были.

— Куда же возили его? К друзьям?

— Друзей-то я, по правде сказать, у него не заметил. Не такой Михаил Александрович был человек.

— Это как понимать?

Савостин присел на подножку машины.

— Сказать по правде, — пояснил он, — у меня такое мнение было, что он дружить с людьми не умеет. Вот взять меня. Я все же личный его шофер был. Он старался со мной ладить вообще-то, но нет-нет да и вылезет в нем такой барин! Попробуй только откажись вечером его куда подвезти...

— Это внеслужебных часов?

— Конечно.

— А вы что, не могли возразить?

— Знаете, против начальства идти, что против ветра дуть.

— Ну и куда же он ездил во внеслужебное время?

— Да редко это... Но я к тому, что не любил он, когда перечат ему.

Сразу прижать умел.

— Так куда же вы ездили во внеслужебное время?

— К женщине возил. Приезжала к нему одна.

Лейтенант насторожился.

— Фамилию знаете?

— Нет, не знаю. А звали не то Катя... не то... Не помню. Давно уже

было.

— Как давно?

— Год назад.

— Как она выглядела?

— Полная, светловолосая. Ничего, довольно красивая... И характер, видно, неплохой.

— Откуда это видно?

— Разговорчивая. Мне рассказывала о Крайске. Даже стыдно стало. Она приезжая, а мне о Крайске рассказывает, как будто это я нездешний.

— Часто вы ее возили?

— Да нет, раза два. В гостиницу «Крайск». Там она останавливалась.

А потом на вокзал.

— А куда она уезжала?

— Один раз на юг, другой раз в Москву.

— Она москвичка?

— Не помню.

— А еще не припомните, куда возили Дорохова?

— Да больше по хозяйственным делам. Жену его — по магазинам.

— Михаил, у меня к вам просьба. Вот мой телефон. — Лейтенант написал номер на листке и передал Савостину. — Если что-нибудь касающееся Дорохова всплывет в памяти, позвоните мне по этому телефону, попросите лейтенанта Мехошина.

— Если вспомню, позвоню, — пообещал Савостин.

Миронов позвонил Луганову:

— Василий Николаевич, меня все время тревожит: не спугнули ли мы резидента по другой линии?

— По какой другой?

— Нам надо проследить: не могли ли мы, идя по следам убийцы Рогачева, испугать резидента преждевременно?

— Сейчас в облисполкоме лейтенант Мехошин действует. Я ему позвоню, и вы с ним переговорите.

— Отлично!

К вечеру лейтенант Мехошин постучал к Миронову.

— Товарищ майор, звали?

— Садитесь, лейтенант... Вот какое дело. Вы проводили следствие по Рогачеву?

— Да.

— Вы сразу вышли на след Дорохова?

— Товарищ майор, я пошел по той же дорожке, что и Дима Голубев. Сразу узнал, кто в последний раз был командирован в совхоз, и начал их проверять.

— Так-так, — сказал, заметно волнуясь, Миронов. — А могли бы вы установить, не дошел ли до Дорохова слух о вас, вернее, о том, что вы что-то выясняете?

Мехошин взглянул на часы. Было около пяти.

— Разрешите позвонить, товарищ майор.

— Звоните.

Лейтенант набрал номер.

— Галя, это говорит тот товарищ, что с вами утром беседовал о Дорохове. Вы бы не могли задержаться минут на десять? Вот спасибо. Я еду...

Вернулся Мехошин минут через двадцать пять.

— Товарищ майор, — обратился он, — в начале следствия я проверял Варюхина, Кузькина и Дорохова, беседовал с их руководством. Секретарша начальника областной плановой комиссии Бойченко сообщила мне сейчас, что, когда я был у Бойченко, в приемную пришел Дорохов. А когда она сказала, что Бойченко занят, любопытствовал: кто у него? Она сказала: товарищ из КГБ. Именно с того часа никто из работников плановой комиссии больше не видел Дорохова.

— Спасибо, лейтенант, — поблагодарил его Миронов, широко улыбаясь, — все, что нужно, у нас есть.

Совещание у Скворецкого началось с сообщения полковника.

— Товарищи, генерал Васильев пришел к тому же выводу, что и мы. Он тоже считает вероятным совпадение личностей резидента и Соколова. У нас остается недоказанным одно звено: резидент ли Дорохов или один из агентов резидента. Мы до сих пор не знаем, кто был инженер Григорьев — или тот же Дорохов-связной, или сам резидент.

— Товарищ полковник, — подал голос Миронов, — мы пока этого и не узнаем, но один факт стал нам известен.

— Прощу вас, майор.

— Лейтенант Мехошин сейчас установил, что Дорохова спугнул он. И это было в тот именно день, когда я шел на встречу с резидентом. В одиннадцать часов, продолжая следствие по делу Рогачева, лейтенант разговаривал с начальником областной плановой комиссии товарищем Бойченко о Дорохове. В этот момент к Бойченко пришел Дорохов. Секретарша сказала, что у начальника товарищ из КГБ. Тогда-то Дорохов и

исчез.

— Ясно, — сказал полковник. — Пока все данные за то, что Дорохов-Григорьев-Соколов (сколько там еще у него псевдонимов?) и резидент — одно и то же лицо. Но спешить с окончательным выводом не будем. Сейчас Центр работает над материалами по нашему запросу. Выясняются личности людей, которых Соколов завербовал в спецлагере. Данные эти нам будут посылать по мере выяснения. Генерал Васильев советует объединить обе поисковые группы — Миронова и Луганова — под общим руководством Миронова. Луганов становится заместителем Миронова. Обе группы начинают работать над поиском Соколова. Условное название операции: «Охота на О б о р о т н я». Под этой кличкой будет у нас идти Соколов. Вопросы есть, товарищи?

— Товарищ полковник, не пришла ли пора допросить супругу Дорохова? — спросил Луганов.

— Пока попробуем подождать, — сказал полковник, — и вот почему. По всем данным, человек этот знает что-то и не хочет нам помочь. Соберем побольше сведений и тогда уже будем говорить с ней, как с соучастником деятельности Соколова, если она этого заслуживает. Не заслуживает, допросим как свидетеля. Продолжайте за ней наблюдать, Василий Николаевич.

— Слушаюсь, товарищ полковник.

— У меня все, товарищи.

Утром следующего дня работа шла как обычно, но и Луганов, и Миронов чувствовали, что теперь в их поисках больше определенности и направленности.

При выявлении знакомых семьи Дорохова было установлено, что почти нет людей, с которыми бы они проводили свободное время. Эта полная замкнутость семьи в шумном многолюдном городе привлекла внимание работников.

— Посмотрите, как законспирировались, — говорил Мехошин, просматривая фотографии Дорохова и его жены. — Словно жили, готовясь к тому, что когда то их будут проверять, выяснять их знакомства и родственные связи.

— Выкладывайте-ка ваши версии, друзья, — сказал вошедший Луганов, — что вы думаете о Дороховой?

— Думаю, что она связана со своим мужем и участвовала в его шпионской деятельности, — ответил молодой сотрудник Мухин. — Иначе бы она и в милиции вела себя по-другому.

— А вы, Мехошин, как относитесь к такому выводу? — спросил Луганов.

— Вывод категоричен, потому весьма сомнителен. Во-первых, если бы она действительно работала с ним, он не оставил бы ее после своего бегства.

— Он думал, что самоубийство ее прикроет.

— Не такой он глупец, этот Соколов, — сказал Мехошин. — Посмотрите его прежнюю деятельность: он ходы свои крепко продумывает. Да и здесь работал несколько лет, а следов почти не оставил... Нет, думаю, Дороховой он просто воспользовался.

— Ладно, — произнес майор, — предполагать, конечно, неплохо, но лучше знать, как говорит наш полковник. А знаем мы, друзья, еще маловато. Вам, Мехошин, необходимо проверить все, что знает о Дорохове и Дороховой семья ее сестры. Наши товарищи там работали, но теперь сведения нужны более полные.

— Слушаюсь, товарищ майор.

— А вы, Мухин, направляйтесь на квартиру к Ярцеву и выясните поподробнее о его образе жизни, связях и делах.

— Есть, товарищ майор.

Мионов вошел, когда Луганов, задумавшись, сидел над какими-то бумагами.

— Андрей, мне кажется, мы совершенно напрасно медлим с Дороховой.

— Почему? — спросил Мионов.

— Упускаем время. Если она виновна, нас этот разговор ни к чему не обяжет. Оборотень отлично знает, что мы теперь взяли за него. Если же она до сих пор не подозревает, кто ее муж, она наверняка нам поможет.

— А если она до сих пор считает, что он утонул?

— Надо все это выяснить.

Мионов подумал и взял трубку телефона. Набрав номер, он сказал:

— Товарищ полковник, мы с Лугановым пришли к выводу, что Дорохову необходимо допросить, и как можно скорее.

Он выслушал ответ полковника и пояснил:

— Допрос в милиции — это одно, у нас — другое. Она это тоже отлично понимает. Кроме того, у нас есть некоторые факты.

Из трубки послышался голос полковника.

— Хорошо, товарищ полковник, — ответил ему Мионов.

Он повесил трубку, повернулся к Луганову:

— Сегодня в четыре часа. На допросе будет и полковник. Надо нам с

тобой подработать детали.

Когда Софья Васильевна Дорохова вошла в кабинет полковника, навстречу ей поднялись трое.

— Полковник Скворецкий, начальник Крайского управления госбезопасности, — представился полковник, — это майор Миронов, это майор Луганов.

Дорохова кивнула, на узких ее скулах выступили багровые пятна.

— Садитесь, Софья Васильевна, у нас к вам дело.

Дорохова настороженно оглядела собравшихся и опустила на стул.

— Софья Васильевна, — сказал полковник, — дело, из-за которого мы вас потревожили, касается вашего мужа.

— Товарищ полковник, — Софья Васильевна вскинула голову, глаза ее засверкали гневом, — когда это наконец кончится!

— Что именно, Софья Васильевна?

— Когда меня оставят в покое, когда наконец прекратят эти бесконечные вызовы?

— Но вы у нас в первый раз, Софья Васильевна!

— У вас — да! А милиция? А прокуратура? У человека погиб муж, а вместо того, чтобы отвлечь ее, ей непрерывно об этом напоминают.

— У меня к вам один только вопрос, Софья Васильевна. После этого мы отвезем вас домой и вы сможете наконец отдохнуть. Что вы сейчас знаете о месте пребывания вашего мужа?

— Что?! — изумилась Дорохова. — О чем это вы, товарищ полковник?

— Я вот о чем, Софья Васильевна: ваш муж никогда и мысли не держал кончать жизнь самоубийством. И вы, конечно, об этом знаете.

— Нет, — крикнула Дорохова, вскакивая, — как вы можете!

— Успокойтесь, Софья Васильевна, — произнес Миронов, — нам надо выяснить некоторые данные. Нервничаете вы напрасно.

— Спрашивайте.

— Сколько лет вы живете с Дороховым? — спросил Луганов.

— Около пяти.

— При каких обстоятельствах вы познакомились?

— В доме отдыха.

— Через какое время вышли за него замуж?

— Через три месяца.

— За пять лет совместной жизни вы хорошо узнали характер своего мужа?

— Да... Конечно...

— С кем ваш муж поддерживал знакомства?

— Почти ни с кем.

— Все-таки?

— У нас не было друзей. Муж не любил ходить в гости. У нас хорошая библиотека. Он любил читать. Летом мы ездили в лес, на реку...

— А что вы знаете о его биографии?

— Он воевал. Был в плену, его спасли. Работал, окончил институт... Или институт он кончил перед войной... Не помню. Семья его погибла во время войны. С тех пор он одинок.

— Так где же он сейчас? — повторил свой вопрос полковник.

Дорохова вскинула на него гневные глаза.

— Вы подозреваете меня? — сказала она. — Подозреваете в том, что я знаю что-то?

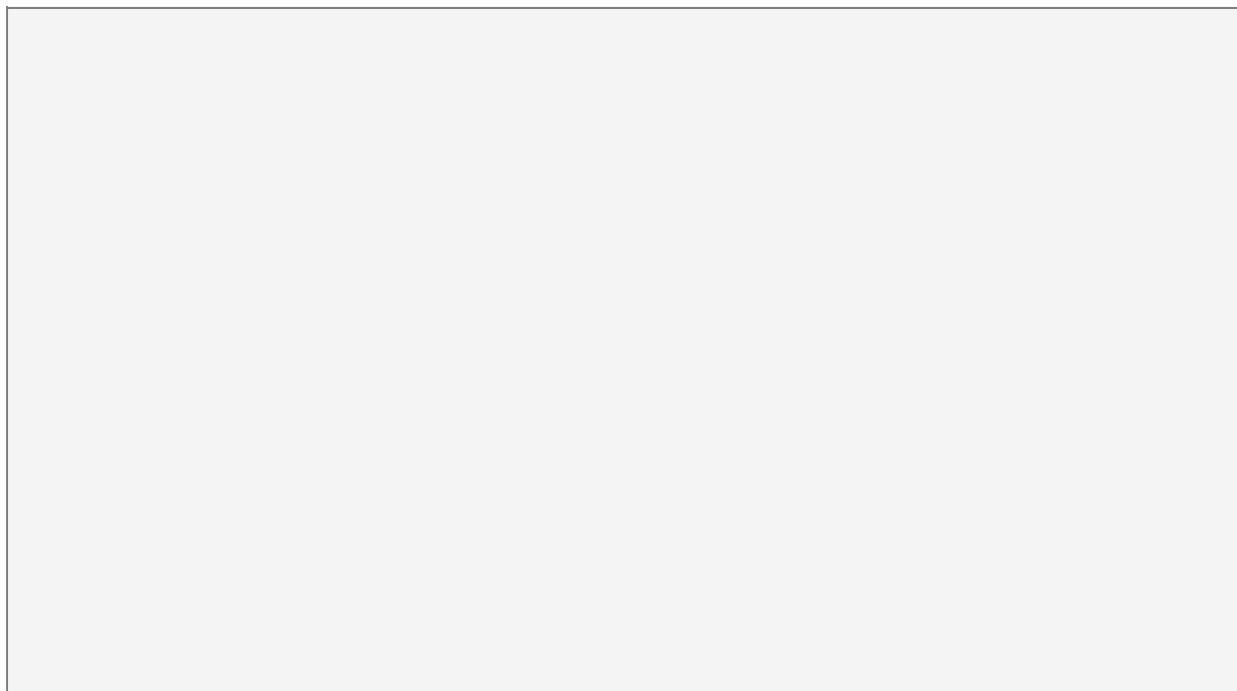
— Значит, вы не знаете, что ваш муж жив?

— Но почему же тогда он исчез?

— Вот это мы и хотели выяснить, — сказал Скворецкий. — Товарищ Миронов, предложите гражданке Дороховой фотографии.

Миронов тут же высыпал перед Дороховой веер фотографий. На них был светловолосый юноша в пиджаке, капитан в армейской форме с жестким и решительным взглядом глаз, опять капитан в новой парадной форме...

— Узнаете? — спросил Миронов.

— Откуда я могу его знать? Это совершенно незнакомый мне человек.

— А между тем это ваш муж, — сказал полковник. — Объясните, в чем дело, — обратился он к Луганову.

— Человек, фотографии которого вы здесь видели, юридически вам прямая родня, это Дорохов Михаил Александрович, пропавший без вести летом сорок четвертого года во время боев в Латвии. Подлинный Дорохов, — пояснил Луганов. — Теперь вы понимаете?

— То есть как? А муж? Он кто? — спросила, побледнев, женщина.

— Вот это-то, дорогая Софья Васильевна, нам и необходимо выяснить, — сказал полковник, — вот поэтому-то вас и беспокоим все это время.

— Значит, он самозванец? — спросила Дорохова.

— В этом мы вам даем гарантию, — ответил полковник.

— Не может быть... — Краска совершенно отлила от лица Дороховой. — Этого не может быть! Не может быть!

— Софья Васильевна, — после паузы произнес полковник, — у нас здесь ничего и никогда не придумывают.

Женщина молчала, погрузившись в свои мысли.

— Софья Васильевна, — обратился к ней Луганов, — скажите, какие указания он вам оставил, уходя в последний раз?

— Но никаких же, никаких! — почти крикнула женщина. — Он явился около половины двенадцатого, сказал, что срочно нужно ехать, — и все!

— И только это? — настойчиво спросил Миронов. — Извините, Софья Васильевна, но вы должны напрячь память. Ничего, кроме этого?

— Нет, ничего. — Она опустила глаза. — Я ничего не помню.

Наступило продолжительное молчание. Наконец полковник встал:

— Софья Васильевна, прошу вас позвонить нам, если что-нибудь припомните. Это очень и очень важно для нас. И для вас тоже.

Дорохова поднялась и медленно пошла к выходу. Перед дверью она остановилась, с мольбой взглянула на офицеров и вышла. Все трое переглянулись.

— Какое впечатление? — спросил полковник.

— По-моему, говорила искренне, — ответил Луганов.

— А по-моему, что-то умалчивает, — не согласился Миронов, — есть что-то недосказанное.

— Что ж, — сказал полковник, — возможно, и так. Однако об оборотне ничего нового. Поэтому главное сейчас — выяснять связи.

— Над этим продолжают работать, но опять-таки придется иметь дело с Дороховой.

— Нет, — не одобрил полковник, — ее надо оставить в покое. Ни расспросов, ни допросов. Ждать. Выяснить все через сотрудников, родственников, приятелей.

— Вот то-то и оно, — сказал, выходя из кабинета, Миронов, — где они, приятели? Куда он их запрятал?

— Вот погляди, — обратился Миронов на следующее утро к Луганову, придвигая несколько листков. — Центр информирует о том, как движется дело в Омске. Ткачук уже перестал запереться.

Луганов с интересом перелистал материалы. Ткачук сознавался. Он рассказывал о том, что делал по указанию Соколова. Не щадя себя, говорил о пытках, которые применял к заключенным. Не утаил и того, как Соколов вербовал его, как предложил ему паспорт, по которому собирался найти его после войны. Показания были откровенными и полными. В заключение Центр сообщал, что сейчас омские товарищи добиваются от Ткачука и Коцуры фамилий людей, которых завербовал в лагере Соколов, во Львове над этим тоже работают.

— Да, Соколов не мог, конечно, забыть тех, кого вербовал, — сказал Луганов. — Если раскопают фамилии, мы сразу же проверим этих людей. Тогда уж Оборотною не скрыться.

— Не так быстро, — усмехнулся Миронов, — Оборотень тоже знает, что делает.

— Разумеется, — согласился Луганов, — но если обнаружат хоть одного из этих типов, надо сразу ехать туда.

— Ты прав, я поговорю с полковником. Один из нас останется, другой должен вылететь на место.

— Местные товарищи могут возразить.

— Почему? Мы прилетаем с полной информацией, в качестве консультантов. Это им пригодится не меньше, чем нам пребывание там.

— А кто полетит? — спросил Луганов.

— Думаю, лететь надо мне. Ты отсюда будешь координировать всю деятельность.

В пятницу в кабинет Миронова заглянул полковник.

— Как дела, Андрей?

— Идут, Кирилл Петрович. Выясняем связи Дороховых.

— Правильно. — Полковник присел в кресло. — Ничего

существенного не обнаружено?

— Существенного нет, Кирилл Петрович.

Полковник помолчал, посмотрел на Миронова. Тому было ясно, что у Скворецкого что-то есть к нему, но обычно решительный полковник на этот раз молчал. Вошел Луганов.

— Здравствуйте, товарищи, новостей нет?

— А у тебя? — спросил Миронов.

— Пока нет, — развел руками Луганов. — Работаю.

— Вот что, товарищи, — заговорил Скворецкий, — тут пришла мне в голову одна мысль... — Он с какой-то робостью посмотрел на офицеров. — Как вы проводите воскресенье?

— А что? — спросил Луганов.

— Я свободен, — сказал Миронов, перебивая Луганова.

— Да, собственно, и я тоже, — вдруг что-то поняв, ответил Луганов. — Есть работа на воскресенье, товарищ полковник?

— Нет, — сказал, не глядя на них, полковник, — просто предложение. Может быть, организуем турпоход?

— Отлично придумано, Кирилл Петрович.

— А куда? — спросил Луганов.

— Ну, хоть в Дубровинские леса. Побродим по борам, товарищей погибших помянем.

— Это идея, — поддержал Миронов. — Мы с вами, Кирилл Петрович, хоть и в другой стороне дрались, но с дубровцами встречались.

— Идет, — сказал Луганов, — во сколько сбор?

— А семья как, Василий Николаевич, — спросил Скворецкий, — не забастует?

— Они от меня за вечер устают, — улыбнулся Луганов. — Во сколько собираемся?

— Пораньше, — оживился Скворецкий. — В семь устраивает?

— В семь, — подтвердил Миронов. — Пройдемся форсированным шагом, встряхнем старые кости.

— Уж и старые... — проворчал полковник. — Короче говоря, встреча на речном вокзале в семь ноль-ноль.

Полковник вышел, майоры переглянулись.

— Видишь, какие мы все-таки недотепы, — сказал Миронов, — он после смерти жены один. А мы о нем даже и не вспомним. А я — то... Двадцать с лишним лет его знаю, считался его партизанским сыном — и ни разу не навестил!

— Да, — вздохнул Луганов, — но он у нас строгий старик. Увидишь

его на работе, собранного, сосредоточенного, и не придет в голову, что он может страдать от одиночества.

— Держаться умеет, старая чекистская школа. А мы с тобой, Василий, публика нечуткая. В воскресенье надо его отвлечь. Развезать.

На том и порешили.

Мионов жил в гостинице. С высоты четвертого этажа видна была людная площадь внизу, непрерывное движение транспорта, бесконечные волны людей, заполняющие площадь. По вечерам он часто стоял у окна, глядя на залитый лимонным фонарным светом вечерний мир. И сегодня после напряженного субботнего дня он подошел к раскрытому окну. Медленно расстегивая запонки сорочки, он думал о полковнике Скворецком.

Скворецкий в его глазах, впрочем как и в глазах всех сотрудников Крайского управления, был настоящим чекистом, представителем старой, выпестованной еще Дзержинским и Менжинским, школы контрразведчиков. Он был беззаветно предан своему делу, умел использовать в работе свой и чужой опыт, умел ни на секунду не ослаблять внимания к делу охраны государственных интересов и всегда был готов учиться всему новому и передовому.

Мионов вспоминал, как тринадцатилетним мальчиком, покинув Бобруйск, где погибла его семья, он вышел после трехдневных скитаний по лесам на передовые посты партизанской бригады. Была осень. Промозглый холод заползал под его лохмотья, пока усатый партизан вел его по ночному лесу к партизанскому лагерю. Из землянки, к которой его подвели, вышел коренастый человек, одетый в телогрейку и военную фуражку, оглядел его и сказал:

— Проходи, поговорим.

Тогда они говорили в первый раз — беженец-мальчишка Андрей Мионов и начальник разведки партизанского отряда майор Скворецкий.

Много было сказано в тот вечер, и удивительно, что раскрыл свою душу не только тринадцатилетний мальчишка, но и взрослый человек, закаленный почти двадцатилетней работой по охране интересов Советского государства. С тех пор они были неразлучны. Андрейка стал ординарцем и вестовым Скворецкого. И расставались они только тогда, когда Андрей уходил в глубокую разведку. А с приближением лета сорок четвертого года Андрей все чаще уходил в разведки. Готовился мощный удар. И требовалось все больше и больше сведений о противнике. И никто не мог так легко добывать их, как Андрей. Правда, это была видимая легкость.

Перед каждым заданием Скворецкий, осунувшийся, напряженный в ожидании предстоящей операции, репетировал с ним возможные ее варианты. Андрей должен был отвечать гестаповцу, полицаяу, должен был вжиться в очередную легенду, и только тогда, когда Скворецкий был удовлетворен результатами, мальчика отпускали в разведку. И, бродя по селам и станциям, забитым немецкими солдатами и техникой, покрытой летним камуфляжем, он ни на секунду не забывал, что там, за десятки километров, в лесной землянке волнуется и ждет его майор Скворецкий. И это ощущение необходимости своего возвращения помогало Андрею быть находчивым и решительным при выполнении задания.

Посвистывая, проходил он мимо немецких патрулей, спорил и плакал перед останавливавшими его полицаями, доказывал им, что мамка послала его к тетке за картошкой и солью, потому как дома совсем ничего не осталось, и, убежденные его видом и молодостью, полицаяи в конце концов отпускали мальчика.

А через день-два на этом отрезке дороги летели с рельсов немецкие эшелоны, взрывались гранаты и гремело над селом неудержимое «Ура!».

После войны, когда Андрей учился в спецучилище МГБ, Скворецкий часто навещал его. Андрей приезжал к Скворецкому на каникулы, знал его жену Антонину Федоровну, и в их доме его всегда принимали как родного. Годы шли, Андрей все реже и реже писал по знакомому адресу, у него уже была семья, интересная работа. Правда, несколько раз он навещал Скворецких, приезжал в командировки. А в это свое пребывание в Крайске поручение, данное ему генералом Васильевым, настолько поглотило его, что он забыл о том, что кроме служебных бывают еще и иные отношения. К тому же Скворецкий никогда не вызывал к себе сочувствия или жалости. Он был сильный и твердый человек, решительный и умелый руководитель. Поэтому и мысли не возникало о том, что он тоже нуждается в нежности, в братской или сыновней привязанности. И только после разговора о воскресном турпоходе Миронов понял, как одинок его партизанский отец. И теперь, стоя перед раскрытым на ночную площадь окном, он обвинял себя в черствости и неблагодарности.

Поход удался. Сначала три туриста проплыли на катере километров двадцать вниз по течению реки, потом сошли на пристани в Дубровке и, закинув на спины рюкзаки, двинулись по лесной дорожке в глубь леса. Первым шел Скворецкий. Тяжелый рюкзак возвышался над его плечами. Миронов, вышагивая последним, с удовольствием видел, как легко идет его старший товарищ.

Солнце бросало яркие сполохи между деревьями. Высвистывали

птицы, упруго пружинила под ногами травянистая тропа. Они уже довольно далеко отошли от села, а тропа все бежала, уводя их глубже и глубже в бор. Огромные сосны создавали прохладный навес, не давая солнцу пробиться сквозь раскидистые кроны.

— Может, привал? — спросил Луганов.

— Нет, рано, — сказал, не оборачиваясь, полковник и прибавил шаг.

Так шли они еще часа четыре. Лес становился глуше. Изредка виднелись заросшие травой рвы — остатки траншей и окопов. Полковник замедлял шаг, проходя мимо этих безмолвных памятников войны. К полудню они вышли на поляну. Посередине ее стоял холмик, на вершине его деревянная красная звезда.

— Привал, — скомандовал Скворецкий, — тут мы, братцы, отдохнем.

Он стал быстро распаковывать рюкзак. Миронов и Луганов пошли за хворостом, и скоро запыхал костер, в котелке уже кипело нехитрое варево. Все трое, присев у костра, испытывали приятное чувство покоя.

— Раньше я очень любил такие экскурсии, — говорил Луганов, — но вот жена стала прибалывать, теперь редко выбираемся.

— А мы все Подмосковье обошли, — сказал Миронов. — У нас все семейство на этих традициях воспитывается. Вы, Кирилл Петрович, видно, часто тренируетесь?

— Каждое воскресенье. Соберу соседских ребятишек — и сюда или подальше. Ребятам интересно, просят рассказать о партизанах...

— Кому это памятник? — спросил Миронов. — По звезде видно, что еще с военных лет. Неужели не могли заменить чем-нибудь современным?

— А чем ее, военную звезду, заменишь? — спросил полковник. — Эти памятники ставили товарищи убитых. Простые памятники, но в них память о военных днях. Тут полег весь Дубровинский отряд Кошелева, — поглядывая на звезду, сказал полковник. — А братскую могилу и звезду эту возвел другой отряд, который они спасли, брянские партизаны Федотова.

— Об этом писали, Кирилл Петрович? — спросил Миронов.

— Мелькнуло где-то в брянских мемуарах. Некому писать, весь отряд здесь остался.

— Как это случилось?

— Немцы окружили отряд Федотова. Полицай, посланный со специальным заданием к Федотову, выдал, где находились партизаны. Сюда на машинах были посланы два полицейских полка СС, дорогу к болоту отрезали парашютисты. Отряд Федотова был крепкий, испытанный в боях; стали они прорываться к болоту, а когда вышли к нему, попали под удар немецких парашютистов. В отряде половина раненых, женщины, дети —

всех надо было спасать, а их атакуют отборные вымуштрованные головорезы с автоматическим оружием. Тут бы и легли федотовцы, но спасли их двадцать три подпольщика из Дубровки — совсем еще мальчишки. Они давно собирались создать свой отряд, но не хватало оружия. А когда немцы начали операцию против партизан Федотова, они и решили действовать. Ребятам было по шестнадцать-семнадцать лет, как нашим краснодонцам. Выбрали они командира, стали держать совет, как помочь федотовцам. Как им сообщить, что они выданы немцам. Решили идти через болото, чтобы показать партизанам проход через трясины. Но подросли к бою. Со своими жалкими охотничьими ружьями и пистолетами они пошли на помощь федотовцам — ударили в тыл парашютистов. Те рассеялись. Федотовский отряд прошел, а мальчишки остались прикрывать его. Но тут с фронта навалились на них полицейские полки, а парашютисты, сообразив, что противник не так уж силен, ударили с тыла. Никто из дубровцев не ушел, так все здесь и остались. Федотов с партизанами вернулся в эти места. Героев похоронили. Поставили звезду. А с фашистами потом расквитались.

— А тот мерзавец нашелся, который предал? — спросил Миронов.

— Об этом пока ничего не знаем, — ответил Скворецкий, — даже имя его не установлено. Но брянские товарищи ищут.

...В город отплыли на катере только вечером. Прислушиваясь к разговору полковника и Луганова, Миронов был доволен. Первый раз после смерти жены полковника он видел его таким словоохотливым и веселым.

Когда сошли на крайскую пристань, город уже пылал вечерним заревом фонарей.

— Спасибо, товарищи, — поблагодарил полковник, прощаясь. — Отлично отдохнул.

Утром следующего дня оба майора были срочно вызваны в кабинет полковника.

— Садитесь, товарищи, — сказал Скворецкий, поздоровавшись, — срочное сообщение из Центра. Ткачук и Коцура кое-что припомнили. Среди тех, кого сумел завербовать Соколов в спецлагере, был некий Спиридонов Николай Селифанович, захваченный немцами в боях в Молдавии летом сорок первого года. Тогда он был сержантом, служил в конном корпусе. Ярцева немцы не стали конспирировать. О его деятельности в качестве подручного Соколова ничего не было известно. И они оставили Ярцева как Ярцева. Тот факт, что он служил у немцев в качестве шофера, не мог быть особенно криминальным в условиях почти трехлетней немецкой оккупации. Так же и Спиридонова они могли не

конспирировать. Был в лагере, но мало ли в то время прошло людей через немецкие концлагеря! Поэтому товарищи начали с того, что отыскиали Спиридонова Николая Селифановича, бывшего сержанта конного корпуса, и это, по всей видимости, тот самый Спиридонов. Короче говоря, в данное время он работает директором магазина в одном из городов Закарпатья. Вам, майор Миронов, нужно будет туда поехать. Майор Луганов возглавит здесь работу группы. Все ясно, Андрей Иванович?

— Ясно, товарищ полковник, — сказал Миронов, вставая. — Когда вылетать?

— Немедленно.

— Есть.

Миронов выехал в аэропорт, а через два часа уже сходил по трапу в одном из закарпатских аэропортов.

* * *

Местные сотрудники сообщили Миронову, что ОБХСС имеет некоторые сведения о Спиридонове. Было известно, что лица, причастные к распространению контрабандных товаров, нередко общаются со Спиридоновым.

Миронов поинтересовался у городских товарищей о путях распространения контрабанды. Оказывается, в Закарпатье для контрабанды были условия. Здесь проживало несколько десятков тысяч чехов и словаков, много поляков и свыше полутора сотен тысяч венгров. Почти все из них имели возможность навещать родственников в дружественных странах. Оттуда они привозили самые разнообразные вещи, и в большом количестве. Скоро некоторые люди стали использовать эту возможность. Они знали, к кому обратиться за чешской обувью, французскими чулками или яркими рубашками из ФРГ. Так на территорию нашей страны поступали товары по неконтролируемым ценам.

В кабинете начальника управления было созвано совещание. Первое слово было предоставлено Миронову.

— Товарищи, насколько я знаю, вы следите за деятельностью Спиридонова. Вопрос только в том: брать ли Спиридонова немедленно.

— Пока не установлены все его связи, брать рано, — высказал свое мнение начальник управления.

— По сообщениям наших сотрудников, в последнее время Спиридонов находится в каком-то лихорадочном состоянии, — сказал

майор Яковенко. — Мне кажется, товарищи, что Спиридонова необходимо брать. Связи свои он раскроет на допросах.

— Я склоняюсь к тому же, — поддержал Миронов. — Спиридонов всего лишь пешка в крупной игре, нет смысла тянуть.

— Вы еще не окончательно введены в курс дела, товарищ Миронов, — сказал начальник управления. — Спиридонов объединяет вокруг себя самых разных людей. Их следует выявить всех, чтобы на допросах вызвать его на откровенность.

— Мне трудно возражать против этого, товарищ полковник, — ответил Миронов. — Я действительно знаком не со всеми материалами, которыми вы располагаете.

— Сделаем так, — предложил полковник, — сегодня мы с вами проработаем все материалы и тогда уже решим относительно ареста Спиридонова.

Миронов согласился. Весь день и вечер были посвящены выяснению деятельности Спиридонова в Закарпатье. Просмотренные материалы укрепили Миронова в его мнении, что Спиридонова следует немедленно арестовать. В отличие от местных товарищей, которые считали, что Спиридонов — центр целой сети или группы, Миронов был уверен, что Спиридонов лишь звено в цепи, созданной Соколовым. Поэтому он настоял на том, что завтра утром Спиридонов будет доставлен в управление. Миронов спешил приступить к допросу, так как был убежден, что за Спиридоновым стоит фигура покрупнее — сам Соколов.

Но на следующее утро события приняли неожиданный оборот.

В субботу в ресторане за городом собралось большое общество. Это были люди разных профессий: художники, адвокаты, работники торговли, врачи... Все присутствующие, за исключением нескольких компаний, явно приезжих, были знакомы. Разговаривали между собой громко, смеялись. А когда оркестр заиграл «Черемшину», все запели. В это время в зал вошла красивая женщина в вечернем платье, а следом за ней двое мужчин. Один — темноволосый, худощавый, другой, крепкий рослый с голубыми глазами, — Спиридонов. У него было немолодое лицо с жестким и решительным выражением. Все трое прошли, раскланиваясь, между столиками и сели неподалеку от оркестра.

По тому, как охотно помчался к столику вновь прибывших официант, стало ясно, что Спиридонов и оба его спутника тут известны. И известны с сомнительной стороны. Это было заметно по взглядам и усмешкам мужчин после того, как они раскланялись со Спиридоновым.

Оркестр заиграл летку-енку. Зал пришел в движение. Женщины и их

партнеры устремились к месту для танцев, Отплясывал и Спиридонов, держа за талию высокую даму. Изредка склоняясь к плечу партнерши, он что-то нашептывал ей на ухо.

— Кто эта женщина? — спросил один сотрудник другого, тоже наблюдавшего за Спиридоновым.

— Жена Ласло Ковача, — и тот кивнул на тонкого темноволосого человека.

— И часто Спиридонов появляется в их обществе?

— Часто.

— Он женат?

— Да. Но жена живет где-то в Поволжье. Приезжает изредка.

— Разведен?

— Нет.

— А какое у него образование?

— После войны окончил строительный институт. Работал в Сибири. Потом перешел в торговую сеть.

— И что же это за троица?

— Ковач когда-то служил в хортистской армии. Сдался в плен в конце сорок четвертого года. Сам он местный и после войны остался здесь. Работал на почтамте, затем перешел на трикотажную фабрику, окончил какие-то курсы. Теперь работает на фабрике технологом.

— Хорошо работает?

— Жалоб нет. Года три назад стал появляться в обществе Спиридонова. Что их связывает, пока неизвестно.

Танец кончился. Спиридонов подвел к столику свою даму, и скоро все трое уже беседовали о чем-то. Веселье в зале продолжалось и даже нарастало. Сотрудник, поглядывая на Спиридонова, обратил внимание на его нервное состояние. Иногда посреди разговора Спиридонов вдруг оглядывался и смотрел на кого-нибудь из присутствующих, и каждый раз в тот самый момент, когда разговор шел, видимо, о нем, так как взгляды собеседников были устремлены в его сторону.

— Очень нервный, — поделился своим мнением сотрудник.

— Да, я тоже заметил. Напоминает игрока, пошедшего с последней карты.

— Узнать бы, какой банк он хочет сорвать.

В этот момент сидевший к ним боком Спиридонов оглянулся, и глаза одного из сотрудников встретились с его напряженным взглядом.

Заиграли «коло». Сразу же образовался большой круг танцующих. Танцевала и мадам Ковач. А тем временем Спиридонов и ее муж тихо

говорили, склонив друг к другу головы.

При возвращении из ресторана случилось непредвиденное. На дороге произошла авария. Следовавшие на большой скорости за «москвичом» Спиридонова сотрудники зацепили вынырнувший им навстречу автобус. Жертв не было, но машина сломалась. Пока радировали в управление, пока прибыла замена, спиридоновский «москвич» исчез. До утра шли поиски, но безуспешно.

Утром Миронов узнал о случившемся. Он задумался над тем, что могло заставить Спиридонова сбежать, а то, что он сбежал, у Миронова не вызывало сомнений, хотя сотрудники, участвующие в наблюдении за Спиридоновым, считали, что он едва ли мог их заметить. Миронов решил пока не заниматься выяснением причин исчезновения Спиридонова, это дело он поручил майору Яковенко, а сам, переговорив с начальником управления, попросил санкции на обыск квартиры Спиридонова. Санкция на обыск была получена.

Миронов отправился на квартиру Спиридонова, там уже находился Яковенко. В прихожей сидели две женщины — понятые. Трое сотрудников аккуратно осматривали вещи и книги. Миронов окинул квартиру взглядом: он любил сразу составить первое впечатление. Это была старая трехкомнатная большая квартира с высокими потолками и огромными окнами. Последняя комната с альковом служила спальней, в ней стояла старинная лакированная кровать. По стенам шли стеллажи, на которых стояли книги со старыми, ветхими корешками. Современных книг не было. Книги были на двух языках — русском и английском. В выдвижном шкафу висело несколько костюмов, зимнее пальто. В старом лакированном шифоньере висели нейлоновые сорочки, льняные рубашки, пуловеры, несколько красивых платьев с бирками французских фирм.

На ночном столике лежала книга. Миронов раскрыл ее. Это было дореволюционное издание Пшибышевского. В другой комнате было просторнее. Вещей мало. Вдоль стен прогибались под тяжестью книг стеллажи. Яковенко стоял у столика-бюро, сделанного в начале девятнадцатого века, и рассматривал ворох бумаг, извлеченных из его ящиков.

— Что там? — спросил Миронов.

— Какие-то накладные без названия товаров и печати.

Миронов продолжал осмотр. Квартира эта была своеобразна. Свечи в высоких шандалах стояли на круглом столе, висели они и в подсвечниках, прикрепленных к стене. Вдоль витражей в двух углах стояли гнутые резные

кресла с красными парусиновыми спинками.

— Ну что вы скажете на это, Прокопий Семенович? — спросил Миронов, указывая на обстановку комнаты.

— Умел жить человек, — чуть насмешливо ответил Яковенко. — Вы загляните в ванную.

В ванной комнате на полке лежали в большом количестве самые различные кремы, лосьоны, пасты...

Миронов, несколько озадаченный, вышел в прихожую. Женщины-понятые сидели, тихо переговариваясь.

— Сейчас мы составим протокол, — обратился к ним Миронов, — и отпустим вас. Шумно жил ваш сосед?

— Нет, не очень, — сказала одна, — иногда только заведет проигрыватель, он у него очень мощный. Но только до одиннадцати.

— А зачем йому туточки веселье разводить, — вмешалась вторая, — вин знав, дэ йому гулять можно.

— А где же?

— А на даче.

— У него была дача?

— А шо вон мало зарабатывал?

Миронов помолчал, обдумывая это сообщение.

— Что он был за человек? — спросил он соседок.

— Та шо за людина, — ответила словоохотливая темноволосая украинка, — мы ж того и нэ спийзнали: здравствуйте та прощайте. Вин размовляты не любил.

— Вы с этим согласны? — спросил Миронов вторую женщину.

— Да, — ответила она коротко.

— Скажите, а кто к нему ходил из знакомых?

— Та многие ходили, — сказала темноволосая, — а больше усих мадам Ковач.

Обе женщины опустили глаза, пряча в губах мгновенную улыбку.

— Она что же, по делу? — спросил Миронов.

— А як же, — усмехнулась украинка, — у такой гарной жинки шоб не було дила до такого человека?...

Вошел Яковенко.

— Заканчиваем протокол, — сообщил он.

Миронов вышел на лестницу, спустился к машине и через несколько минут был в управлении.

Он зашел к сотруднику, который допрашивал Ковача.

— Скажите, вы давно имеете дело со Спиридоновым?

Ковач, невысокий, худощавый, смотрел на него спокойно.

— Познакомились три года назад. Спиридонов очень веселый, умеет развлечь. Ездили с ним по субботам, воскресеньям за город.

— Никаких деловых интересов, которые бы вас с ним связывали, между вами не было?

— Нет, — ответил Ковач.

Он говорил по-русски легко и правильно, с чуть заметным пришепетыванием.

— Могли бы вы нам сообщить что-либо о характере Спиридонова?

— О характере?

— Да. Каков он бывал с людьми? Вспыльчив? Спокоен? Груб? Выдержан?

— А, это... Он бывал разным. Больше выдержанным. Но мог и сорваться. Вообще он очень воспитанный и начитанный человек. Хорошо знал английский язык. Читал на нем. Он ведь сын священника. Интеллигент...

— Так, — произнес сотрудник. — А кто еще бывал на его вечеринках?

— На ве-че-рин-ках, — с трудом повторил Ковач, — все. Весь город. И художники и бухгалтеры. Все.

— Кто был близок со Спиридоновым?

— Не знаю. Кажется, никто.

Миронов рассматривал сидящего перед ним человека. Тот был вежлив, сдержан, спокоен. А между тем именно он мог дать наиболее подробные сведения о Спиридонове. Последние три года Спиридонов появлялся в общественных местах почти всегда в сопровождении Ковача и его супруги. Да, Ковач и его жена очень подозрительны. Но улики против них пока нет.

Сотрудник повернулся к Миронову:

— У вас нет вопросов, товарищ майор?

Ковач внимательным взглядом посмотрел на Миронова, запомнил его чин. Миронов, наблюдая за ним, улыбнулся.

— Нет, у меня пока нет вопросов. Но, возможно, будут позже. Прошу прощения, гражданин Ковач, что вас потревожили.

Ковач внезапно изменился в лице. Хотел что-то сказать, но губы у него дрогнули, он встал, раскланялся и вышел.

Миронов прошел в отведенный ему кабинет. Пока ничего обнадеживающего не было. Место, где скрывался Спиридонов, не обнаружили. По всему краю шли поиски.

Позвонил телефон. Миронов взял трубку.

— Товарищ майор, синий «москвич» с закарпатскими

опознавательными знаками обнаружен в Мукачево. Хозяина нет. По сообщению жителей, стоит с ночи.

— Выясните все обстоятельства. Попытайтесь обнаружить следы тех, кто оставил его там.

— Попробуем, товарищ майор.

Миронов позвонил к сотруднику, который допрашивал Ковача.

— Гражданку Ковач вы вызвали на допрос?

— Она у меня. Будете присутствовать, товарищ майор?

— Да.

Он положил трубку и спустился вниз. В управлении чувствовалась напряженная работа, непрерывно звонили телефоны, по коридорам проходили озабоченные сотрудники.

— Приглашайте, — сказал Миронов, обращаясь к сотруднику.

Вошла Ковач. Высокая, стройная женщина.

— Я вам понадобилась по важным делам? — спросила она, глядя на Миронова большими темными глазами.

«Красивая, — отметил Миронов, — и отлично это знает».

— Скажите, Юлика... — Сотрудник подождал, пока она подскажет отчество.

— Лайощевна, — улыбнулась она, — но можете звать попросту Юликой...

— Скажите, Юлика Лайощевна, в каких вы отношениях были со Спиридоновым?

— Френдс, — произнесла она и перевела: — Мы были друзьями.

— Близкими?

— Да.

— Вы приходили к нему на квартиру?

— Да, приходила. Мы были друзьями.

— Муж знал об этом?

— Да.

— Чем занимался Спиридонов кроме своей основной работы?

— Читал. Встречался со знакомыми.

— Не казалось ли вам, что кроме основной работы, Спиридонов занимался и другими делами?

— Нет, я не знаю... Он был такой галантный... Когда к нему приходили гости, он оставлял все. Вы меня извините, но до встречи со Спиридоновым я думала, что среди русских нет джентльменов, теперь я уверена в обратном.

Миронова удивило, с какой легкостью эта женщина, связанная с

преступником, переводит разговор на светскую болтовню.

— Простите, Юлика Лайощевна, — сказал сотрудник, взглянув на посетительницу, — меня интересует другое... — Он помедлил.

Женщина поощряюще улыбнулась.

— Пожалуйста, разве я еще не доказала готовность ответить на все вопросы? — произнесла она, чуть картавя слова.

— Какие отношения связывали вас со Спиридоновым?

Она наморщила лоб и заметно побледнела.

— Но мой муж дружит со Спиридоновым.

— А вы?

— Я тоже испытываю к нему дружеские чувства.

Сотрудник и Миронов молчали. Она побледнела еще больше, улыбка в темных глазах исчезла.

— Как вы думаете, какими мотивами продиктовано бегство Спиридонова?

— Ка-кими мотивами? Но разве он сбежал?

— Вы об этом не знаете?

— Нет. Он завез нас домой, простился и уехал.

— Мадам Ковач, вам нечего больше сказать?

— Нет, не знаю даже о чем...

— Скажите, когда вы вчера простились со Спиридоновым?

— Но... Он отвез нас домой. И мы простились.

— Он ничего не говорил вам о том, что собирается куда-то ехать?

— Ничего. Простился, и все.

— А ваш муж? Он одновременно с вами вернулся домой?

Мадам Ковач быстро и настороженно оглядела обоих.

— Да, конечно. Мы ушли, а он уехал.

— Очень хорошо. У меня к вам последний вопрос. Скажите, Спиридонов был аккуратным человеком?

— О нет, — воскликнула она, — какая там аккуратность! И знаете, — сказала она, перебивая себя, — он вообще был очень странным. Я не хотела этого говорить, но раз вы интересуетесь...

— В чем заключалась его странность?

— Он никому не верил, — сказала она поспешно. — Я даже думаю, он не совсем нормален. Ему все время казалось, что за ним следят.

— Кто следит?

— Я не знаю. Но ему всегда казалось...

Миронов опустил глаза. Дорохова пыталась сделать ненормальным своего мужа, теперь эта дама хочет то же самое обвинение возвести на

своего возлюбленного. Быть сумасшедшим приличнее, чем преступником? Так, что ли?

Сотрудник уже прощался с супругой Ковача.

— Вполне возможно, — говорил он, — вы нам еще понадобится в ближайшее время. Надеюсь, это вас не затруднит?

— О нет, конечно. Я согласна, — сказала мадам Ковач, вставая.

В последние минуты допроса лицо ее сильно осунулось. Миронов заметил, как болезненно она и ее муж восприняли сообщение, что их вызовут вновь. По этому поводу у него были некоторые предположения, но он старался действовать по принципу Скворецкого: главное, знать, а не гадать.

Миронов поднялся к себе в кабинет.

Из Мукачева снова позвонили:

— Ночной сторож магазина видел водителя «москвича». По его рассказу, это был черноволосый, худощавый человек, в темном костюме.

Миронов усмехнулся: «Ах вот как! Теперь картина начинала проясняться. Значит, «Москвич» вел не Спиридонов, а кто-то другой. Похоже, что Ковач».

Заглянул Яковенко:

— На даче ничего особенного не обнаружено, кроме накладных. Товар не обозначен.

— Прокопий Семенович, не могли бы вы выяснить, для чего они нужны, эти накладные? — попросил Миронов. — Поговорите с сотрудниками ОБХСС.

Яковенко пообещал это сделать и вышел.

Миронов начал обдумывать картину деятельности Спиридонова в целом. Такой человек, как Спиридонов, в таком небольшом городе мог оказывать оборотню большие услуги. Здесь все между собой знакомы. Он мог быть вхож в любой круг. Все дела области могли быть ему известны. А область пограничная.

Но если он работал на чужую разведку, это исключает уголовную сторону его деятельности. Агент должен быть предельно осторожен. Спиридонов же жил широко и явно не по средствам, а это не могло не вызвать подозрений. Миронов позвонил в ОБХСС:

— Здравствуйте, говорит майор КГБ Миронов.

— А у нас тут уже есть один ваш майор, — ответил ему веселый голос, — вы вторым будете.

— Согласен, — сказал Миронов, — попросите, пожалуйста, моего коллегу.

Подошел Яковенко:

— Я слушаю, Андрей Иванович.

— Прокопий Семенович, заинтересуйте ОБХСС нашим теперешним объектом. На мой взгляд, его дела больше идут по их линии, чем по нашей.

— Они уже заинтересовались им, Андрей Иванович. Говорят, что они и сами уже выходили на какой-то тайный синдикат.

— Значит, будем работать вместе?

— Они согласны, Андрей Иванович.

— Отлично.

Мионов решил еще раз позвонить пограничникам. Первый раз он связался с ними немедленно после бегства Спиридонова. Пограничники заверили его, что наша граница перекрыта, а со стороны словаков, румын, поляков и венгров тоже приняты меры. Если Спиридонов попытается перейти границу, его обнаружат наши пограничники или товарищи из дружественных стран.

Вечером, миновав узкие улицы центра, Мионов вошел в каменный зацементированный двор, поднялся по винтовой лестнице и позвонил в квартиру Спиридонова.

Дверь открыл сотрудник.

— Проходите, товарищ майор, — сказал он.

Мионов вошел в прихожую. Второй сотрудник сидел в гостиной и при свече читал книгу; окна были зашторены. Мионов прошел по всем комнатам. Еще раз перебрал книги на стеллаже.

— Вы книги внимательно просматривали? — спросил Мионов.

— Все осмотрели, товарищ майор. Кое-что нашли.

Сотрудник подвинул в сторону Миронова ворох бумаг на столе.

Майор подошел. Это были опять накладные, старые, выцветшие, заверенные печатями. В графе «товар» проставлено наименование: «чулки фасонные». Несколько зеленых долларовых бумажек лежало отдельно.

— Это тоже в книгах?

— Тоже, товарищ майор.

Вдруг сотрудники насторожились. Мионов удивленно взглянул на них.

В дверной щели чуть слышно поворачивался ключ.

Все трое на цыпочках приблизились к двери.

Ключ повернулся, кто-то рванул дверь. Но ее держала запретная щеколда. Тотчас раздались торопливые шаги, и железо винтовой лестницы загремело под каблуками.

— За ним! — Миронов распахнул дверь.

Сотрудники, обгоняя друг друга, понеслись вниз по лестнице. Миронов следил за ними сверху. Темная фигура мелькнула во дворе и тут же исчезла в арке ворот. Через минуту пронеслись по двору сотрудники.

Миронов ждал. Даже отсюда, сверху, слышно было щелканье ботинок по асфальту. Потом все стихло... Миронов вошел в комнаты, нашел фонарик-жужжалку и осветил им лестничную площадку.

На витом железе пола ничего не было. Ни предметов, ни следов.

«Неужели это был он сам? — размышлял Миронов. Нет, фигура была женская, он видел ее один миг, но довольно отчетливо. — Мадам Ковач? Но зачем? Да и она ли? Сколько людей знали Спиридонова? Десятки, сотни... Мало ли среди них подручных!»

Миронов притворил дверь и стал прохаживаться по комнатам. Скоро вернулись сотрудники. Вид у них был растерянный.

— Исчез он, товарищ майор.

— Кто это был: мужчина или женщина?

— Вроде бы мужчина. Женщина так быстро не удерет.

— Да кто угодно мог быть. Мы по лестнице, а он уже по двору, мы по двору, а он уже по улице. А улицы-то тут — лабиринт, — мрачно дополнил второй сотрудник.

— Ладно, — сказал Миронов, — садитесь тут и уж смотрите в оба.

«А ведь он... или она — это пока неизвестно — недаром сюда приходили, — размышлял Миронов. — Разгадка по крайней мере одного секрета Спиридонова где-то тут рядом». Он снова обошел все стеллажи, поочередно нажимая на полки. Он знал, что иногда тайники вделываются в такие вот книжные галереи. Но сколько ни нажимал, никаких тайных ящичков не обнаруживалось. Тогда он попросил сотрудников помочь ему, снял в гостиной весь верхний ряд полок и начал простукивать стены. Звук был однообразный. А когда стали снимать средний ряд, оказалось, что в одном месте полки расходятся, образуя словно дверцы в стене. Майор постучал. Звук выдавал другой материал, не дерево. Он обвел взглядом ровную поверхность стены. Ничего, кроме небольшого гвоздя с плоской сплюсненной шляпкой. На этот гвоздь что-то вешали, подумал Миронов и дернул его. Гвоздь не поддался. Он взял его за шляпку и повернул. Гвоздь повернулся. Он повернул еще раз, и медленно открылась небольшая дверца, вмурованная в стену. Сейф.

Внутри было почти пусто. Миронов просунул руку и, коснувшись стенки сейфа, выгреб несколько тонких пачек банкнотов, чешские кроны, польские золотые. Под рукой что-то прошуршало. Он попросил фонарь и

осветил внутренность сейфа. Она была выложена глянцевитыми листами. Он извлек их. Это были фотографии мадам Ковач.

«Так, — подумал он, — на сегодня достаточно».

Утром стали приходить вести. На вокзале человека, похожего на Спиридонова, не обнаружили. По сообщению проводников, на поезда, проходившие ночью, человек, похожий на Спиридонова, не садился.

ОБХСС сообщило, что накладные без наименования товаров им уже попадались при раскрытии одного крайне запутанного дела. Похоже, что в городе действует подпольный синдикат по распространению товаров. И не контрабандных, а отечественных.

Миронов обсудил с Яковенко имеющиеся новости.

— Надо снова допрашивать Ковачей, — посоветовал Яковенко. — Теперь ясно, что они были связаны со Спиридоновым гораздо ближе, чем пытались доказать. Кроме того, этот ночной визит...

— Я тоже считаю, что пришла пора поговорить с ними более серьезно. Для этого у нас есть кое-какие доказательства. Да и других путей к отысканию Спиридонова, кроме как через Ковачей, пока нет.

Первой была вызвана мадам Ковач.

На этот раз она была встревожена, хотя и пыталась это скрыть.

— Гражданка Ковач, — сказал Миронов, — для того, чтобы нам перейти к делу, я должен попытаться выяснить следующее: в каких отношениях вы были со Спиридоновым.

— Но я уже говорила вашему сотруднику... В дружеских.

— И только?

Миронов вынул из сейфа фотографии и положил их лицевой стороной на стол.

— У нас есть доказательства несколько иных отношений...

Ковач смотрела на фотографии, лежащие вверх оборотной стороной.

Миронов спрятал фотографии в сейф. Нет, он не станет их применять.

— Что там было? — спросила мадам Ковач.

— Вы знаете, что там было, — сказал он, — но об этом не будем. У меня вот какой вопрос к вам. Откуда у Спиридонова были деньги?

— Но я не знаю! — закричала она. — Я не могу знать! У него всегда были деньги... Муж имел с ним какие-то дела. Я этим не интересовалась. Он мне... — она помедлила, — он очень мне нравился. Потому что... Он жил безрассудно. Он такой смелый...

— Кто еще был дружен со Спиридоновым?

— Я не знаю. Больше всего он дружил с мужем.

— Что их связывало?

— Я не знаю. Они симпатизировали друг другу.

— И только?

— Но... может быть, у них были совместные дела. Они часто уезжали куда-то.

— Вы не знаете куда?

— Нет. Я никогда не вмешиваюсь в дела мужчин.

Миронов посмотрел на нее. Она уже успокоилась и отвечала не задумываясь.

— Юлика Лайощевна, где вы были вчера приблизительно от пятнадцати минут двенадцатого до половины двенадцатого?

Вот теперь она была испугана. Веки ее часто вздрагивали.

— Я... была дома.

— А ваш муж?

— Он... Тоже был дома.

— Ладно, — сказал Миронов, — пока можете быть свободны.

После ее ухода он попросил пригласить Ковача.

Через несколько минут Ковач, беспокойно переводя взгляд с одного предмета на другой, сидел за столом напротив майора.

— Гражданин Ковач, скажите, в каких отношениях находились ваша жена и Спиридонов?

Ковач вздрогнул.

— Не понимаю вас.

— У нас есть некоторые доказательства, что отношения между вашим приятелем и вашей женой были более чем дружественные.

— Вы не смеете! — крикнул Ковач.

— Я не сообщал бы вам этого, если бы не считал, что Спиридонов обманывал и вас, и вашу жену, и вообще всех своих друзей. Он не тот человек, за которого выдавал себя все это время.

Ковач, белый от волнения, смотрел на Миронова.

— Гражданин Ковач, — помолчав, сказал Миронов, — я обращаюсь к вам как к разумному человеку. У вас есть еще возможность облегчить свою участь, если вы сообщите сейчас все о вашей совместной деятельности со Спиридоновым.

— Но какая деятельность? — спросил Ковач, а потом тихо добавил: — Кто вам сообщил о моей жене и Спиридонове?

Миронов взглянул на сейф, где лежали фотографии. На минуту мелькнуло искушение показать их. Но этика взбунтовалась: нет, он так не поступит.

— Ковач, я имею доказательства. Но вам будет больно узнать их.

Ковач приложил ладонь к глазам и несколько минут сидел молча. Потом начал говорить.

— Это она, — сказал он хрипло, — все это она, Юлика! Если бы не она, я никогда не связался бы с этим мерзавцем... Он-то этого очень хотел. Он знал, что я воевал против вас в сорок третьем году и сдался в сорок четвертом. Он думал, что я до сих пор антисоветчик... Но если бы не она... Я, конечно, знал, что он ей нравится, он всем нравился, этот авантюрист! Нашим дамам только покажи такого лихача... Он мне несколько раз намекал, что мы можем делать разные гешефты... Я не шел на это. Наконец она уговорила меня пригласить его к нам в дом. Скоро он стал другом семьи. Я не был слеп. Чувствовал, что между ними что-то есть, но мне казалось, что в отношении меня он должен быть порядочным человеком. И потом, я боялся... Я очень любил Юлику, и мне казалось, что откажи я в чем-нибудь Спиридонову, она уйдет с ним... И вот я влез в этот грязный омут. Он заставил меня заняться выработкой дефицитных сверхплановых чулок...

— Поподробнее, — попросил Миронов.

— В некоторых цехах были работницы, которые работали на меня сверх плана. Их продукция не входила в норму. За это я должен был им платить по десять копеек с пары. Иногда они вырабатывали тысячи пар чулок. По накладным я передавал их Спиридонову, а он сбывал налево. В нашем городе или за его пределами. У него было много возможностей.

— Зачем надо было оформлять продукцию документами?

— Потому что были люди непосвященные: грузчики, продавцы и так далее. Поэтому наши чулки завозили, грузили и оформляли официально, но в план магазина, как и в план нашего комбината, они не входили.

— Подпольный синдикат. Понятно. Скажите, а откуда у Спиридонова валюта?

— Он имел операции с некоторыми людьми, которые ездили в отпуск к родственникам в Чехословакию, Венгрию или Польшу. Кроме того, он связывался с людьми, которые уезжали в туристические путешествия в западные страны. Всех этих дел я не знаю. Он никого в них не посвящал.

— Кто еще был связан со Спиридоновым?

— Я этого не знаю. У меня на комбинате было несколько человек, я могу назвать их имена. Его дел я не знаю.

— Где вы были ночью после ресторана?

— Я ездил в Мукачево.

— Зачем?

— Спиридонов в ресторане сказал мне, что ему надо на несколько дней уехать. И заставил меня отвезти его автомобиль в Мукачево. Я спрашивал зачем, но он ничего мне не объяснил.

— Вы ездили один?

— Да...

— Это все, что можете сообщить?

— Скажите, меня посадят?

— Это решит суд.

Ковач, сгорбленный, постаревший, направился к двери. Но остановился.

— Да зачем я скрываю! Этот человек обманывал меня... вовлек в авантюру, а я его щажу... Гражданин следователь, я довез его до Берегова. Из дома он захватил лишь саквояж и переоделся в куртку. В Берегове высадил его на окраине, а сам по приказу поехал в Мукачево.

— Спасибо, Ковач, можете идти.

Позвонил Яковенко.

— Из ГАИ сообщают: синий «москвич» с местным номером 12—97 видели ночью в Берегове.

— Отлично, что еще видели?

— За рулем сидел один человек.

— Из города на Мукачево надо обязательно проезжать через Берегово?

— Нет. Надо свернуть с пути.

— Следует начать поиски Спиридонова в Берегове.

— Попробуем.

После обеда Миронов подошел к окну своего номера. Гостиница была расположена на площади, и отсюда далеко были видны крыши домов, купола костелов и за рекой высокие контуры новых зданий. Площадь называлась Театральной. Через нее от узкого мостика, соединявшего старый и новый город, непрерывным потоком текли люди. С утра до вечера здесь толкалась молодежь, сидели за узкими прилавками крестьяне, прогуливались офицеры.

Город нравился Миронову, но в последнее время он был так занят, так загружен делами и в особенности предположениями и догадками, что ему не удалось как следует присмотреться к городской жизни. Он подумал было о том, чтобы сходить в театр, но потом пришел к выводу, что не имеет на это права. Сейчас все должно быть подчинено поискам Спиридонова. А поиски были нелегкие. Они велись в необычном месте — четыре границы лежали в непосредственной близости друг от друга. Правда, пограничники заверили, что с товарищами из социалистических стран имеется прямой

контакт. Но граница всегда опасна.

Спиридонов мог уйти и во внутренние области нашей страны. Обнаружить это тоже было не просто. Майор Яковенко уже предупредил управление городов, где когда-то проживал Спиридонов. Однако за годы, проведенные в Закарпатье, Спиридонов завязал знакомства с сотнями людей. Поэтому взять на учет всех его знакомых было чрезвычайно трудно.

Позвонил телефон.

— Андрей Иванович, — сказал Яковенко, — есть сообщение из Берегова.

— Слушаю, Прокопий Семенович.

— Утром на автостанции милиционер видел человека, по приметам похожего на Спиридонова. Задержать его не успел, тот быстро исчез. По тому, как он разговаривал с шоферами, милиционер пришел к выводу, что он собирается в город.

— Что-то не похоже на Спиридонова. Знает, что его здесь ищут, и едет в самое пекло.

— Это в его духе, — сказал Яковенко, — по характеру он авантюрист, острые ощущения ему по нраву.

— Но не в такой же момент...

— Но ведь он и не знает о том, какой момент.

— В городе все в готовности?

— Да, тут у нас все в порядке. Но вполне возможно, что слух ложный.

— Согласен. Однако осторожность не мешает.

— У меня к вам еще одно дело, Андрей Иванович. Вы отдохнуть успели?

— О чем вы, Прокопий Семенович? Какой сейчас может быть отдых?

— У нас товарищи из ОБХСС, они очень рекомендуют заняться выяснением отношений Спиридонова с одной девушкой.

— Я сейчас буду, Прокопий Семенович.

— Ждем.

Капитан из ОБХСС говорил дельные и интересные вещи.

— Я, товарищи, еще и раньше интересовался Спиридоновым. Действовал он хитро, но концы в воду не всегда спрячешь. До нас кое-что доходило. А теперь, когда вы передали нам дело Ковача, вскрывается невероятное — целый подпольный синдикат.

— Вы Ковача взяли?

— Нет, допросили и отпустили. Пока идет следствие. За это вам спасибо, но и мы вам кое-что припасли. Насколько я понимаю, вы сейчас

выясняете круг знакомств Спиридонова?

— Да, — подтвердил Миронов.

— Я бы советовал вам заняться Иреной Биллинг.

— А в чем там дело?

— Ирена Биллинг из буржуазной семьи. С установлением нашей власти родители ее лишились капитала. Понятия в семье сразу не могли измениться. Так что можно представить ее мировоззрение. После смерти родителей она пошла работать. Директором магазина, в котором она работала, был Спиридонов. Если вы заметили, женщины на Спиридонова имели большое влияние. Короче говоря, уже несколько месяцев Ирена и Спиридонов близко знакомы. Нам об этом рассказали люди из магазина. Я думаю, вам нужно с ней поговорить. Она лучше других может рассказать, куда скрылся Спиридонов. По-моему, она в курсе всех его дел.

— А мадам Ковач? — спросил Яковенко.

— Всех хитросплетений я не знаю, — ответил капитан, — но Спиридонов к девушке относился с таким интересом, как ни к одной своей знакомой.

— Спасибо, капитан, — поблагодарил Миронов, — очень вовремя помогли нам.

— Одно дело делаем, — ответил капитан и вышел.

Миронов посмотрел на Яковенко:

— Надо бы проверить, насколько милиционер из Берегова запомнил Спиридонова.

— Я звонил туда, просил товарищей показать ему несколько фотографий и среди них Спиридонова в спортивном костюме. Из тех фотографий, что нашли у него дома. Так что скоро выясним.

— Вы, Прокопий Семенович, на расстоянии мысли читаете?

— Просто по одному методу нас с вами готовили, — улыбнулся Яковенко.

— Забыл я у капитана из ОБХСС спросить: не они ли спугнули Спиридонова?

— Я спрашивал, — Яковенко подвинул какую-то бумагу, — вот здесь зафиксировано. Днем к Спиридонову приходил сотрудник ОБХСС по делу о продаже контрабандных товаров. Они взяли несколько человек, которые привезли из-за границы от родственников разные товары. Здесь они начали их сбывать. Оказалось, что у них был заказчик. Подозрение пало на Спиридонова.

— Ясно. Они и спугнули.

— Скорее всего. Как агент, Спиридонов не слишком хороший выбор

резидента.

— Да. Заниматься уголовными делами... Но мы еще не знаем, агент ли он. Знаем только, что предатель. Хотя, конечно, Оборотень не выпустил бы его из-под своего наблюдения, раз когда-то завербовал его. Кстати, меня уже не удивляет, что Оборотень имеет дело с подозрительными личностями. При нем был телохранитель, Ярцев, тоже из уголовников...

— Видно, других-то нет.

Позвонил телефон.

Яковенко выслушал сообщение, поблагодарил и повесил трубку.

— Проверили донесение милиционера. Среди фотографий, которые ему показали, Спиридонова не нашел. Придется его донесение не принимать во внимание.

— Придется, хотя и жаль, — сказал Миронов.

Он задумчиво перелистывал журнал, лежащий на столе.

— Меня вот что интересует: какие мотивы были у Спиридонова заниматься всеми этими делами?

— И уголовными?

— Да. Об остальных мы пока судить не можем.

— Авантюрист, хотел жить широко, с размахом.

— Возможно. Что-то в нем есть от игрока.

— Да, я тоже подумал, когда читал сообщение о его последнем посещении ресторана. Любил он славу, шум, блеск. Хотел быть в центре внимания...

— Должно быть, слабая душонка. Соколову сразу продался в спецлагере.

— Тут возможна и идеологическая подкладка. Был скрытым врагом.

— Не исключено и это.

В разговорах незаметно бежало время.

Опять зазвонил телефон. Миронов снял трубку. Из Берегова сообщали:

— Нашли человека, у которого по приезду ночью был Спиридонов. Это продавец из универсама. Он утверждает, что ничего не знает о Спиридонове плохого. Познакомились они год назад, когда тот приезжал в командировку в город. Спиридонов ушел от него утром. Куда, не сообщил. Сказал только, что по делам. Одет в спортивный костюм серо-зеленого цвета. На голове кепи. Проверяем дороги.

— Попросите работников ГАИ особое внимание обратить на дорогу, ведущую к границе.

К утру свежих сведений не прибавилось, хотя работа велась

напряженная. Яковенко выяснял круг знакомств Спиридонова. В Берегово уехала оперативная группа.

В середине дня Миронову позвонил Яковенко:

— Андрей Иванович, я тут кое-что интересное обнаружил. Вы не зайдете ко мне?

Миронов попросил дежурного переключать звонки на кабинет Яковенко и пошел к нему.

Перед Яковенко сидела Ирена Биллинг — хрупкая светловолосая девушка. Ее испуганные глаза непонимающе глядели на майора. Миронов сел сбоку.

— Итак, вы познакомились с ним год назад? — спрашивал Яковенко.

— Да, после смерти мамы, — объясняла девушка, — мы с братом остались совсем одни, я только что кончила школу. Хотела идти в университет на дневное отделение. Но пришлось устроиться на работу.

— Каким образом вы познакомились со Спиридоновым?

— Однажды после работы я сидела за прилавком и думала, что мне делать: у мамы оказались большие долги. Кроме того, тетя Сусанна претендовала на часть нашего дома. Я в этих делах ничего не понимала, а брат был маленьким. Подошел директор. Он всегда был вежливый, и в магазине к нему хорошо относились. Он спросил, почему я задумалась. Я сначала не хотела говорить, а потом все рассказала. Он сразу предложил помочь. Дал денег. Я отказывалась. Но он сказал, что для него это пустяк. Я взяла. Мы рассчитались с долгами.

Девушка покраснела и замолчала.

— Продолжайте, — попросил Яковенко.

— Директор обращался ко мне только по работе. В конце концов я не выдержала и спросила его: когда он хочет получить долг. Он засмеялся и сказал, что даже не помнит, о чем я говорю. Он пришел к нам домой, шутил, смеялся, подружился с моим братом. Брат теперь уже в восьмом классе. Он его очень любит.

— С тех пор он часто приходил к вам?

— Да, — подтвердила она, — часто.

— Скажите, он дарил вам что-нибудь?

Девушка снова покраснела.

— Дарил, — сказала она.

— Часто?

— Раза два в неделю.

— Что именно?

— Духи, чулки... Костюм... И брату тоже...

- Скажите, откуда он брал деньги на подарки?
- Он был состоятельный человек.
- Однако не из зарплаты же завмага? Не хватило бы и трех таких зарплат, чтобы так часто приносить подарки. Какие духи он вам дарил?
- Разные... «Вильсмага» и другие...
- Эти духи продаются в наших магазинах?
- Нет. Это заграничные духи.
- Вы не спрашивали, откуда он берет заграничные товары.
- Нет.
- А сами вы думали об этом?
- Но в городе всегда можно достать заграничные вещи.
- У кого же?
- Многие имеют родственников за рубежом. Они высылают.
- Что вы думали об источнике доходов Спиридонова?
- Я не знаю.
- Но вы не могли же просто так брать подарки! А вдруг они разоряют человека...
- О нет!
- Значит, вы знали, что Спиридонов имеет деньги? Откуда?
- Я только догадывалась... Мне казалось, что он связан с людьми, которые торгуют такими товарами...
- Скажите, а не приводил ли он к вам друзей?
- Нет. Его друзья обо мне даже не знали. Он иногда ездил в своей машине с этими Ковачами... Я знаю мадам Ковач. У нее было много знакомых мужчин, но между Спиридоновым и ею ничего не было. Он не такой.
- Яковенко и Миронов переглянулись. Девушка заметила это.
- Он мне сам говорил, — сказала она, повышая голос.
- Что вы знаете о будущих планах Спиридонова?
- Не знаю. В среду он сам скажет.
- Вы его видели на этой неделе?
- Нет. В магазине сказали, что он в командировке...
- Значит, он будет у вас в среду?
- Он так сказал...
- Не могли бы вы вспомнить, Ирена, какие разговоры вел с вами Спиридонов?
- Мы не говорили о политике.
- А о чем вы говорили?
- Девушка покраснела.

— Он обещал на мне жениться, если все пойдет как надо.

— А как именно?

— В следующем году мы должны были поехать в Польшу. У меня там родственники. Я могла бы остаться там, и тогда он женился бы на мне.

— И жили бы в Польше?

— Да.

— А брат?

— Мы бы взяли его.

— Так вот, Ирена, чтобы ваше будущее и будущее вашего брата было в безопасности, мы просим вас: сообщите нам немедленно, если увидите Спиридонова. Вы слышите, Ирена?

— Слышу, — почти прошептала она.

— Можно надеяться, что вы поможете нам?

— Если я увижу, скажу, — пробормотала девушка.

— Ваше мнение? — спросил после ее ухода Яковенко.

— Открываем все новых его знакомых, — ответил Миронов. — Будь мы журналистами, уже нарисовали бы его облик. А нам нужно задержать его самого. В этом мы пока не очень-то продвинулись.

— Не торопитесь, Андрей Иванович, придет пора — возьмем.

Миронов улыбнулся. Он сам знал за собой эту черту: нетерпение. Но новые знакомые обычно не сразу обнаруживали ее. Сказывалась долголетняя тренировка, умение сдерживать себя. Многие даже считали его спокойным и медлительным. Но Яковенко был, видимо, наблюдательнее других.

Утром следующего дня поступило сообщение: Ирена Биллинг не пошла на работу, а отправилась на автовокзал. Яковенко позвонил в магазин, где работала Ирена. К телефону подошла женщина, замещавшая Спиридонова.

— Скажите, — представившись, спросил Яковенко, — Биллинг сегодня работает?

— Да, — ответила она, — сейчас я ее позову.

Однако через минуту она сообщила, что Ирены нет она опаздывает.

— Что предлагаете, Андрей Иванович? — спросил Яковенко.

— Считаю, что вслед за Иреной надо отправить оперативную группу. А я попробую проверить через ее брата, что это за прогулки она совершает. Согласны?

— Да, в случае чего, я на телефоне.

Миронов представился директору школы и попросил пригласить в

кабинет восьмиклассника Казимира Биллинга. Через несколько минут в кабинет вошел тоненький, высокий темноволосый мальчик.

— Здравствуй, Казимир, — поздоровался Миронов, — давай знакомиться. Я — Андрей Иванович, знакомый твоей сестры. Она мне нужна по очень важному делу. Я звонил в магазин, но ее там не оказалось. Разве она больше не работает?

— Работает, — сказал мальчик, угрюмо поглядывая на Миронова. — А вы кто? Я вас не знаю.

— А ты разве знаешь всех знакомых сестры?

— Знаю. Если даже я не видел их, она мне о них рассказывает.

— Я по очень важному делу. И познакомился с ней только вчера.

— А-а, вы из КГБ! — понял мальчик.

— Да. Так где Ирена?

Мальчик помедлил с ответом.

— Она мне не велела рассказывать. Но я скажу. Я ненавижу этого человека. Мне наплевать на его подарки! Он плохой человек. Обманщик. Вчера вы вызывали Ирену. А через два часа кто-то позвонил в дверь. Она открыла и долго шепталась. Мне она ничего не сказала, но я знаю, что это он приходил. Сегодня утром она напекла мне пирогов, оставила денег и уехала. Сказала, на два дня. А куда, не сказала. Это все его дела.

— Спасибо, Казик, — поблагодарил Миронов.

Попрощавшись, он поехал в управление.

— Как дела с Иреной? — спросил он, появляясь у Яковенко.

— Оперативная группа ведет ее. Она едет в автобусе на Рахов.

— Билет туда взяла?

— Да.

Миронов наморщил лоб. Такая прямолинейная тактика не вязалась со Спиридоновым.

— По-моему, все должно случиться в Рахове, — сказал Яковенко. — Может быть, махнем туда?

— Спиридонов вчера был в городе!

— Что? — изумился Яковенко.

— Вчера он сам или кто-то от него говорил с Иреной.

— Так, может быть, не он?

— Может быть. Но мне кажется, он будет здесь.

— Почему?

— Выгоднее всего ему бежать из города. Он может выйти к крайним домам, дождаться ночи, и через километр уже Словакия.

— Таких точек у нас сколько угодно. А Чоп? Там тоже граница рядом.

— Там больше охраны. Там грузооборот между странами, таможня, пограничники. Думаю, даже для непосвященных переход здесь покажется более легким.

— Не знаю, — сказал Яковенко. — Я бы выехал в Рахов. Там тоже легко по горам перейти границу.

Миронов заколебался. От Рахова Румыния и Венгрия совсем близко.

— Давайте так решим, Прокопий Семенович. Вы немедленно вылетаете в Рахов. И держите со мной связь. Мне кажется, тут что-то не так. Зачем она поехала в этот Рахов?

Миронов был в кабинете, когда пришло первое сообщение. Яковенко радировал, что он в Рахове и поджидает оперативную труппу. А через час рация включилась опять.

— «Дуб», «Дуб», я — «сто третий», — послышался голос, — мы в Рахове, ведем наблюдение. Номер «шестнадцатый» уходит к окраине. Как слышите? Прием.

— Я — «Дуб», я — «Дуб», — ответил Миронов, — вас понял. Продолжайте наблюдение. Сообщайте о подробностях.

Позвонил начальник.

— Товарищ Миронов, как дела?

— Ведут, товарищ полковник.

— Хорошо. Оповещайте. Если будет нужна помощь, немедленно обращайтесь.

Из Рахова сообщили, что Ирена Биллинг зашла в кафе на окраине города.

Прошло полчаса. Миронов снова вызвал Рахов.

Оттуда ему сообщили, что девушка нервничает. Она заказала вторую чашку кофе, глядит на каждого входящего.

«Что это за шутки отмачивает Спиридонов?» — думал Миронов, постукивая пальцем по столу.

Время шло. Было около четырех. Ирена Биллинг по-прежнему сидела в кафе.

Миронов чувствовал, что устает от напряжения. Неожиданно позвонил городской телефон.

Сначала слышно было только дыхание человека, потом послышался взволнованный голос:

— Это гражданин майор?

— Да. А кто это?

— Это Ковач. Гражданин майор, скажите, если я помогу вам, суд это

учтет?

— Безусловно, товарищ Ковач. Что случилось?

— Так я опять «товарищ»?

— Собственно, не знаю, — с досадой сказал Миронов. — Когда слушание вашего дела?

— Через три дня.

— Вот тогда и разберемся, гражданин вы или товарищ.

— Но... Вы поможете мне, если я вам помогу?

— Не торгуйтесь, говорите, в чем дело. Суд учтет ваше желание помочь нам.

— Я видел Спиридонова.

У Миронова запершило в горле.

— Где? Когда?

— Сегодня. Полчаса назад. Он шел по Комсомольской в гору. К окраине города.

— Полчаса назад?

— Да. Прошел турбазу и шел выше. Вы же знаете, что там...

— Спасибо.

Миронов повесил трубку, быстро набрал номер полковника и попросил, чтобы к окраине города, выходящей к чехословацкой границе, направили сотрудников, потом связался с пограничниками. И только после этого торопливо сбежал по ступеням лестницы.

* * *

С сотрудниками Миронов должен был встретиться у турбазы. Пройдя через центр, он стал подниматься по идущим в гору улицам. Они были застроены двух- и одноэтажными каменными домами, кое-где замощены плитой, кое-где асфальтом. Навстречу попадались туристы — молодые парни и девушки. А вот и трехэтажное здание турбазы. Рядом с ней автобус, и худенькая девушка громко объявляла что-то вновь прибывшим туристам.

Миронов подошел к турбазе и замедлил шаги; его догнал невысокий парень в тенниске:

— Ждем указаний, товарищ майор.

— Надо внимательно и осторожно, чтоб не спугнуть его, осмотреть все, где он может притаиться.

— Думаете, будет переходить границу?

— Обязательно.

— Мы свяжемся с капитаном Косач. Он оповещен.

— Хорошо. Где мы с вами встретимся?

— В двадцать один двадцать у крайнего дома в стогу, товарищ майор, — сказал парень в тенниске. — Там много стогов. Но вы будьте около того, что рядом с ясенем. А пока мы тут все осмотрим.

— Договорились, — кивнул Миронов и не спеша направился по дороге в сторону границы.

Дорогу обрамляли кусты. А чуть-чуть в стороне от нее белели среди садов домики. Миронов дошел до конца улицы. За последним домом начинался перевал. Отсюда неплохо были видны дома недалекого селения. Это была уже Словакия. Миронов огляделся. Одинокие деревья стояли далеко друг от друга. На значительном расстоянии расположились стога. Миронов увидел тот стог, о котором говорил сотрудник. Он был дальше других, у ясеня. В тридцати метрах от него находился последний дом. Отметив место, майор повернул обратно. Он старался идти у самых кустов, чтобы не быть замеченным из окон. Навстречу ему не спеша шли двое туристов: мужчины средних лет в пестрых рубашках и джинсах.

— Браток, — остановил Миронова один из них, с рыжей шевелюрой. — Ты не слыхал, где здесь тетушка Моника живет?

— Не слыхал, а что? — ответил Миронов.

— Она, говорят, вино продает, — пояснил турист.

Миронов секунду подумал и сказал:

— Я с вами!

— Ну, айда! — пригласил рыжий и энергично тряхнул шевелюрой. — Вроде на этой улице. В последней хате. Где тут последняя?

— Это я знаю, — сказал Миронов и повел их к домику у ясеня.

На их стук вышла пожилая женщина. Она проговорила что-то по-мадьярски и оглядела гостей.

— Выпить нам! — пояснил турист и показал, как они это будут делать. Женщина заулыбалась.

— Рубель литр, — с трудом проговорила она.

— Порядок, — согласился гость. — И поесть. — В качестве пояснения он с ожесточением заклацал зубами.

Хозяйка засмеялась и повела их в сад. Там, в окружении абрикосовых деревьев, стоял дощатый стол и лавочки с крутыми спинками, которые обычно стоят в скверах и парках.

Через несколько минут хозяйка поставила перед ними три высоких литровых бутылки, видимо, старинных, четырехугольных, с узкими

длинными горлышками, и три стакана. Затем принесла вишни, редиску и что-то еще.

Оба спутника Миронова немедленно приступили к делу. Бутылки были раскрыты, вино разлили по стаканам.

— Со знакомством.

Миронов подчинился. Выпили. Вино было терпкое, кислое и хорошо утоляло жажду. Рыжеволосый завязал разговор:

— Откуда, братец?

— Из Киева, — ответил Миронов...

— А мы из Курска. Слыхал?

— Слыхал.

— Город знаешь какой, — ораторствовал собеседник, — еще в летописи поминался!

Миронов размышлял о том, что так даже лучше, что он здесь с компанией. Туристы не могли вызвать никаких подозрений, да и расположение дома ему нравилось. Отсюда было удобно наблюдать за окрестностями. И он старался принимать участие в беседе. Приходили новые посетители. Несколько парней присоединились и к ним. Они оказались тоже туристами. Немедленно стали выяснять, кто из какого города.

Многие из посетителей быстро уходили, унося бутылки с собой.

«Да это частный кабачок, — думал майор. — Интересно, знают ли местные товарищи о нем».

За их столом заменили пустые бутылки. Разговор стал оживленным, кто-то запел: «Забота у нас простая, забота наша такая...» Все подхватили.

Наконец начало смеркаться. Миронов посмотрел на часы: было без пятнадцати девять. Из дома вышел мужчина и направился к калитке. Миронов насторожился. В его профиле было что-то знакомое: чуть выдававшаяся челюсть, прямой нос, белокурая прядь. Он?...

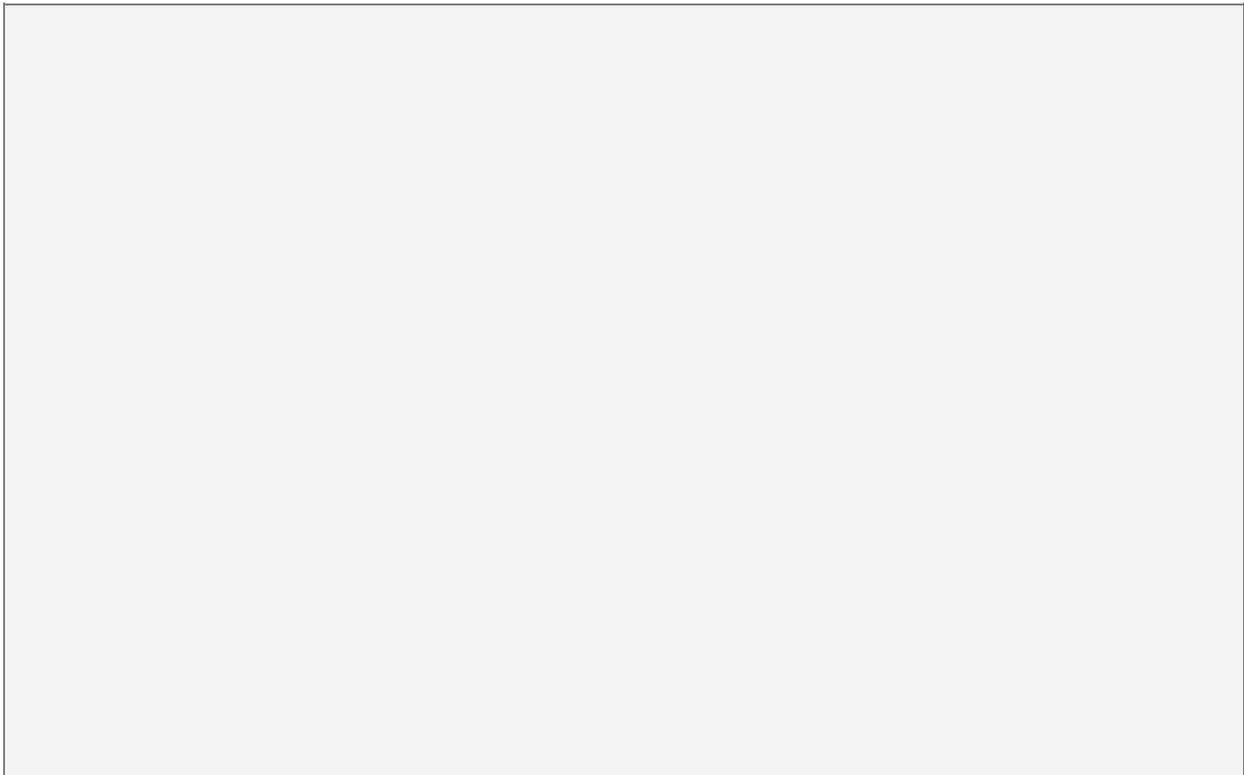
Хозяйка, угодливо забегаая сбоку и отгоняя лаявшего пса, провожала гостя. У калитки человек остановился, что-то сказал женщине и оглянулся на сидящих в саду. Миронов отвел глаза. Он узнал Спиридонова. Через секунду у калитки уже никого не было, а хозяйка возвращалась к дому.

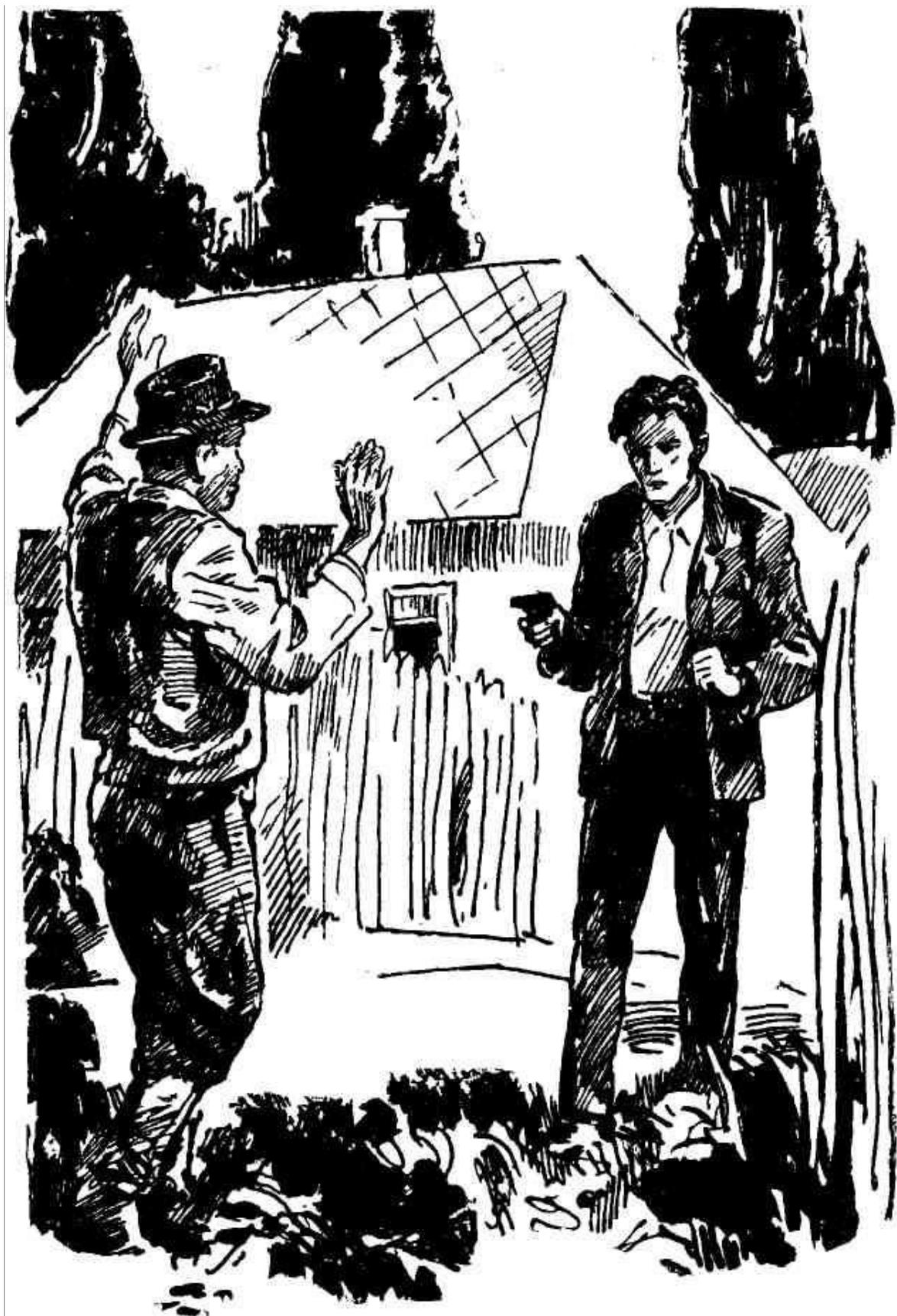
Миронов положил на стол два рубля и, не слушая уговоров курян, направился к калитке. За калиткой никого не было. Безлюдной была и дорога к перевалу. Да и не пойдет туда Спиридонов, пока еще светло. Миронов посмотрел в сторону стога, где он должен был встретиться с местными сотрудниками. У стога сидели трое и, как видно, выпивали. Рядом с ними возвышалась бутылка.

— Дьявол! — проворчал Миронов. — Сотрудникам придется разгонять пьяных. А они, конечно, заартачатся. — Он еще раз взглянул в сторону компании и различил среди них того парня, что подходил к нему около турбазы. У него сразу отлегло от сердца. «Молодцы ребята! Хорошо придумали. Но где все-таки Спиридонов?»

Миронов обошел сад тетушки Моники. Из сада неслись крики, песни. И вдруг из кустов вышел человек, прошел мимо него и повернул за угол ограды. Только тогда Миронов понял, что это Спиридонов. Он повернулся, но человек уже скрылся за поворотом. Миронов кинулся следом. Спиридонов стучал в калитку тетушки Моники. Но, увидев Миронова, повернулся к нему спиной и быстро зашагал вниз к городу. Миронов взглянул на сотрудников, но те, сблизив головы, о чем-то разговаривали. Тогда он поспешил за Спиридоновым, но тот уже скрылся за кустами. Миронов знал, что он где-то здесь, на небольшом пространстве между садом тетушки Моники и другими домами, в редком кустарнике среди тополей. Миронов вынул пистолет. Он шел осторожно в сгущающихся сумерках. Невдалеке показалась компания туристов. А из-за дерева навстречу ему вышел Спиридонов. Миронов поднял пистолет. Спиридонов остановился, вскинул руки:

— Сдаюсь, гражданин чекист.

Миронов опустил пистолет.

— Выверните карманы.

Спиридонов полез в карманы. Вывернул сначала один, потом второй. И вдруг... сильный удар. Миронов упал. Но тут же вскочил. Его пистолет был вышиблен новым ударом, и они, сцепившись, покатались по траве.

Кто-то закричал, и скоро их оторвали друг от друга. Вокруг толпились посетители тетушки Моники.

— Ты как смел? — кричал новый знакомый Миронова, напирая на Спиридонова. — Это кореш мой! Понял? Нет?

— Гляди — пушка! — крикнул кто-то.

Миронов рванулся было к Спиридонову, но в него уже вцепились:

— Стой! Ты кто такой будешь?

Стараясь освободиться, Миронов вытащил из кармана брюк удостоверение. Двое немедленно склонились над ним, читая. Миронов отстранил их и увидел, что Спиридонов исчез.

— Где он?! — крикнул Миронов, чувствуя страшную ярость. Что они наделали, эти гуляки!

— Да он туда вроде побежал, — растерянно сказал один.

Миронов бросился к полю. Было темно. Сзади бежала вся компания. Миронов повернул к стогу. Сотрудники были там. Еще издали Миронов крикнул:

— Он здесь! — Отдышавшись, сказал спокойнее: — Я только что имел с ним дело, вот эти помешали, — кивнул он на подбежавших туристов. — Вы, — обратился он к парню в тенниске, — немедленно пойдите к тетушке Моники. Вам, — он обернулся ко второму, — взять этих людей и обыскать все вокруг.

Два часа оперативная группа вместе с подроспевшими пограничниками обыскивала местность, обходили каждое дерево и каждый куст.

Подошел чехословацкий офицер, представился Миронову, сказал, что на их стороне приняты меры к задержанию перебежчика.

«Куда он мог пойти?» — терялся в догадках Миронов. И вдруг вспомнил.

— Вызови управление, — приказал он сотруднику с рацией. Через секунду управление откликнулось.

— Что с Раховом? — спросил он. — Вернулась оперативная группа?

— Вернулась, товарищ майор. Сейчас с вами поговорит «сто восьмой».

Послышалась напевная речь Яковенко.

— Я — «сто восьмой», я — «сто восьмой». Рапортую. Девушка безрезультатно просидела в кафе три часа, потом встала и пошла к автобусу. Мы провожали ее до города. Сейчас она доставлена к нам. Заявляет, что разговора, о котором сообщил вам мальчик, не было. К ней звонил один знакомый и сказал, что их общий друг просит предупредить, что завтра с утра до пяти дня будет ждать ее в кафе в Рахове. Она и поехала.

— Ясно, — сказал Миронов. — «Сто восьмой», слушайте внимательно. Необходимо проверить наблюдение за квартирой Биллинг и квартирой друга Спиридонова, который ей с утра звонил.

— «Сто третий», «сто третий», вас понял.

Поиски продолжались. Все население окрестных домов было взбудоражено. Приходили какие-то люди. Пограничники их опрашивали. Оказалось, что не менее десяти человек только что видели подозрительную личность.

По сумеречному полю ходили пограничники и добровольные помощники. Осматривали кусты, трескали хворостом...

Миронов ждал.

Наконец радист тронул его за плечо. Вызывало управление.

— «Сто третий», «сто третий», кончайте операцию. Задача выполнена.

В управление Миронова уже ждал Яковенко. В ответ на вопрошающий взгляд майора он улыбнулся:

— Взяли, Андрей Иванович.

— Где? У Биллингов? — спросил Миронов. — Или у их друга?

Яковенко засмеялся:

— Ни там, ни там. Сейчас расскажу.

Они прошли в его кабинет и сели.

— Детектив по всем правилам, Андрей Иванович, — начал Яковенко, — с неожиданностями. Ход вашей мысли был логичен. Конечно, после того как его спугнули у границы, он должен был броситься к кому-то и переждать. Но к кому? После вашей команды мы уже собрались к Биллингам и зубному врачу — этот человек, по словам Ирены, звонил к ней, — как вдруг звонок. Я беру трубку и слышу захлебывающийся голос: «Он идет меня убивать!» Это наш знакомец Ковач. Я говорю: «С чего вы взяли?» А Ковач кричит: «Он идет по нашей улице, я вижу его из окна!» Посылаю туда ребят, а сам прошу, чтобы Ковач продолжал репортаж. Тот полумертвым от страха голосом сообщает, что звонят к нему в дверь. И на

этом разговор кончается. Через минуту наши ребята сообщили, что Спиридонова взяли. Действительно, Спиридонов явился к Ковачу. Видно, в панике ему изменили умственные способности.

— Как он выглядел?

— Возбужден, но внешне спокоен.

— Хорошо. Ведите его сюда.

Яковенко позвонил. Через несколько минут раздалась шага, и в комнату вошел Спиридонов. Одежда его была в беспорядке, видно, от схватки с Мироновым. Часть воротника он потерял.

— Садитесь, — сказал Яковенко. — Начнем, Андрей Иванович?

Миронов кивнул.

— Давайте с самого начала, — он обратился к Спиридонову. — Рассказывайте как на духу.

Спиридонов глянул на Миронова:

— С чего начинать?

— У вас в армейских анкетах написано, что происхождения вы пролетарского, отец хлебопек. А на самом деле?

— И на самом деле почти так, — сказал Спиридонов. — Отец мой был священник, но когда в селе закрыли церковь, мы переселились в город. Я поступил учиться. А отец в ту пору уже выпекал хлеб, я и стал писать в анкетах, что являюсь сыном хлебопека. Ни отец, ни я не были антисоветчиками. Отец по натуре был русским националистом. Он не выносил представителей других народов, так как считал, что в тяжкий момент они предадут Россию, и потому он приветствовал любую сильную власть. Я все это усвоил. Я вступил в пионеры. Вступил искренне. Отец считал, что я всегда должен быть на службе России. Я так и делал. К началу войны — я уже второй год был в армии — окончил школу младших командиров, получал награды по службе. Собирался поступать в офицерское училище. И тут война. Мы дрались в Молдавии, и дрались хорошо. Я не был трусом и уже командовал эскадром. Но немцам удалось отрезать нашу часть. Мой эскадрон оказался в окружении. Пока были патроны, мы дрались, а потом я оказался в плену. Дальше три года страшной жизни, освобождение...

— Минутку. Умалчивать не стоит. Что было в Львовском спецлагере?

Спиридонов съезжился:

— Так вот что вас интересует?

— И попрошу подробнее.

Спиридонов закурил.

— В спецлагерь я попал за попытку к бегству, — начал он, — хотя

этому вы едва ли поверите. Я не хотел служить немцам рабочей скотиной. Они не кормили нас, а на работы гоняли. Я сбежал, меня поймали, избили и перегнали в Львовский спецлагерь. Для пленных это был ад — мучили, убивали... На третий год моего пребывания в лагере появился один человек. Он вел себя независимо, и поэтому нравился мне. Скоро он это заметил.

— Это был полковник Соколов?

Спиридонов помрачнел.

— Да, — сказал он. — Полковник РОА Соколов. Он вызвал меня на беседу, узнал, что я сын священника, и вскоре завербовал меня. Однако Красная армия была уже на подходе. Готовилась эвакуация. Мне был организован побег. На прощанье Соколов сказал: «На этот раз, может быть, наша карта бита. Но через несколько лет все повторится: и война и все прочее. Мы тогда понадобится. Ждите и готовьтесь!» Мы расстались. Я совершил побег. Он был, конечно, подстроен. Я укрылся у лесника, но тот хотел меня выдать оуновцам, и пришлось его убить. Наконец пришли наши.

Яковенко и Миронов переглянулись.

— Верьте не верьте, — нахмурился Спиридонов, — я их считал нашими, своими.

— И собирались работать на абвер, против них! — сказал Миронов.

— Я вышел к танкистам. Меня приняли в часть. Потом прошел контрольную проверку. Данных не доверять мне не было. И я оказался рядовым в танковых частях. Войну кончил под Прагой. Кстати, сам принимал участие в ликвидации власовских частей и все ждал: не попадет ли Соколов. Не попался!

— А если бы попался?

— Поучил бы его жить, как он меня учил... В то время казалось, что он был не прав.

— Только в то время?

Спиридонов раздраженно дернул головой и замолчал.

— Продолжайте, — сказал Миронов.

— Я устал, — ответил Спиридонов, — не лучше ли завтра?

— Что ж, так и сделаем. Но последний вопрос: где сейчас Дорохов?

Спиридонов недоумевающе вытаращил глаза.

— Кто?

— Вы не слышали этой фамилии?

— Нет, вы тут что-то путаете.

— Идите, — сказал Миронов.

Спиридонова увели.

— Какое у вас впечатление? — спросил Яковенко.

— Хитер и неглуп. Будет говорить правду, если ему сказать, что нам все известно.

— Андрей Иванович, передохните до утра, — посоветовал Яковенко, взглядываясь в усталое лицо майора. — А завтра приступим со свежими силами.

Миронов не спеша направился к гостинице. Сквозь усталость медленно пробивались мысли. Несмотря на ряд ошибок, операция выполнена. Спиридонов взят. Похоже, Соколов под другой фамилией не известен Спиридонову. Это неважно. Завтра он все скажет. А майор Яковенко хороший парень. Умный, исполнительный, тактичный.

...Утром, едва переступив порог кабинета Яковенко, Миронов сказал:

— Я вот о чем думаю, Прокопий Семенович: зачем меня мальчик обманул?

— Биллинг? — Яковенко задумался. — Кто его знает. Может быть, Спиридонов настроил его против нас, может быть, это семейное... Эти Биллинги могут нас не любить, они же бывшие домовладельцы. Советская власть их много лишила.

— Но зачем он врал, что Спиридонов приходил и говорил с сестрой?

— Да, похоже, по чьей-то указке. Кто-то через него добивался большей достоверности того, что Спиридонов будет ждать в Рахове.

— Или наоборот. Я остался в городе именно потому, что решил: раз Спиридонов заходил, значит, из города он не уедет. Тут переходить границу легче, чем где-либо.

Через полчаса привели Спиридонова.

— Как вы жили после войны? — спросил его Миронов.

— После войны я объездил чуть не всю страну. Работал в культпросвете, в кинофикации. Потом перешел в торговлю.

— Почему вы так часто меняли места? Была какая-нибудь опасность?

— Какая опасность? Я ничего дурного не делал. Но никак не мог найти своего места в жизни. Не получалось. Кроме того, я обладаю натурой беспокойной и не особенно склонен задумываться об источниках дохода. Поэтому время от времени возникали неприятности финансового характера. Однако к суду ни разу привлечен не был и финансовых недоимок за мной не числится. В конце пятидесятых годов случайно оказался здесь. Мне эти места очень понравились. Понравилась светскость местного общества — такой архаизм, и я решил сюда перебраться. Вот, собственно, и вся моя одиссея.

— Будто бы? — усмехнулся Яковенко.

— А вы о чем? — невинно спросил Спиридонов. — О чулках? Так это все придумал Ковач. Здесь люди очень способны ко всяким комбинациям.

— Ковач утверждает, что принцип чулочного синдиката развили перед ним вы.

— Может быть, и я, — согласился Спиридонов, — нужны были деньги. Здесь, знаете, жизнь настолько интенсивна, что всегда нужны деньги.

— Каким же образом вы их добывали?

— С помощью внеплановых чулок. У меня были комиссионеры — нужно будет, я назову их фамилии, — они распродавали чулки. От тех, кто их продавал, до тех, кто это организовывал, все получали свою долю, свой процент... Это был мой основной источник доходов. Кроме того, был знаком с теми, кто привозил разные товары от родственников из-за границы. Это тоже шло через меня. Зарабатывал комиссионные.

— При обыске у вас обнаружили восемь тысяч долларов, — сказал Яковенко. — Это вы тоже получили в результате таких вот махинаций?

— Конечно, — кивнул Спиридонов.

— Когда вы снова встретились с Соколовым? — спросил Миронов.

Спиридонов резко вскинул голову.

— С кем?

— Говорите правду, — предупредил Миронов.

— Что? Вы считаете меня шпионом? Я никого не видел! Никаких Соколовых!

— Давайте по существу! — приказал Миронов. — Как вы связались с Соколовым?

Спиридонов секунду молчал.

— Я на чужую разведку не работал.

— Скажите, какой был смысл вмешивать в ваши дела Ирену Биллинг? — спросил Яковенко.

— Я позвонил из Берегова знакомому дантисту и попросил, чтобы он, не называя моего имени, предупредил Ирену, что я ее буду до пяти дня ждать в кафе в Рахове. Он передал. И все. Это я сделал нарочно, знал, что вы будете за ней следить...

— Откуда вы знали? С кем поддерживали связь?

— Да ни с кем особенно. Я позвонил дантисту, он сообщил мне, что вызывали на допрос Ковачей и Ирену. Значит, решил я, вы поставлены в известность о моих личных делах. Поэтому я и захотел отвлечь вас. Сам я решил перейти в Словакию в городе — мне казалось, что именно здесь

меня не ждут, — добраться до Остравы. Там всегда полно австрийцев, их машины даже не осматривают на контрольно-пропускном пункте, дать кому-нибудь из них пятьсот — тысячу долларов, и я уже на Западе. Они бы провезли меня в багажнике или как-нибудь еще до Вены или Зальцбурга. Вот мой план. Вы его разгадали.

— Почему же вы действовали так неосторожно, — спросил Яковенко, — оказались в городе еще засветло?

— Я по натуре нетерпелив. Опасность понимал, но не выдержал. К тому же не у кого было укрыться надолго. Как только приютивший меня человек в Берегове почувствовал что то неладное, он сразу попросил меня уйти. Я тут прожил пять лет, но друзей, кроме Ирены и ее братишки, не приобрел. На плаху сейчас ради дружбы не ложатся...

— Вы были в Крайске последние годы? — спросил Миронов.

— Нет, — сразу поднял голову Спиридонов, — что мне там делать?

Миронов недаром спросил об этом. Среди книг Спиридонова одна заинтересовала его. Это была «Партизаны Крайщины», изданная Крайским облиздатом два года назад. Она особенно выделялась среди старых фолиантов библиотеки Спиридонова.

— Неправда! Вы были в Крайске два года назад.

Спиридонов молчал. И молчал довольно долго.

— Ну, ладно, — наконец произнес он, — был, и что?

— Виделись с Дороховым?

— Я уже сказал, что не слышал этой фамилии!

— Он сам вас вызвал туда? Или вы встретились с ним случайно?

— С кем?

— С полковником Соколовым.

Спиридонов побледнел и опять долго молчал, потом вздохнул и сказал:

— Хорошо. Соколов нашел меня и вызвал в Крайск действительно два года назад. Вызвал письмом. С его стороны это было самонадеянностью, я мог и не откликнуться; кроме того, мог сменить место жительства, сменить паспорт. Но он, видно, хорошо знал меня. Я приехал. Зачем? Сам не знаю. Но к тому времени бессмысленная жизнь мне надоела...

— И вы решили придать ей смысл, участвуя в шпионаже против своей страны? — спросил Миронов.

Спиридонов нахмурился.

— Ладно. Моя песенка спета. Я вам все скажу. Я даже был рад связаться с Соколовым. Я хотел что-то делать. Делать что-то опасное. Понимаете?

— Где и как вас встретил Соколов?

— Он встретился со мной в парке, у фонтана. Мы говорили с ним полчаса. Он вручил мне десять тысяч долларов и приказал выяснить точные цифры грузооборота на пограничных станциях, узнать размещение крупных заводов, установить связь с военпредами и сказал, куда и каким образом посылать сведения.

— Куда же?

— В Москву, на Главпочтамт, некоему Викентьеву Виктору Владимировичу. Дал шифр.

— Какой?

Спиридонов долго набрасывал на бумаге цифры и буквы.

Миронов взял у него лист, сложил его и опустил в карман.

— Виделись ли вы еще с Соколовым?

— Нет, ни разу. И даже после этого ни разу не писал ему. К тому же и сведения, которые я доставал, были не очень достоверными. Два раза я получал указания, написанные тем же шифром. Из Москвы. В одном рекомендовалось выяснить наличие аэродромов на территории Закарпатья, их технические данные, пропускную способность. Этого я сделать не сумел. Второй запрос касался железных дорог, и опять требовались их пропускные возможности. На этот вопрос я ответил. У меня было много знакомых железнодорожников. Я старался черпать сведения из их разговоров с военпредами. С последними познакомиться не удалось. Я, правда, не терял надежды.

— Сколько времени прошло с момента вашего последнего донесения в Москву?

— Месяцев пять.

— Больше запросов не было?

— Нет.

— И от Соколова вы с тех пор ничего не получали?

— Ничего.

— Знаете ли вы, под какой фамилией скрывался Соколов?

— Понятия не имею. Он не назывался. Передал указания, похвалил за то, что приехал, вручил шифр и деньги — и все.

— Почему вы оказались в квартире Ковачей после встречи с товарищем майором? — кивнув на Миронова, спросил Яковенко.

— У меня не было другого выхода. Я должен был дожидаться темноты и после этого сменить маршрут. Не за границу, а на восток. Потому что Закарпатье стало для меня ловушкой. Это я сознавал. Меня ждут теперь именно на границах. Я не успел все обдумать. Инстинктивно я остерегся идти к Биллингам. Там вы должны были меня ждать. К дантисту тоже не

мог. Это друг до первой неприятности. Я еще поражаюсь, как он выполнил поручение насчет Рахова. Я думал только об одном: надо найти машину. Поэтому я и кинулся к Ковачам. Ведь даже машину им когда-то достал я. И когда я позвонил им, на лестнице меня взяли ваши люди.

— Пожалуй, на сегодня кончим... — сказал Миронов. — Мне кажется, его надо пока передать ОБХСС, чтобы они выяснили подробности об их подпольном синдикате.

Яковенко согласился.

И Миронов засел за депешу для Крайска и Москвы.

Вскоре была получена телеграмма. Требовали, чтобы Миронов немедленно вылетел в Крайск. Он попрощался с закарпатскими товарищами, обнял майора Яковенко, с которым успел подружиться, и выехал на аэродром. Через несколько часов Миронов был в Крайске.

* * *

Валера Бутенко каждую среду и пятницу ездил во Дворец пионеров в шахматный кружок. Успехи его были средними. Он не очень-то быстро оценивал позицию, и его часы всегда показывали большее время, чем у противника. Но Валерке нравился шахматный кружок. Нравилось, как и другим ребятам, наблюдать, когда Миша разгадывает какую-нибудь очередную шахматную задачу. Была, правда, еще одна причина, по которой он любил посещать кружок. Туда ходила замечательная девчонка Таня Семичева. Она и в шахматах разбиралась, и столько всего знала, что Валерка даже стеснялся показывать ей свое невежество. Вот и в этот раз, когда они вышли из Дворца пионеров, Валерка помалкивал, ожидая, что Таня, как обычно, начнет что-нибудь рассказывать. Но Таня молчала и, прикусив губу, смотрела под ноги.

Молча они дошли до угла. Валерка думал, что Таня проводит его до автовокзала — она всегда это делала, — но Таня остановилась:

— Ты не сердись, Валер, я домой пойду.

— Иди, конечно, — обиженно сказал Валерка, — разве ты обязана провожать меня... Пожалуйста...

Таня кивнула ему и побрела по улице. Валерка зло посмотрел ей вслед, и вдруг ему стало так жалко себя... Димка погиб, майор Миронов куда-то уехал, матери с отцом не до него... Они целый день на работе, приходят такие усталые, что с ними по-человечески и не поговоришь. Валерка вздохнул и побрел к автовокзалу. Но ему было так грустно и обидно, что

Таня не проводила его, что он не выдержал и обернулся. Таня стояла под фонарем. Свет падал на ее ссутуленную спину в желтом плаще. Что такое с ней?...

Валерке захотелось подойти и спросить ее, что случилось, но потом обида остановила его. Сама не захотела проводить, ну и пусть себе гуляет одна! Но Таня все стояла, и ее тоненькая фигурка в плаще казалась такой бесприютной, что жалость подтолкнула Валерку, и он подошел.

— Ты чего? — спросил он. — Тебе же домой надо!

— А ты чего? — ответила она сердито. — У тебя ж автобус отойдет, а до другого час целый.

— И пусть идет.

Она не ответила и медленно пошла по тротуару. Он немного подумал, обиделся еще больше, но догнал ее и, сопя, пошел рядом.

Вокруг них желтоватым светом осени отливали кроны лип, торопились куда-то нечастые прохожие, а Валерка злился, не зная, что делать. Ему казалось, что он навязался Тане в провожатые.

Неожиданно она спросила:

— Скажи, взрослые всегда правы?

— Сказала! — обрадовался он случаю излить злость. — Если б они всегда правы были, разве бы такое было! Вот дядя Костя...

И он рассказал Тане о том, о чем никому не рассказывал: о дяде Косте, его смерти, о своем дружке Димке и его гибели.

Сначала Таня слушала невнимательно, но потом не спускала глаз с Валерки.

— Какой он смелый, Дима твой! — сказала она, останавливаясь. — А я вот трусливая... Трусливая!

— Да что ты! Ты тоже смелая.

— Не смелая, — заплакала Таня, — я не по-пионерски поступаю...

Растерянный Валерка пытался ее утешить. Но Таня плакала навзрыд, и Валерка испугался. Он чувствовал, что у Тани неладно дома. Но что же он мог сделать? И Валерка только дергал ее за руку и повторял:

— Ну чего ты, Тань! Тань! Ну, все хорошо будет, вот увидишь!

Наконец Таня успокоилась и стала рассказывать ему о том, что мучает ее. Между мамой и отцом конфликт. Есть у мамы сестра Софья Васильевна. Она кажется сердитой, а на самом деле добрая. У нее несколько месяцев назад утонул муж. Мама очень любит сестру, а отец не любит тетю Соню. И еще больше он не любил ее мужа. Из-за этого мама с папой и раньше часто ругалась. Недавно к маме приходил человек и все выпрашивал про тетю Соню и ее мужа, но мама ему ничего не сказала. Да и сказать-то

нечего. Мама о своей старшей сестре очень высокого мнения. Тетя Соня ее выходила и спасла во время оккупации. А недавно пришло на имя мамы письмо. Когда она его вскрыла, там было второе письмо, и на нем написано: «Прошу передать лично Софье Васильевне Дороховой». Мама хотела отнести письмо тете Соне, но папа начал ругаться и сказал, что он «из-за этой шизофренички может испортить репутацию». Мама спорила с ним, даже плакала, но папа взял письмо и не разрешил его отнести. И вот уже третий день в доме житья нет. Мама плачет, отец кричит. А сегодня утром он отдал письмо Тане и сказал так, чтобы мама не слышала: «Если не хочешь, чтоб всем было плохо, отнеси это письмо в милицию». Таня согласилась, но потом вспомнила мамины слезы и теперь не знает, что делать. Конечно, папа прав, наверно, это письмо надо сдать в милицию. Но маме это доставит такое горе... Короче, Таня совсем не знает, что ей делать.

Валерка стоял ошеломленный. Какой-то гад пишет письма, от кого-то что-то скрывает, а из-за него Танины папа с мамой ругаются, Таня плачет!.. Что делать? Но тут Валерка вспомнил: ведь записал его в шахматный клуб майор Миронов, он же сказал, чтобы Валерка подружился с Таней, потому что она очень хорошая девочка... Надо пойти к нему.

Они сели на троллейбус и поехали к зданию КГБ. Таня молчала, Валерка был полон решимости. Он знал, что поступает правильно, но понимал, что Тане сейчас не слишком-то легко. Он тронул Таню за рукав.

— Ты только сразу скажи ему. Он поможет.

* * *

Утром Миронов прибыл в Крайск и сразу же поехал в управление. После бурных приветствий Луганов повел его к полковнику.

— Сначала ты нам свои новости выложи, а мы тебе тоже кое-что расскажем.

Скворецкий поднялся им навстречу.

— Загорел, — сказал он, — видно, поменьше нас время в кабинетах проводил.

— Где уж нам! — смеясь, ответил Миронов, пожимая руку полковнику. — Меня вот Василий напугал: успехи у вас тут большие.

— А вот послушаем тебя и расскажем. Излагай, что там у вас.

— Спиридонов, товарищи, навел меня на некоторые мысли, — рассказывал Миронов. — Во-первых, люди, которых использует

Оборотень, — это случайные личности. В основном он опирается на тех, кого завербовал еще в лагере. Ярцев или тот же Спиридонов. И оба они — Ярцев в последнее время меньше — занимались темными делишками, что, конечно, исключено для профессионалов-разведчиков. Спиридонов создал целый подпольный синдикат. И это рано или поздно стало бы известно ОБХСС. По-видимому, положение Оборотня было очень затруднительным, раз он воспользовался помощью таких людей. Теперь, что за личность Спиридонов. Это человек морально опустошенный, давно ни во что и ни в кого не верящий, поддавшийся в годы войны обещаниям полковника Соколова обеспечить ему после свершения ряда диверсионных актов в тылу райскую жизнь на Западе. Наступление войск Первого Украинского фронта сорвало его переброску в наш тыл, он был оставлен в лагере, а потом инсценировали его побег. Пленных перебили, и он был уверен, что о его прошлом не знает ни одна душа.

— За ним чувствовалось присутствие кого-либо или он действовал один? — спросил полковник.

— Впечатление, что один. И вообще все это похоже на самодеятельность, хотя связи огромные, знакомства чрезвычайно обширные. К тому же связан с контрабандой, а контрабандисты весьма осведомленные люди. Но, в общем-то, у меня осталось впечатление, что Спиридонов фигура бутафорская. Актер. Дожил до сорока с лишком лет, начитан, неглуп, но... ни убеждений, ни принципов, ни программы. К тому же один раз Родину уже предал и за это не пострадал. Ему надо производить впечатление, надо нравиться женщинам, и, конечно, нужны деньги. Отсюда и уголовщина, и легкое подчинение Дорохову-Соколову при вторичной встрече. Сведения, которые он послал в Москву, пустяковые. Хоть и консультировал его сам Соколов, но работать его не научил. А вместе с тем тип очень изворотливый, ловкий.

— Так. Замечательно, что одно щупальце мы у этого спрута отрубили, — сказал Скворецкий. — Значит, причастных к делу там выясняют?

— Выясняют, но, думаю, большинство из этих людей просто замешаны в темных махинациях и к шпионажу не причастны.

— С вашими делами выяснили. Теперь смотри, что у нас... Василий Николаевич, покажи.

Луганов положил перед Мироновым конверт, на котором быстрым и ровным почерком было написано:

«Прошу передать лично Софье Васильевне Дороховой».

Миронов вынул письмо. Тем же почерком было написано:

«Привет из старинного города. Изучаю исторические памятники. Брожу между плит, помнящих Болотникова и Лжедмитрия. Как костюм? Если не в порядке, то не отвечай. Если получен, сообщи по адресу Марианны».

Подписи не было.

— Неужели он? — спросил, не веря своим глазам, Миронов. — И кому же? Жене. Да что вы, товарищи, он же знает, что она у нас под контролем. Ей-богу, для Оборотня это уж слишком примитивно.

— Не так, как думаешь, — сказал Скворецкий, — это письмо было вложено в другой конверт. И его с обратным адресом следует сегодня же взять. Конверт находится в знакомом тебе семействе. А для начала мы пригласим к нам гражданку Дорохову.

— Может, для начала посмотрим конверт? — спросил Миронов. — Где он?

— У Семичевых. Поедешь вместе с Василием Николаевичем. А Дорохову непременно вызовем. Прощлый раз она что-то утаила.

— Так как же будем действовать?

— Поезжайте к Семичевым. Я вызову Дорохову. А сейчас на задание.

...Когда они позвонили к Семичевым, дверь открыли сразу. Рослый мужчина с испуганным взглядом спросил, что им нужно.

— Мы из Комитета безопасности, — представился Миронов, — хотим поговорить с вами и вашей женой.

— Пожалуйста, пожалуйста. Проходите, — пробормотал мужчина.

— Здравствуйте, — сказал Миронов, входя в гостиную.

Сестра Софьи Васильевны еле заметно кивнула.

— Таня, иди-ка в спальню, — приказала она темноволосой девочке, — готовь уроки!

— В прошлый раз мы говорили с вами о вашей сестре Софье Васильевне, — начал Миронов, принимая ее безмолвное приглашение и садясь в кресло. — Теперь нам опять предстоит небольшой разговор.

Семичев с Лугановым прошли в кабинет.

— Не могли бы вы показать конверт, в котором было письмо, адресованное вашей сестре? — спросил Миронов.

Женщина секунду помедлила, потом взяла с серванта коробку и извлекла конверт.

Миронов отметил, что адрес на конверте написан другой рукой,

женской. Буквы вкривь и вкось, как пишут старые люди. На обратной стороне конверта стоял штемпель калужской почты.

— Скажите, пожалуйста, знаете ли вы кого-нибудь в Калуге, кто мог надписать этот конверт?

— Нет, никого не знаю.

— Почему ему понадобилось воспользоваться вашим адресом? — спросил Миронов. — Чем вы вызвали у него такое доверие?

— У кого?

— Вы же знаете, что писал Дорохов.

Женщина опустила голову.

— Я догадывалась.

— Почему же вы не сообщили нам? После нашего разговора вы знали, что мы интересуемся всем, что касается Дорохова.

— Это письмо было написано моей сестре.

— В данной ситуации звучит наивно.

— Пусть наивно, но я так поступить не могла.

— Почему же не передали ей письмо? Вы же понимали, что это необычное письмо.

— Я бы передала...

— Хорошо. Расскажите, пожалуйста, мне вот о чем: как относилась ваша сестра к своему мужу?

Женщина усмехнулась.

— Как вы думаете, как могла относиться к мужу женщина, которая так поздно вышла замуж? Она его боготворила. Из-за него у нас ухудшились отношения. А ведь я для Сони сделаю все, в гроб лягу, если понадобится. И она это знает.

— Так, больше вопросов нет.

...В кабинете Луганов беседовал с Семичевым.

— Я тут ни при чем, — говорил Семичев, перебирая на столе бумаги, карандаши, пресс-папье. — Я его не любил. Я даже просил жену прекратить это знакомство.

— Никто и не говорит, что вы как-то с ним связаны, — спокойно и доброжелательно говорил Луганов, — мы просто интересуемся им как личностью. Вы не могли бы охарактеризовать его?

Семичев вытер лоб и заметно успокоился.

— Человек он был опасный. Да. Это я вам точно могу сказать. С ним лучше было не ссориться, поэтому я прекратил с ним общение не сразу.

— Почему вы думаете, что он был опасный?

Семичев посмотрел на стену и замигал.

— По правде говоря, не знаю. Просто появилось такое ощущение. Однажды мы сидели с ним на вокзале; он тогда провожал одну даму. Подошел какой-то тип и пристал к нам. Понимаете, пьяный, грязный, смотреть тошно. Я уж хотел уйти, а Михаил Александрович... Дорохов то есть... просто посмотрел на него, и, знаете, тот отстал. Очень взгляд у него был угрожающий. Фронтовой, я бы сказал. Мне не нравятся люди с таким взглядом, черт знает что от него ждать... Вот и дождались.

— Чего дождались?

Семичев осекся:

— Так... Недаром же вы интересуетесь им...

— Скажите, вот вы сейчас о какой-то даме говорили.

— Да, была у него одна... Вы только Софье Васильевне не говорите. Он меня для страховки брал. Если кто из знакомых увидит... Приезжала к нему из Владимира одна медичка.

— Не помните, как фамилия?

— Он при мне не называл.

— А как звали?

— Таня. Довольно молодая. Не больше тридцати двух. Полная, светловолосая такая. Интересная женщина.

— Давно она приезжала?

— Да с год назад. Он с ней где-то на курорте, кажется, познакомился. И странно: ведь и не молод, и женат, а она наверняка пользовалась успехом... и вот, очень к нему привязалась. Знаете, не всякая будет каждый год в Крайск и обратно.

— Так из Владимира, говорите?

— Из Владимира.

— А отчество не помните?

— Абсолютно ничего, кроме внешности и имени.

— Так. Ну, спасибо.

— Надеюсь, вы не имеете к нам претензий? Ведь я девочку в милицию сам послал.

— Не имеем, спасибо.

Они вошли в гостиную. Там Миронов уже закончил трудную беседу с хозяйкой.

Оба майора простились и вышли.

В управлении Скворецкий встретил их любопытствующим взглядом.

— Как поход?

— Неплохой, — ответил Миронов. — Дорохов писал из Калуги. Там у него есть какие-то подручные. Надо запросить калужских товарищей.

— Уже запросили. Что еще?

— Узнали еще об одной знакомой, — сообщил Луганов, — медичка из Владимира, светловолосая, полная, красивая. Ездил каждый год в Крайск ради него.

— Фамилия?

— Нет фамилии. Только имя: Таня.

— Тут Софья Васильевна, видно, не поможет, — сказал полковник. — Едва ли ей Дорохов эту Таню показывал.

— Да, она не поможет, — подтвердил Луганов.

— Позовем ее, — решил полковник и позвонил.

Через несколько минут Софья Васильевна была в кабинете. Она за это время сильно изменилась. Похудевшее, изборожденное морщинами лицо придавало ей вид старухи.

— Что ж, Софья Васильевна, — обратился к ней полковник, — не знаю, как мне расценивать ваше поведение, но вы нас явно вводили в заблуждение. Вы разве не советская гражданка?

Лицо Дороховой сморщилось, она еле сдерживалась, чтобы не заплакать.

— Чего вы от меня хотите? — спросила она. — Говорите прямо, пожалуйста.

Скворецкий хмуро посмотрел на нее.

— Знаете, где он находится, и молчите, — сказал он, повышая голос.

— Я не знаю, — вскрикнула Дорохова, — честное слово, не знаю!

Полковник протянул ей конверт. Она прочитала надпись на конверте, руки у нее затряслись. Она хотела вынуть письмо, но в конверте его не было.

— Одну минуту. Какой разговор у вас был о его костюме?

Женщина растерянно заморгала.

— О костюме?

— Гражданка Дорохова, пора говорить правду. Прочтите письмо.

Дорохова прочитала письмо, лицо у нее сморщилось еще больше, но она опять сдержала слезы.

— Итак, — произнес полковник, — перед тем как уходить из дому для инсценировки самоубийства, что он вам сказал?

— О чем?

— Не притворяйтесь, — резко сказал Скворецкий. — Вы с ним разработали систему сигналов. Что было связано с костюмом?

— Да ничего, честное слово, ничего, — с ожесточением заговорила Дорохова, — просто он сказал мне, что если будут пытать о нем, то я

должна сообщить в письме, что костюм в чистке. Но я на самом деле отдавала его в чистку.

— Откуда он должен был написать вам?

— Но я же правда не знаю.

— А кто такая Марианна?

— Это Марианна Сергеевна Озерова. Моя большая подруга. Мы с ней когда-то вместе работали. Он знал ее адрес, но откуда я могла знать, что он поедет к ней. Это же дико! Я думала, что он у кого-нибудь из своих фронтовых друзей.

— Где живет эта Озерова?

— В Калуге. Я могу дать ее адрес.

— Напишите.

Дорохова писала долго; она уже плакала, но стеснялась своих слез и незаметно стирала их тыльной стороной ладони.

— Вот. — Она протянула адрес полковнику.

— Вы, Софья Васильевна, — сказал Скворецкий, вставая, — были с нами не откровенны, намного затруднили нам следствие. Ваши показания не только осложнили нашу работу, они шли против интересов страны, в которой вы живете. Вы понимаете это?

Дорохова судорожно кивнула.

— Я понимаю. Но он... — она закрыла лицо руками, — но поймите же, он единственный близкий мне человек...

Все растерянно молчали.

— И даже сейчас, когда он вас втянул в такую историю? — спросил Скворецкий. — Да неужели вы... — Он вдруг махнул рукой и сдержался. — Хорошо, идите... Ох уж эти женщины! — заходил по кабинету полковник. — Он жизнь ей исковеркал, а она его опять самым близким называет! — Полковник вздохнул. — Итак, подытожим. На этот раз мы уже вышли на след. Сейчас главное — не потерять его. Какими реальными данными мы располагаем? Во-первых, письмо, которое дает возможность относительно точно установить, где сейчас Оборотень. Во-вторых, некая Таня — хоть какая-то, но зацепка. И в-третьих, Викентьев Виктор Владимирович. Последним уже занялся Центр. Через час у меня разговор с генералом Васильевым. Я должен ему высказать наши соображения. Есть предложения?

Мионов сказал:

— Кирилл Петрович, у меня не предложение, а просьба. Хотелось, чтобы мы в том же составе принимали участие в поисках Оборотня, где бы они ни велись. Сейчас Оборотнем займутся калужские товарищи. Это

правильно. Но надо учесть: Оборотень хитер, а мы с Лугановым больше других знаем о нем и его уловках. Мне кажется, нам надо участвовать в операции, проводимой калужанами, хотя бы в качестве консультантов.

— Я присоединяюсь к Андрею, товарищ полковник. Мы действительно больше других изучили уловки и ходы Оборотня, и в Калуге мы могли бы принести пользу.

— Я отлично все понимаю, товарищи. Я и сам бы желал принять участие в операции. Но калужане получили всю имевшуюся в распоряжении Центра информацию; она вполне достаточна, чтобы все предусмотреть. Поэтому не будем настаивать... Хотя... — он помедлил, — просьбу вашу я передам.

После этого они разошлись по кабинетам. Полковник ждал разговора с генералом Васильевым.

Через полтора часа полковник снова вызвал к себе Миронова и Луганова.

— Товарищи, — сказал он, — ваша просьба передана. Генерал приказал продолжать работу по систематизированию материалов. Калужане будут работать сами. Они проведут операцию в пределах двух дней. По адресу, сообщенному Дороховой, жильцы сейчас проверяются. В Москве допрашивают Спиридонова. Он многое не говорит, хотя и делает вид, что предельно откровенен. Пока все. Будем ждать результатов.

* * *

В Калужском управлении шло оперативное совещание.

— Дворник опрошен? — спрашивал высокий молодой полковник у сотрудников, непосредственно занятых делом Оборотня.

— Дворник сейчас у нас, — доложил один из сотрудников. — По предварительным данным, на квартире у Озеровой действительно проживает кто-то, фамилию и имя его мы еще не установили.

— Пригласите дворника! — приказал полковник.

— Здравствуйте. Зачем это я понадобился? Какая во мне нужда? — быстро заговорил вошедший дворник.

— Садитесь, товарищ Копылов, — сказал полковник. — У нас к вам вот какой вопрос. Вы Озерову Марианну Сергеевну хорошо знаете?

— Профессоршу? — воскликнул дворник. — Еще бы! Такая добрая, до всех у нее дело, всем хочет расстараться...

— Добрая, говорите?

— Очень. Даже совестно смотреть порой, как люди этим пользуются.

— Какие же люди?

— Да знакомые... В какие ее только дела, не запрягают! Раз у каких-то мужниных сослуживцев — а муж-то ее уж умер — свадьба была иль еще какое торжество, так они Марианну Сергеевну впрягли, чтоб у нее это происходило... Сами наелись, напились, а ей посуду мыть...

— Может быть, они думали вовлечь ее в празднество? Все-таки одинокая женщина, пожилая...

— Не-ет, уважаемый товарищ полковник, — возразил дворник, — в другой раз эти же самые люди забрали у нее на праздник всю посуду, а вернули только половину. Знают, что добрый она человек, вот и тянут.

— Откуда у вас такие подробные сведения? — спросил полковник. — Вы с Марианной Сергеевной в хороших отношениях?

— Отношения-то ничего, только это мне не она, это тетка Павла рассказывала. С той мы друзья-приятели.

— Кто это тетка Павла?

— А у Марианны Сергеевны живет... Родственница ейная.

— И что за человек?

— Хорошая старуха. Она даже и с Марианной Сергеевной бранится, не смотрит, что профессорша. Чего, говорит, ты на себя чужие заботы вешаешь, своих мало? И то сказать, около Марианны Сергеевны вечно прихлебатели вертятся. Вот взять, сейчас этот рыжий у них живет. Молодой, здоровый, а на старухином иждивении. Хорошо это?

— Товарищ Маликов, покажите товарищу Копылову фотографии, — попросил полковник.

Дворнику показали несколько фотографий, среди которых была и фотография Дорохова.

— На жильца Озеровой тут нет похожего? — спросил сотрудник.

Дворник внимательно рассмотрел все фотографии.

— Нету. Мужик он нестарый, при бороде и очках. Таких тут нету.

— Сделаем так. Вы, товарищ Копылов, как считаете, тетя Павла не проговорится, если понадобится нам в нужном деле?

— Старуха молчать умеет, — заверил дворник, — наша старуха, советская.

— Тогда поезжайте сейчас к себе, вызовите, пожалуйста, эту тетю Павлу, предупредите ее и везите к нам. Хорошо?

Дворник согласился и через полчаса вернулся с родственницей Озеровой.

Это была высокая, костлявая старуха с мрачным взглядом, чуть

глуховатая, но зоркая и понятливая.

— Вот попрошу вас посмотреть эти фотографии, — сказал сотрудник, раскладывая перед ней несколько фотографий, — никого не узнаете?

Старуха брала по одной фотографии и внимательно ее рассматривала. Происходило это в полной тишине, даже говорливый дворник, проникся важностью процедуры и притих.

— Нету, — сказала старуха, откладывая фотографии, — знакомых тут нет.

Дворник, словно услышав команду, зачастил:

— Это точно, людей на свете великое множество, и некоторые даже ошибаются на знакомых, но подтверждаю: нету и моих знакомых тоже.

Сотрудники переглянулись, и один из них вынул из кармана клинышек рыжеватого войлока. Он приложил его к фотографии Дорохова, словно приклеил Дорохову бородку.

— Похож?

Старуха всмотрелась.

— Энтот?

Дворник тоже поглядел.

— Наверде родича нашего напоминает, — сказала старуха. — Как, Николай?

— И я вполне согласный, — затараторил дворник, — как нынешний жилец Алексей Василич Быков, только поважнее. А так очень даже похож.

— А сейчас он дома? — спросил полковник.

— Вернулся, тунядец, — в сердцах ответила родственница Озеровой, — готовьте ему теперь бифштексы... И бесприменно, чтоб из говядины, свинину он, вишь, есть не может. Куда какой барин!

— Вы, Павла Семеновна, помогите нам, пожалуйста, в одном деле.

— Что за дело такое? — строго спросила старуха. — В хорошем деле я всегда рада помочь.

— Если явится к вам один из этих товарищей, — полковник указал ей на капитана Маликова и капитана Шурдукова, — вы на пороге не держите, хорошо?

— Это как на пороге? — не понимала старуха.

— Ну, сразу ведите в комнаты, не задерживайте их.

— Если свои, знакомые, то что ж держать...

Дворника и старуху, поблагодарив, отпустили.

План операции на следующий день был простой. Маликов и Шурдуков вместе с сотрудниками наблюдения являются к Озеровой и берут Оборотня.

Задача сотрудников наблюдения держать квартиру под неослабным надзором. Шурдуков и Маликов должны были обдумать все детали своего поведения в момент появления в квартире. Оба сотрудника имели немалый опыт работы в КГБ. Полковник был уверен в этих людях, поэтому и назначил их на операцию.

На следующий день рано утром оба сотрудника появились во дворе многоэтажного дома. В одном из подъездов к ним подошел высокий человек в комбинезоне грузчика и сообщил, что в квартире Озеровой все в порядке: Оборотень не выходил из дома.

Оба сотрудника быстро поднялись на третий этаж и позвонили. Дверь медленно открылась. И они увидели небольшую сухонькую старушку с заплаканным лицом. Маликов, который должен был первым войти в комнату, встревожился.

— Что случилось? — спросил он у хозяйки.

Мимо них проскользнул старший сотрудник, за ним остальные. Но Маликов все смотрел на ошеломленную вторжением чужих старую женщину, предчувствие безошибочно предсказывало ему: неудача!

— Марианна Сергеевна, с вами что-то случилось?

— Случи-лось, — вдруг, как ребенок, сморщила лицо старушка и расплакалась, — конечно, случилось... А кто вы такие?

— Где Быков? — спросил Маликов.

— А вы кто? Вы с ним заодно? Я сейчас в милицию побегу!

Маликов показал хозяйке свое удостоверение.

— Мы разыскиваем Быкова. Где он?

Старушка зарыдала.

В это время из комнаты появилась суровая родственница Озеровой.

— Что ж, матушка, воду-то лить. Энтим людям и надо жалиться, больше кому же.

— Тетя Павла, не надо! — взмолилась сквозь слезы Озерова, но та уже объясняла Маликову:

— Как поговорила я с вами, так и подумала: дурной он человек, Быков этот. Стала за ним присматривать. Да не усмотрела. Ворюга он! Самый что ни на есть мошенник! Мы его, как родного, приняли, а он-то, срамник, обокрал да и сбежал! Каторга по нем плачет, вот что!

Вскоре выяснилось следующее. Вчера утром Быков отправился на прогулку. Он каждый день уходил по утрам гулять, и в этом ничего особенного не было. Но он не вернулся ни к обеду, ни вечером. Женщины заволновались: Быков был аккуратен и редко уходил из дома больше чем на час. Они не знали, что и думать. Собирались уже обратиться в милицию. А

утром Марианна Сергеевна не обнаружила своих немногочисленных драгоценностей и нескольких сот рублей, хранившихся у нее в бельевом шкафу, в кошельке.

Сотрудники принялись выяснять обстоятельства.

Сначала Озерова только плакала и на вопросы не отвечала.

— Позор!.. — вздыхала она. — Как я посмотрю в глаза Соне, она же не поверит!..

— Ничего, — сказал Маликов, — поверит, он ее больше ранил. Так что вы, Марианна Сергеевна, рассказывайте все.

Озерова прекратила плакать и задумалась.

— Вы из КГБ? Значит, это серьезное дело? Так кто же он, этот Алексей Васильевич? Может, здесь и Соня ни при чем?

— Софья Васильевна виновата только в том, что когда-то при этом проходимце назвала ваш адрес, — пояснил Шурдуков, — а память у него феноменальная. Вот он и явился сюда. Как он вам представился?

— Быков. Он сказал, что муж Сони. Это правда?

— Быкова в ее мужьях не числится.

— То есть как?

— Так. Муж ее носит другую фамилию.

— Значит, это просто обманщик? Как же он разыскал меня, откуда узнал, что я дружу с Соней?

— Мы потом вам все объясним. Скажите, на какую фамилию вы писали Софье Васильевне?

— На девичью. И все письма доходили.

— Теперь ясно. А вы давно с ней переписываетесь?

— Лет двенадцать. Мы работали вместе, когда еще был жив мой муж.

— Видались за это время?

— Нет. Не удалось. У нее, знаете, всегда дела. Да и я здесь занялась общественной работой, так что остались одни письма.

— Вы переписывались регулярно?

— Были паузы. Но как только чувствуем, что затягивается молчание, сразу же шлем друг другу письма. Она хотя и значительно моложе, но очень близка была мне. Ее письма всегда помогали мне. Соня такая сильная, стойкая...

— А что она писала вам о муже?

— О муже она только сначала писала. Что крупный работник, экономист, что очень его любит... А вот фамилию его она не написала... Вдруг он приходит: «Здравствуйте, Быков» — и протягивает мне письмо от Сони.

— Оно у вас есть?

— Да, кажется, есть.

Озерова ушла в спальню. Вернулась она без письма.

— Не нашла, — сообщила она, смущенно разведя руками.

— Скажите, Марианна Сергеевна, а здесь Быков письма от жены получал?

— Нет. Но мы думали, что он получает на почтовом отделении. Он, знаете, какой-то был очень разный. Умел быть внимательным и любезным, а потом уйдет в себя, и его оттуда не докличешься... Ах, кто бы мог подумать! Алексей, Алексей!..

— Большое спасибо вам, Марианна Сергеевна, — поблагодарили сотрудники и, простившись, ушли, взяв обещание с Озеровой и ее родственницы, что в случае встречи с Быковым они немедленно сообщат.

* * *

На следующий день в Крайске полковник вызвал Миронова и Луганова.

— Операция в Калуге не удалась, — сообщил Скворецкий. — Сотрудники проглядели Оборотня. Они сейчас разбираются в подробностях. А наше дело — установить все, что можно, о Тане.

Сразу же после этого сообщения Миронов позвонил лейтенанту Мехошину и попросил его срочно привезти инженера Семичева.

Вскоре Мехошин ввел в кабинет Миронова Семичева.

Семичев был очень встревожен.

— В чем дело, товарищ? — спросил он. — Почему меня срывают с работы и везут сюда?

— Вы не волнуйтесь, — успокоил его Миронов, — садитесь. Надо кое-что уточнить... Помните, вы говорили о той женщине, что приезжала к Дорохову?

— О Тане?

— Да.

— Но я же все вам сказал!

— Постарайтесь получше припомнить. Во-первых, что бы вы сказали о ее внешности. Только поподробнее.

— Так, — потер лоб Семичев, — попробую. Выше среднего роста, почти с него. Белокурая... высокая прическа. Красивая. Черты лица правильные. Лоб невысокий, нос маленький... Хотя нет, нос с небольшой

горбинкой. Глаза... не помню.

— Как вы думаете, она врач или медсестра?

— Врач. Кажется, врач. Интеллигентная женщина.

— А характер?

— Ну, я, конечно, не мог о ней составить представление. Сдержанная, чрезвычайно сдержанная, говорила мало.

— Сколько ей лет, по-вашему?

— Около тридцати.

— Больше или меньше?

— Скорее тридцать.

Миронов позвонил к дежурному.

— Пришел ли Савостин?

— Ждет, товарищ майор.

— Пришлите ко мне.

Вошел Савостин:

— Здравствуйте! Опять я понадобился?

— Мы тут пытаемся выяснить кое-что о той знакомой Дорохова, которую, помните, он возил на вашей машине?

— Да я ж вам тогда говорил...

— Помню, но маловато. Скажите, как ее звали?

Семичев с любопытством уставился на парня.

— Вот и не припомню, — наморщил лоб Савостин, — но вроде Тамара.

— А не Таня? — спросил, быстро поворачиваясь к нему, Семичев.

— Точно! Таня. Он ее так называл. Правильно.

— Как вы думаете, кто она по профессии?

— По профессии? Может, учительница. Больно про Крайск много знала.

— А не медик?

Савостин подумал.

— Может, и так. Раз мы с ней заговорили о катастрофах. Товарища моего, таксиста, самосвал помял. Досталось парню... У него сотрясение мозга было. Ну и она тут мне объяснила и про двенадцать пар черепных нервов, и про разные там вегетативные системы...

— Опишите еще раз ее внешность.

— Отличная внешность у нее. Светлая она и довольно полная.

— Лицо помните?

— Лицо приятное. Курносовая...

Миронов посмотрел на Семичева.

— Я тоже превосходно помню, — с оттенком обиды сказал тот, — нос довольно крупный, с горбинкой, с большими ноздрями...

— Нет, курносый, это я точно говорю! — перебил Савостин.

Миронов улыбнулся.

— Может, он и курносый и с горбинкой?

— В самом деле, — засмеялся Семичев, — он с горбинкой, а на самом конце привздернут.

— Вот, — произнес Савостин, — теперь точно. Я тоже помню: и с горбинкой.

Миронов поблагодарил Савостина и Семичева и отпустил их. Теперь у него было некоторое представление о внешности этой женщины, ее имя, приблизительные данные о возрасте и профессии. Сведений маловато для поиска. Но иного выхода не было. Выяснением личности Тани следовало безотлагательно заняться.

Вскоре оба майора были вызваны в кабинет полковника.

— Товарищи, — обратился к ним полковник, — генерал Васильев согласился со мной и решил создать в Центре группу по поимке Оборотня. Вы оба включены в эту группу. Поэтому немедленно готовьтесь в дорогу. Завтра в девять ноль-ноль генерал Васильев ждет вас у себя. Довольны, товарищи?

— Правильное решение, Кирилл Петрович, — одобрил Миронов, — необходимо действовать из Москвы. Теперь район наших поисков может стать огромным.

— Ну что ж, товарищи, — сказал Скворецкий, — завтра вы улетаете...

— Сегодня ночью, товарищ полковник, — поправил Луганов.

— Сегодня ночью вы улетаете, — повторил полковник, — тогда вечером жду вас у себя. Ненадолго. Выпьем чашку кофе, обсудим новости. Согласны? Итак, до вечера!

* * *

В девять утра Миронов и Луганов вошли в кабинет генерала Васильева. Генерал поздоровался и предложил садиться.

— Сюда, товарищи, поближе, — пригласил генерал, и улыбка осветила его смуглое лицо. — Поговорим о вашем деле. Калужане сейчас выяснили, что у Озеровой кроме драгоценностей пропала верхняя одежда покойного мужа: плащ и шляпа. Возможно, эта одежда и помогла Оборотню так замаскировать себя, что он сумел уйти незамеченным. Но это пока

предположение. Не знаем мы пока и где он и чем он теперь занимается. По решению Центра мы оставляем вас в Москве. Задача ваша будет заключаться в следующем: вы должны выявить, систематизировать и обобщить все материалы по деятельности Оборотня. Но это второстепенное. А главное, вы будете неотступно преследовать Оборотня повсюду, где только появится его след. Сейчас, пока наши владимирские товарищи бьются над тем, кто такая эта Таня, вы должны заняться выяснением: остались ли в живых еще люди из спецлагеря. Кроме львовских материалов мы тут располагаем рядом архивов гестапо и абвера. Все это придется исследовать. Приступайте, товарищи!

Миронов и Луганов покинули кабинет генерала.

Работа была напряженной. Миронов, Луганов и еще три сотрудника должны были просмотреть и систематизировать горы документов. Отобрав из них те, что проливали хоть какой-то свет на Львовский спецлагерь, и делать это приходилось спешно. Спугнутый Оборотень где-то прячется, может быть, в той же Москве, и надо найти пути, по которым он попробует скрыться, отрезать их.

Во Владимире тоже шла нелегкая работа. Местные товарищи среди множества Тань искали медичку, которая могла быть в Крайске и познакомиться с Дороховым. Тань было немало. И из тех, кто оказался среди врачей, многие ездили в отпуск на юг, и несколько женщин соответствовали приметам, которые когда-то сообщил в Центр Миронов. Эти Тани были тщательно проверены, но оказались вне подозрений. А между тем Миронов предполагал, что Оборотень после бегства от Озеровой вынужден будет просить приюта у своей близкой знакомой. Других возможностей у него не было. Своих людей, если они и имелись, он побоится поставить под удар. Оборотень, конечно, знал, что чекисты сейчас проверяют его связи и знакомых. Но Таня не была известна как знакомая Дорохова. И Оборотень мог считать, что она для сотрудников КГБ вне подозрений.

Миронов и Луганов были достаточно опытными работниками и понимали, что предположение ничего не стоит, пока факты не подтвердят его правильность. Поэтому, ежедневно запрашивая Владимир о том, как идут розыски Тани, они, не покладая рук трудились над документами, переданными им из Центра.

Был поздний вечер. Миронов с осунувшимся лицом и ввалившимися глазами поднял голову от бумаг.

— Знаешь, Василий, над чем я думаю? Документацию по спецлагерю

проверяли и львовские товарищи. Там, кроме Спиридонова и Рогачева, уцелевших нет. По документам гестапо за сорок четвертый год известен только побег Спиридонова, инсценированный Соколовым. Из донесения командира танковой части, освободившей лагерь, известно, что живых среди заключенных не обнаружено. Необходимо, видно, поднять документы из других лагерей. Могли же гитлеровцы в последний момент пересадить своих агентов в другие, обычные лагеря, расположенные поблизости.

— Могли, — согласился Луганов. — Надо также проверить списки попавших в госпитали при освобождении Львова и документы на них.

— Правильно. Распорядись, чтобы завтра сотрудники занялись этим.

На следующий день Луганов дал указание сотрудникам проверить архивы медицинских подразделений в частях, участвовавших в штурме Львова, а Миронов настоятельно советовал одному из сотрудников проверить все данные по другим лагерям военнопленных на территории Львовщины, обращая главное внимание на пленных, прибывших весной сорок четвертого года. К вечеру обоих вызвали к генералу Васильеву.

— Товарищи, — обратился к ним генерал, — пора. Женщина, связанная с Оборотнем, обнаружена. Правда, проверочные данные еще не поступили. Но как бы то ни было, во Владимире вы нужнее, чем здесь. Работу вы тут наладили, сотрудники справятся. Поезжайте, помогите местным товарищам. Сравните свои впечатления с теми, какие сложились у них. Думаю, вполне возможен выход на самого Оборотня. Действуйте решительно и без промедления.

* * *

Миронов и Луганов прибыли во Владимир. Там их встретил сотрудник, доставил в гостиницу и сообщил, что прямых связей Татьяны Юреновой с Оборотнем пока установить не удалось. Объясняется это тем, что в последнее время она живет в Муроме, а во Владимире появляется редко. Но в городе у нее мать, и поэтому во Владимире ей бывать приходится. Сейчас ее проверяют муромские товарищи. Связь с Муромом поддерживается через управление. В случае необходимости их вызовут из гостиницы.

Миронов и Луганов расположились в номере, вынули книги и журналы. В их работе ждать приходилось часто, и они давно научились делать это безропотно.

Неожиданно позвонил телефон.

— Товарищ Миронов? — спросил голос.

— Луганов слушает.

— Товарищ Луганов, сообщают из Мурома: Юренева следует из Мурома во Владимир. Через полтора часа будет.

— Установили ли в Муроме, есть ли у нее на квартире кто-либо посторонний?

— Установили: на квартире никого нет.

— Как только прибудет Юренева, попросите ее проехать в управление. Мы будем там.

— Слушаюсь, товарищ майор.

Через пять минут позвонили из вестибюля гостиницы.

— Машина ждет.

В управлении их встретил невысокого роста темноволосый человек.

— Капитан Алексеев, — представился он.

Алексеев провел их в кабинет и, пока они ждали приезда Юреновой, стал рассказывать, как сотрудники вышли на ее след.

— Сначала выпустили ее из виду, — говорил он простуженным баском, ежеминутно покашливая. — Искали, проверяли, кажется, ни одной мелочи не упустили. Проверили всех врачей с именем Таня, но среди них ни одна не была связана с Крайском. Потом проверили всех медсестер с именем Таня. Но никто из них не отвечал приметам. Что делать? Некоторые уже начали сомневаться, правильные ли приметы были получены в Крайске; другие думали, что, может быть, вам сообщили неверное имя. Но потом стали думать и выяснять, кто мог быть упущен из нашего поиска. И тогда обратили внимание на одно обстоятельство: ведь эта Таня, по вашим данным, появилась в Крайске два года назад. Во всяком случае, шофер Савостин видел ее никак не раньше, и Семичев тоже. Значит, надо просмотреть личные дела всех врачей, работавших во Владимире за этот период. Начали проверку и обнаружили несколько переехавших Тань. Вот тогда-то и остановились на Юреновой. По рассказам сослуживцев, узнали, что она каждый отпуск бывает на юге и что у нее есть близкий знакомый, о котором она рассказывала немногим... Так что помялись мы с этой Таней, — закончил капитан.

— Юренева замужняя? — спросил Миронов.

— Пять лет как разведена.

— Сколько ей лет?

— Тридцать два.

Луганов с Мироновым занялись подготовкой к разговору с Юреновой.

Капитан ушел. Зазвонил телефон.

— Слушаю, — сказал Миронов.

— Товарищ Миронов?

— Да.

— Юренева прибыла. Наш сотрудник разговаривает с ней.

— Попросите приехать.

— Хорошо, товарищ майор.

Через двадцать минут сотрудник ввел в кабинет светловолосую женщину в зеленом плаще.

— Татьяна Николаевна Юренева, — назвал он вошедшую.

— Майор Миронов, — представился Миронов, затем представил Луганова. — Татьяна Николаевна, — начал Миронов, — вы извините, пожалуйста, что побеспокоили вас, но дело крайне срочное.

— Если так, — сказала Юренева, — тогда конечно... А вообще все это очень неожиданно.

— Садитесь, — предложил ей стул Луганов.

— Татьяна Николаевна, — обратился к Юреновой Миронов, — у меня вот какой вопрос: вы сейчас живете в Муроме одна?

— То есть как? — спросила женщина. — Что вы этим хотите сказать?

— Мы, Татьяна Николаевна, — вмешался Луганов, — хотели бы узнать: за последнее время не посещал ли вас кто-нибудь из ваших прежних знакомых?

— Н-не знаю, — ответила Юренева, опуская глаза. — А почему вас это интересует?

Миронов с Лугановым переглянулись.

— Татьяна Николаевна, посмотрите, пожалуйста, нет ли среди этих лиц человека, которого вы хорошо знаете? — И Миронов высыпал на стол пачку фотографий.

Юренева долго рассматривала фотографии, потом отложила их в сторону и взглянула на чекистов.

— Могу я спросить, с какой целью вы это спрашиваете?

— Вы тут ни при чем, — ответил Миронов. — Нас интересует один человек... Вы нашли знакомых, Татьяна Николаевна?

— Да... — задумчиво произнесла Юренева, — здесь есть один мой знакомый.

— Покажите нам его. — Луганов раскинул веером фотографии.

— Вот он. — И Юренева показала на карточку Оборотня.

— Как его зовут? — спросил Миронов.

— Дорохов Михаил Александрович.

— Расскажите, пожалуйста, что вы о нем знаете.

— Он... — Юренева помедлила. — Но чего вы от него хотите?

— Татьяна Николаевна, расскажите нам о нем все, что вам известно, — попросил Миронов.

— Ну, хорошо... — Она помедлила. — Он работник облисполкома, немного пописывает...

— Что именно? — спросил Луганов. — Книги?

— Да, мемуары, — ответила Юренева, чуть оживляясь, — он столько повидал во время войны.

— А чем он в то время занимался?

— Он был разведчиком. Бывал в тылу у гитлеровцев. Даже в их штабах. Вот об этом он сейчас и пишет.

— Ясно, — сказал Миронов. — Скажите, а он не сообщал вам о том, где он сейчас, как себя чувствует?

— Но, — удивилась Юренева, — что же ему писать. Он сейчас у меня. Наступила короткая пауза.

— Татьяна Николаевна, — прервал молчание Миронов, — у меня к вам просьба: не могли бы вы отложить посещение матери и помочь нам в одном деле?

— В чем именно? Все так странно.

— Татьяна Николаевна, не согласитесь ли вы поехать с нами в Муром, а завтра утром мы доставим вас обратно. Сейчас еще не поздно, вы и выспаться успеете.

— Да в чем дело? — вдруг резко спросила Юренева. — Могу я знать?

— На месте мы вам все разъясним.

— Хорошо, — ответила Юренева, — я согласна.

Немедленно связавшись с начальником местного управления, Миронов договорился о деталях операции. Муромские сотрудники должны были перекрыть все выходы Оборотню.

Через пятнадцать минут мчались, рассекая фарами мрак, две машины. В одной были Миронов, Луганов и Юренева, во второй — сотрудники.

Юренева сначала пыталась расспрашивать их о том, зачем им так важен Дорохов, который уехал от своей невыносимой жены к ней, старой своей знакомой, чтобы здесь на свободе написать мемуары, но вскоре, обескураженная немногословием чекистов, замолчала.

Показались купола муромских церквей. Машина, замедляя ход, заскользила по улицам со старыми деревянными и каменными домами. По указанию Юренивой машина свернула на узкую улицу. Не доезжая до длинного, почерневшего от старости дома, они остановились.

Миронов помог Юреновой выйти из машины.

— Куда теперь? — спросил он.

Она показала на крыльцо и подала ключ. Ключ легко повернулся, дверь открылась. Миронов, чувствуя сзади дыхание Луганова и держа пистолет наготове, шагнул в небольшую прихожую, потом быстро толкнул дверь в комнату. Там было темно. Включили свет. Миронов и Луганов обвели глазами комнату. Неслышно вошла Юренева.

— Когда вы уезжали, он был здесь? — спросил Миронов.

Она с растерянным видом подошла к дивану и села.

Миронов закрыл дверь и тоже сел. Луганов внимательно исследовал комнату.

— У него был чемодан? — спросил он.

— Да, — отозвалась Юренева.

— Какой?

— Чешский, из крокодиловой кожи. Он на шкафу лежал.

— Его нет?

— Нет.

— Значит, он ушел. — Луганов обернулся к Миронову: — Ушел! Слышишь, Андрей?

Наступила секунда тяжелого молчания.

— Давай осмотрим все, — предложил Миронов. — Какие-то следы должны остаться.

Они обошли и осмотрели комнату, вышли на кухню, проверили коридор. Им помогла Юренева. Она откинула с кухонного стола клеенку и обнаружила записку:

«Таня, извини. Дела обернулись очень тревожно. Вынужден ехать. Скоро сообщу адрес. Михаил».

Записка сняла нервное напряжение. И они спокойнее продолжали осмотр.

Луганов рассматривал тома Энциклопедии, лежавшие на полке.

— По отдельным томам покупали? — спросил он Юреневу.

— Нет, это из больничной библиотеки. Он просил, я приносила.

— По какому же принципу он выбирал?

— Не знаю. Просил эти семь томов.

Луганов позвал Миронова:

— Иди-ка сюда.

Они договаривались открывать тома там, где они легко открываются.

Это случается на тех страницах, на которых книга была долго открыта. Проверили все семь томов.

У Луганова вышло: «Свердлов» — окончание статьи, начало — «Свердловск», затем «Иркутск» и «Владивосток». У Миронова — «Челябинск», «Омск», «Хабаров», «Находка».

— Понял? — поднял голову от книг Миронов. — На восток ушел. Хабаров — это так, для исторического обзора. Хабаровск ему был нужен наверняка.

Затем Луганов обнаружил карту Министерства путей сообщений.

— Часто он ее рассматривал? — спросил он, показывая карту Юрениной.

— Часто, — ответила она.

— А вам он ничего об отъезде не говорил? — спросил Миронов.

— Нет. Он вообще мало говорил. Больше смотрел. И ехать, кажется, никуда не собирался.

— У вас карта не вызывала подозрений?

— У меня ничего не вызывало подозрений.

— И вы никогда о ней не спрашивали?

— Спросила раз... Он сказал, что в его профессию входит знать все туристические маршруты страны.

— Ясно, — сказал Миронов. — Татьяна Николаевна, вы напрасно расстраиваетесь. Лучше будет, если вы сейчас проверите, все ли ваши вещи целы.

Послушно, как автомат, Юренина стала копаться в старом комод, в шкафу, потом сказала:

— Нет, все цело.

— А золотые вещи у вас есть?

Юренина опять открыла шкаф, что-то там долго переворачивала, потом повернулась к ним и растерянно сказала:

— Пропали...

— Что? — в один голос спросили Миронов и Луганов.

— Кольца и монисто. Бабушка мне подарила лет пять назад...

— Золотые?

— Да.

— Ну что я вам говорил? — Миронов подвел женщину к столу: — Пишите подробное описание вещей. Самое подробное. Очень важно, чтобы там были приметы. Есть они?

— На одном кольце выбито: «Елене». Это отец когда-то матери подарил.

— Отлично.

— Татьяна Николаевна, — сказал Луганов, — мы понимаем, что вам сейчас нелегко. У нас к вам последняя просьба: если Дорохов возникнет, оповестите нас, хорошо?

Юренева кивнула.

Мионов встал, последним взглядом окинул комнату, простился с Юреновой и вышел. Скоро вышел и Луганов.

— Какова, а? — рассерженно буркнул Мионов.

Луганов взял его под руку.

— Андрей, она здесь ни при чем. Дело в другом. Надо немедленно все проанализировать.

Мионов молча кивнул головой. Он и сам понимал, что не прав, сердясь на женщину. Не ее вина, что опять ушел ловкий и изощренный враг, опять обвел их вокруг пальца.

На следующий день в Москве состоялся разговор с генералом Васильевым.

— К вам лично у меня претензий нет. Работали быстро и четко, — говорил генерал, — и все-таки задание не выполнено. Оборотень ушел. Причем ушел так, что у нас пока нет никаких ориентиров, где его искать. Поэтому продолжайте работу по спецлагерю. Где-то у него есть дружки, на которых он может опереться.

— Товарищ генерал, — обратился Мионов, — а Спиридонов... Может быть, мы из него еще не все вытянули?

— Спиридонов будет допрошен еще, — обещал генерал, — но вы, товарищи, помните: главное сейчас — это спецлагерь. Все узелки там. По нашим данным ясно, что кадры у него старые, новых завербовать не удалось. Впрочем, об этом пока говорить рано. Есть у нас в запасе один козырь. — Генерал улыбнулся. — Ярцев вот-вот начнет давать показания. Доктора сделали чудо.

Из кабинета Васильева офицеры вышли в хорошем настроении. За последнее время это было первое известие, которое их порадовало.

На следующий день приступили к просмотру архивов. Работали с утра до вечера. Иногда Мионов приглашал Луганова к себе, иногда ходили в театр. Но и в театре и дома они возвращались к мысли об Оборотне. Нервы у обоих были натянуты. Мионов понимал, что предстоит долгий и трудный поиск и силы надо беречь, отдыхать.

Через четыре дня их опять вызвали к генералу.

— Вот какое дело, товарищи, — сказал Васильев. — Спиридонов

сообщил, что точно знает о переводе одного заключенного, имевшего дела с Соколовым, из их спецлагеря в обычный лагерь военнопленных. Фамилию его он не помнит, но внешность может припомнить, если найдут фотографии. С этим человеком он общался. Сообщить о нем может только следующее: родом он из Ленинграда и имел какое-то отношение к музыке. Не то служил в армии в музыкальной роте, не то в мирное время играл в оркестре. Вам предстоит отыскать его среди пленных, освобожденных под Львовом.

Миронов и Луганов приступили к розыскам.

Сопоставить все документы по концлагерям и этим путем выявить тех, кто был переведен в лагеря летом сорок четвертого года, оказалось делом невозможным. Часть документации была уничтожена гитлеровцами, а часть утеряна в первые дни наступления. Однако и Миронов и Луганов работали день за днем. Так же напряженно трудились и другие сотрудники их группы. Через их руки проходили горы личных дел пленных, фотографий, архивных справок... Было установлено несколько десятков лиц, которые до того, как попали в плен, числились в музыкальных командах или были музыкантами до военной службы. Однако Спиридонов, которому показывали их фотографии, сначала опознавал кого-нибудь, потом начинал сомневаться. И этот путь поиска уже начинал казаться бесперспективным.

Тем не менее работа продолжалась. Как-то утром один из сотрудников положил перед Мироновым несколько личных дел.

— Что это? — спросил Миронов.

— Это, товарищ майор, лица, переведенные в лагерь сто восемьдесят восемь из других концлагерей.

— Но не из спецлагеря?

— Документов, откуда они переведены, не сохранилось. В графах стоит, что переведены, и только.

Миронов попросил передать материалы генералу Васильеву.

На следующий день Миронов и Луганов слушали сообщение генерала.

— Спиридонов опознал человека, о котором он говорил, — докладывал генерал. — Это некий Нахабин. Но среди сотен Нахабиных мы не нашли этого. Следовательно, он или сменил фамилию, или Спиридонов что-то напутал. Так или иначе, вашу работу надо продолжать. Посмотрим, не обнаружит ли Спиридонов кого-либо еще. Это я сообщил в качестве информации. Могу добавить следующее: здоровье Ярцева заметно улучшается. Доктора считают, что через неделю ему уже можно будет давать показания.

...В этот день Луганов и Миронов бродили по Москве. Разговор не вязался.

— Оборотистый этот Оборотень, — говорил Миронов, — ишь как затаился.

— Да. Противник опасный, — подтвердил Луганов. — А как ты думаешь, не начать ли проверку Нахабина с другой стороны, с его музыкального прошлого?

— Мало в Советском Союзе музыкантов?

— Но не все побывали на войне. Круг суживается. Не все сидели в лагерях военнопленных...

— А ты думаешь, он сменил фамилию, но не сменил специальность?

— Да, это возможно... Но все-таки...

Через два дня их опять вызвали к генералу.

— Товарищи, как будто найден след Оборотня, — сообщил генерал. — В Челябинске в комиссионном магазине появились вещи Озеровой, которые взял у нее Оборотень. Конечно, это, может быть, уже перепродажа. И трудно найти того, кто первым пустил их в оборот. Но так или иначе, а наши товарищи там работают. Милиция и другие органы приступили к поискам Нахабина. Думаю, под какой бы фамилией он ни скрывался, данные о нем скоро поступят. О том, что происходит в Челябинске, буду вас информировать. Будьте готовы к отъезду.

После этого сообщения Миронов позвонил домой и попросил, чтобы ему приготовили вещи для дороги. Луганов охладил его:

— Не спеши, Андрей, пока ничего не известно.

Прошло двое суток. Они снова в кабинете генерала Васильева читали отчет о происшествии в Челябинске.

Генерал ходил по кабинету и комментировал:

— Итак, нашли след. Ясно одно — Оборотень идет все дальше на восток. Сначала Калуга, потом Владимир, теперь Челябинск. Однако в любую минуту он может сменить свой маршрут. Конечно, в поездах и на самолетах ему будет неуютно, но пока Оборотень мог пробираться в нужные ему пункты, не оставляя следов. Только вот челябинский случай спутал ему карты.

* * *

В Челябинске, не переставая, шел дождь. Под его мерный шум в течение двух дней допрашивали одного азербайджанца. Когда его уличали,

он легко отказывался от своих слов.

— Так вы говорите, что вам продали эти вещи на толкучке? — спрашивал следователь.

— На толкучке, дорогой, на толкучке. Подходит один, говорит: хочешь золотой вещи? Я посмотрел — купил.

— Но вчера вы говорили, что вам их продал знакомый.

— Знакомый? Какой знакомый? Совсем не знакомый. Первый раз вижу. Такой високий.

— Во вчерашних ваших показаниях записано: «Подошел знакомый земляк и сказал, чтобы я купил эти вещи, потому что вещи стоящие».

— Нет, нет! Так не было. Не подходил.

— Кто же подходил?

— Земляк не подходил. Другой подходил.

— Вы же говорили вчера, земляк подходил.

— Не знаю, кто говорил. Я не говорил.

— Ну вот ваша подпись.

— Не знаю. Не говорил.

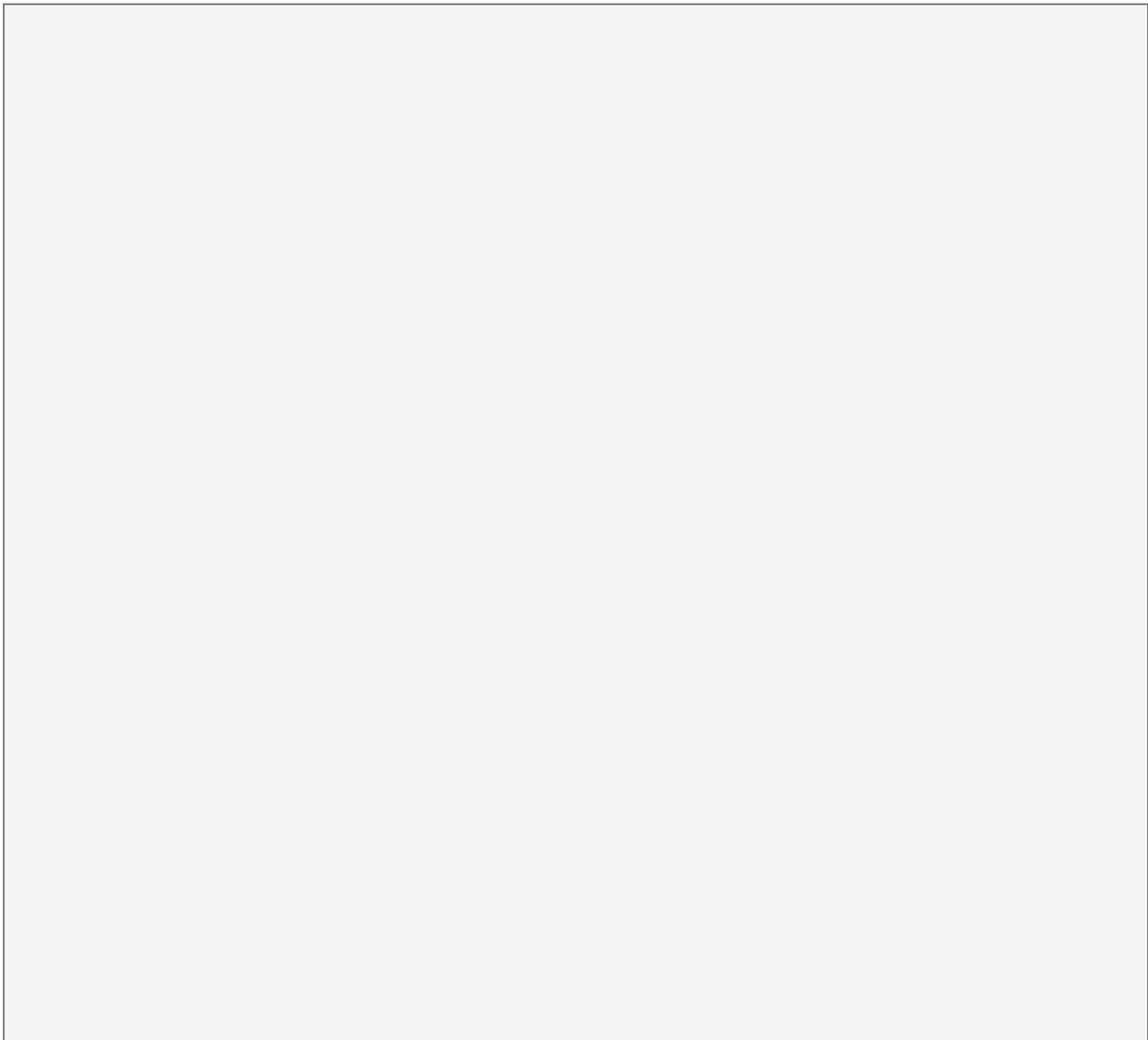
— За ложные показания суд карает по всей строгости закона. Вы понимаете, чем это вам грозит? — спросил следователь.

Азербайджанец испугался и рассказал следующее. По его словам, он приехал в Челябинск в начале июня «для продажи вина». Здесь познакомился с несколькими земляками, один из них, Ибрагим Момедов, скупал и продавал золото. За день до этого Ибрагим явился к нему с предложением выгодной сделки. Он должен был перекупить, и довольно дешево, у Ибрагима золотые вещи. Он это и сделал, а потом сдал золото в магазин. Эта операция приносила ему крупный куш. Но во время перепродажи его задержали.

Немедленно разыскали Ибрагима. Он оказался низеньким, толстым и очень спокойным человеком. Быстро сообразив, что здесь с ним шутить не собираются, он рассказал историю появления у него золотых вещей.

Три дня назад, когда Ибрагим уже закрывал свою лавочку на базарной площади, где продавал колхозное вино, к нему подошел гражданин и попросил налить стакан вина. Ибрагим отказал покупателю. Потоптавшись вокруг хлопотавшего Ибрагима, гражданин попросил его уделить несколько минут для разговора. Ибрагим оглядел незнакомца. Одет он был прилично: серое пальто, шляпа, вид культурный. И Ибрагим пригласил незнакомца в лавку. Там посетитель, ни слова не говоря, выложил перед ним кучу золотых вещиц. Ибрагим рассмотрел их и понял, что вещи ценные и будут иметь хороший сбыт. После долгих споров и торгов,

Ибрагим приобрел все вещи за пятьсот рублей. Это было раз в пять меньше их настоящей цены. Но Ибрагим сказал, что если гражданин хочет получить больше, то пусть идет в другое место. И гражданин не стал возражать. Так золотые вещи оказались у Ибрагима. После ухода покупателя Ибрагим задумался. При покупке он хотя и намекнул посетителю о нечистом способе появления у него этих вещей, но не придавал этому серьезного значения. Однако позже эта мысль стала его тревожить. Поразмыслив, он вспомнил, что один из его земляков сказал, что, хорошо поторговав на Урале, хотел бы привезти домой что-нибудь ценное. Не откладывая дела в долгий ящик, он пошел к земляку и предложил ему купить золото. Однако он не предполагал, что приятель понесет его в комиссионный магазин.

Следователь, выслушав рассказ, разложил перед Ибрагимом несколько фотографий.

— Кто-нибудь из них похож на вашего посетителя?

Ибрагим вздыхал, сопел, лениво вертел фотокарточки в руках, с печальным унынием рассматривая их.

— Нэт, — сказал он, просмотрев все. — Тот был седой. Усы такой короткий... Нэ похож. Никто нэ похож.

Однако через некоторое время он опять потребовал фотографии. Долго рассматривал их.

— А этот похож, — сказал он, показывая на фотографию Дорохова. — Только он без бороды.

Ибрагима отпустили, попросив челябинских товарищей связаться с Баку и навести о нем справки.

Ибрагим не вызывал подозрения, поверили и его рассказу. Было похоже, что Дорохов воспользовался виноторговцем для продажи краденого. Ясно, что Оборотень отлично знает, что его разыскивают, и действует расчетливо и осторожно, обходя все официальные инстанции.

* * *

Миронов и Луганов внимательно слушали генерала. Генерал ходил по кабинету, говорил негромко:

— У бывшего военнопленного Нахабина в Ленинграде сохранились родственники. Как ни странно, они пережили блокаду, хотя уже в то время обе его тетки были весьма не молоды, а, как известно, в те дни первыми умирали пожилые люди. Недавно с ними беседовали; их племянник пропал без вести в зимних боях сорок второго года. С тех пор они считают его погибшим. По фотографии, где он изображен в дни пребывания в лагере, они узнали его. Но главное, очень похожим на Нахабина им показался гражданин Козлов Сергей Филиппович, проживающий по адресу: Москва, Суцеский вал, дом одиннадцать. Козлов — музыкант; правда, сейчас работает не по специальности: администратором в Доме культуры одного из московских заводов. Женат. Имеет двоих детей, ничем дурным себя не проявил. Администратор деятельный, руководство клуба им довольно. Отыскать его нам удалось с помощью милиции, она нашла некоторое несоответствие в его послевоенных справках. Как видите, товарищами из

Министерства внутренних дел проделана огромная работа. Теперь вам нужно заставить Козлова-Нахабина рассказать всю правду. Сейчас он под наблюдением, но ни о чем не догадывается. Я не буду навязывать вам решений, действуйте по обстановке, но советую поторопиться. От сведений Нахабина сейчас многое зависит. След Оборотня утерян. Надо выяснить, не поможет ли Нахабин в наших поисках. Все ясно?

— Ясно, — ответили оба майора.

— Приступайте.

— Есть, товарищ генерал.

Они обсудили возможные варианты действий. Миронов предложил встретиться с Козловым неожиданно. Луганов склонялся к тому, чтобы для беседы вызвать Козлова в КГБ.

Миронов отстоял свое мнение. Он считал, что самое главное — не спугнуть Козлова-Нахабина.

В два часа они отправились в клуб, где находился Нахабин.

В клубе было малоллюдно. Сверху слышалась музыка, там занимался хореографический кружок. У телефона за маленьким столиком сидела вахтерша.

— Козлов у себя? — спросил Миронов.

— Кажись, у себя. Видела, проходил, а не ушел ли, не знаю.

— Где его кабинет?

— На втором этаже, аккуратно по правой руке третья дверь.

Они поднялись наверх, постучали в дверь кабинета.

— Входите, — раздался голос.

Они вошли. За столом, откинувшись в кресле, сидел небольшой человек с пышной темной шевелюрой. Он разговаривал с посетительницей.

— Вы ко мне, товарищи?

— Вы Сергей Филиппович Козлов?

— Я. А по какому делу?

— Нам бы поговорить наедине.

— Ага, — пристально разглядывая вошедших, сказал Козлов. — Сейчас мы с Ангелиной Тимофеевной закончим... Так вот, — заторопился он, искоса посматривая на посетителей, — зал мы вам сдадим и оркестр будет, ну а порядок обеспечить — это ваше дело.

— Спасибо вам, Сергей Филиппович, — встала женщина, — вы с меня такой груз сняли, такой груз...

— Прощу вас, товарищи, — сказал Козлов, едва она вышла, — чем могу служить?

— У нас к вам такого рода дело, — начал Луганов, — хотелось бы

удостовериться в некоторых деталях...

— Да вы откуда будете? — спросил Козлов.

Мионов секунду жестко смотрел в лицо администратора, потом вынул свое удостоверение:

— Мы к вам, гражданин Нахабин, по очень важному делу.

У человека за столом резко взлетели вверх брови, потом он прикрыл ладонью глаза и так сидел с минуту, если не больше.

— Ладно, — он отвел руку от лица. — Виноват — сам и отвечу. Спрашивайте, товарищи.

...Нахабин ничего не утаил. Говорил откровенно и подробно.

— Я был взят на фронт в декабре сорок первого. До этого держали в запасе. Немцы уже подошли к трамвайным путям Ленинграда, когда я надел серую шинель. Я трижды просил направить меня добровольцем на фронт. Конечно, вы можете не поверить мне, но остались бумаги. И вот подошло мое время. С декабря я участвовал в боях. Потери у нас были большие, и полк наш все время менял свое обозначение, я оказывался то в одной, то в другой части — шли постоянные переформировки. В январе сорок второго года на нашем фронте начались большие бои. Мы пытались перейти в контрнаступление, как наши части под Москвой. Но не удалось. Двадцать второго января мы пошли в атаку. Немцы, видно, ждали этого удара. Нашу пехоту встретили у проволоки сильным огнем. Я полз рядом со старшиной. Когда он упал раненый, то позвал меня и отдал свои кусачки. «Режь проволоку», — говорит.

Я хотел было оттащить старшину, а он кричит: «Режь проволоку, тебе говорят!» Я пополз, начал резать проволоку. Вокруг все гремит, человеческого голоса не слышно. Проволока плохо режется, а когда разрежешь, визжит и лопается. Я занялся этим делом, и даже на душе легко стало. В бою вообще важно заниматься делом. Но меня это и подвело. Режу проволоку и вдруг чувствую — что-то неладное. Поднял голову: наших нет, немцы прекратили огонь. Атака отбита. Я пополз к воронке, где был старшина, а он убит. Я высунул голову: куда мне теперь? А рядом немцы. Я вскинул винтовку, но они спрыгнули в воронку, выбили винтовку, смяли меня и потом прикладами погнали к своим окопам. Наши стреляют. Да немцам пройти всего ничего, они у своих окопов. Так взяли меня в плен. Допросили. Я, конечно, врал, путал. Правду им не говорил, но и молчать, как герои молчали, сил не хватило. Били они здорово... Вот после этого и попал я под Белосток в лагерь для военнопленных. Издевались над нами страшно, кормить почти не кормили. Одна брюква гнилая и вода. Хлеб наполовину из опилок. Сговорился я с товарищами, и бежали мы. Бродили

по лесам, но скоро попали в руки полицаев. Опять били. Снова были посланы в лагерь. Теперь уже в Польшу. Опять бежал. На этот раз попал к полякам. Приветливые, хорошие люди. Хотели меня переправить к партизанам, но кто-то выдал. Деревня — в ней нового человека от чужих глаз не скроешь. Утром сижу в амбаре, думаю о том, что дальше будет. Слышу, во дворе голоса. Прислушался: немцы. Кинулся в угол, зарылся под рухлядь. Но нашли. Избили... Вывезли в Штутгоф, но там я сидел не больше недели. Взяли меня и одного из наших пленных и куда-то повезли. Шла осень сорок третьего. На фронтах немцам уже не сладко приходилось, но в тылу они еще сильны были. Везут нас. Присоединили к какой-то команде. Разговаривать не дают, следят, чуть что — бьют. Стали мы друг к другу приглядываться. Выяснилось, что команда наша вся из бежавших, а некоторые уже не один раз бежали. Сначала решили, что везут кончать. Но какой смысл им время тянуть, могли бы расстрелять и раньше. Вскоре оказались на Львовщине, в так называемом спецлагере.

Я человек опытный, в немецком плену многое повидал, но такого издевательства, как в этом лагере, не встречал... Надзиратели были украинские националисты. Они пощады не знали. Но самое главное началось через несколько месяцев. Прибыл в лагерь некий полковник Русской освободительной армии — это так власовцы себя именовали — Соколов.

Внешне спокойный, даже любезный, разбирался в музыке, искусстве, со мной, например, сразу начал беседовать о музыке. Знал, чем взять. Но, конечно, никого обмануть он не мог. Всем было известно, что он занят вербовкой в гитлеровскую разведку. Поэтому разговоры эти были цветочки, ягодки появились позже. Как-то раз повел меня Соколов в подвал, где пленных пытали. Насмотрелся я там... И тогда, не скрою, дрогнул... Еще недели две работал надо мной Соколов, но я был уже не человек. На все был согласен. Перевели меня в обычный лагерь для военнопленных. Приставили ко мне одну личность, чтобы следил. Получил я задание от Соколова, как мне вести себя, когда придут советские войска, что говорить при проверке — Соколов знал, что пленных проверяют, — и как вести себя дальше. Видно, Соколов уже не о войне думал, а о делах послевоенных. Пришли наши, допрошен был я, направлен в части. Воевал честно, окончил войну. Все кошмары остались позади. Главное, я избавился от Соколова.

Это произошло еще в лагере. Дружил я там с одним парнем. Был он москвич, как и я, неженатый, имел в Марьиной роще домик. Мать там у него жила, но тогда он уже не знал, жива ли она. Умер этот парень от туберкулеза. Фамилия его была Козлов.

Во время проверки я назвался Козловым. Козлов попал в лагерь недавно, проверить было трудно, пленные в этом лагере плохо знали друг друга. Так я стал Козловым. Вы можете думать что угодно, но я сменил фамилию только для того, чтобы избавиться от Соколова и всего, что с ним связано. После демобилизации приехал в Москву. Ведь Козлов-то москвичом был. Пришел к тому домишке в Марьиной роще, где жил Козлов. Мать его умерла. А я продолжал носить фамилию Козлова. Так и жил. Сначала воспоминания о спецлагере, Соколове мучили, терзали... Но время шло, никто меня не тревожил. Я и сам стал забывать о прошлом — как-никак почти двадцать лет... — Нахабин опустил голову.

— Скажите, — Миронов пристально всмотрелся в полное лицо Нахабина, — вы помните тех людей, которых вербовал Соколов?

Нахабин задумался.

— Кое-кого помню, — сказал он. — Фамилию-то нет, конечно, а вот лица некоторых помню. Встретил бы — узнал.

— Никого никогда не встречали?

— Нет, — ответил Нахабин. — Никого.

— А в последнее время вас никто не навещал по этим спецлагерным делам?

— Нет, — покачал головой Нахабин, — никто не навещал. Да и как меня найдешь?

— Скажите, а в том лагере, где содержались вы перед приходом нашей армии, никого, кроме вас, не было из спецлагеря?

Нахабин оживился:

— Был! Был один. Я его сразу узнал. Он и в спецлагере был, и потом в лагере оказался. Я вначале думал: не следить ли он за мной приставлен? Но потом понял: нет. Сторонится меня, спешит уйти, если где встретит. Я и счел, что он по тому же делу.

— Фамилия? — спросил Миронов.

Нахабин долго смотрел перед собой, тер рукой лоб.

— Нет, — наконец сказал он, — не вспомню. Да, вероятнее всего, я и не знал его фамилии.

— А какие-либо подробности о нем? Где служил до плена? Где попал в плен?

— Кажется... — медленно припоминал Нахабин, — кажется, кавалерист, казак... Не могу вспомнить, был ли он офицером или сержантом, такой белесый, лихой, белые глаза... Его так и звали: «Белоглазый».

— Постарайтесь вспомнить фамилию и имя этого человека, кроме

того, его внешность.

— Я сделаю все, а что со мной будет?

— Все проверим, разберемся, передадим дело судебным органам. Вы работайте. Пока никто не собирается предъявлять вам какие-либо обвинения. Советую обо всем написать и оставить это признание у нас.

— Позвольте сделать это сейчас, — попросил Нахабин.

— Пожалуйста, сделайте.

Луганов явился в кабинет следователя в тот момент, когда несуразно длинный, исхудалый Ярцев начал давать показания.

— При немцах? — отвечал он на вопрос следователя, когда вошел Луганов. — При немцах я работал. Так мало ли нас таких было!

— Давайте-ка, Ярцев, с самого начала, — попросил следователь.

— Вот говорят: служил, мол, немцам, — начал свой рассказ Ярцев. — А как все было? Я до войны срок имел. Отбыл его день в день. Вышел. Уехал из Львова. Тут война, мобилизовали меня, а немцы как трахнут! Я и смотался. У меня во Львове подружка была, я — к ней. Сижую жду. Пришли немцы. Требуют, чтоб военнослужащие прошли регистрацию. Я зарегистрировался, а они про меня все вызнали. Документы-то у них в руках. Вот я и стал служить немцам как пострадавший при Советах. Работал шофером в комендатуре.

— Расскажите о своей работе с полковником Соколовым, — бесстрастно сказал следователь.

Луганов следил, как меняется выражение лица Ярцева. Сначала на нем отразился ужас, потом раздумье.

— Лады, — согласился он наконец. — Раз вы его за уши прихватили, я не против. Познакомился с Соколовым в Львовском спецлагере в сорок четвертом. Приехал он, когда немцам уже хана приходила. Но мужик он был с головой. Я это знал. Вербовал он русских пленных в разведку. Я при нем шофером был.

— Только ли шофером?

Ярцев подавил вздох и сознался:

— Подручным стал. Но если кто и наплел вам о моих пытках, то это враки. У него для этого другой был. Куценко. Из ОУНа. Тот умелец... А я что! Помогал — и все.

— Пытать помогал?

Ярцев поморгал ресницами.

— Заставляли, — ответил он нехотя.

— Кто заставлял?

— Соколов. И другие.

— Расскажите о своих обязанностях.

— Да какие обязанности! Вызовет Соколов, скажет: ну-ка вот поработайте над этим. Куценко пытается, а я так... Навроде помощника. Струмент ему подношу...

— Какие инструменты?

— Ну, там бич, иголки... Всякое бывало.

— Вы лично принимали участие в пытках?

— Я?... Да чего я! Просто присутствовал... И без меня искусников хватало.

— Почему вы не ушли с немцами?

— А чего мне было уходить? Я ничего такого не делал. Против своих не воевал.

— Каким образом вы встретились с Соколовым после войны?

— А в Крайске. Я уж и думать о нем забыл. Раз сижу на набережной, у речного вокзала, гляжу — подходит. Я поначалу чуть сознания не лишился. Он ведь мне в лагере каждую ночь снился. Я ж его, как сатану, без того, чтоб не перекреститься, видеть не мог. А тут он...

— Что же вы не сообщили о его появлении?

— Да он насквозь человека видит!.. Побоялся.

— Как строилась ваша работа с Соколовым?

— Как строилась?... Вызовет, даст валюту, скажет: поезжай, мол, на автобусе туда-то, посмотри и зарисуй, что там строят. Ну и еду...

— Кроме этих поручений другие были?

— Да только такие, он меня очень-то не использовал.

— А убийство мальчика?

Ярцев взглянул на следователя и тут же опустил голову.

— У нас так было поставлено, что я любое его приказание должен был выполнять. На таком крючке я у него сидел.

— Что это за крючок?

— Денег ему должен был много и на немцев служил. Он мог сообщить.

— А разве Соколов не служил у немцев?

— Так он всегда вывернется. У него на всё бумага есть.

— Как же он вывернется? — спросил следователь; его поражало это почти суеверное отношение Ярцева к его бывшему хозяину. — Свидетели есть, документы.

— Вывернется, — уверенно повторил Ярцев, — он из таких вылезал дел, что и тут вывернется.

— Расскажите об убийстве мальчика.

— Ну... — Ярцев мотнул головой, как от удара, но рассказал. — У меня как бы тоже был рабочий день. Я должен был на той квартире, что он снимал, сидеть у телефона. Я и сидел. Звонит он мне. Говорит: немедленно приезжай ко мне. Я поехал. Заглядываю в кабинет, там мальчишка с ним о чем-то объясняется. Я погодил. Вышел пацан, я — туда. Михаил Александрович говорит: «Видал этого?» Я спрашиваю: «Пацана?» Он говорит: «Ликвидируй, и чтоб следов не осталось». Я было говорю: мальчишка, мол... А он: «Два раза повторять?» Я и пошел.

— И когда убивали, никаких человеческих чувств не испытали?

— Так что ж... — криво улыбнулся Ярцев, — тут своя судьба глаза застит. Не убей я его, мне полковник бы такое придумал...

— Продолжим, — сказал следователь, с трудом подавляя чувство неприязни к этому человеку. — Расскажите, как был убит Рогачев.

— Это все полковник, — заспешил Ярцев. — Я тут только так... Сбоку припека.

— Поподробнее.

— Приехал раз на эту квартиру Михаил Александрович. «Готовься, говорит, Ефим, ночью поедem, кончать будем». Я, конечно, сразу у него не спросил — боязно. А потом, как он немного поспокойнее стал, спрашиваю: «Чего, значит, кончать будем?» Он говорит: «Одного типа встретил. Боюсь, тебя помнит». Я сразу и затосковал. «Кто же такой-то?» — спрашиваю. А он говорит: «Помнишь, бухгалтер был такой? Заядлый мужик. В партизанах еще все действовал, потом к нам попал, и сколько мы над ним ни бились, а завербовать не вышло. Теперь обнаружился на нашу голову».

Поехали мы. Вечер. Подъезжаем к совхозу, проверили, что и как. У бухгалтера окошко горит. Я вошел в коридор, дверь вроде не заперта. Бухгалтер с мальчишками о чем-то говорит. Потом ушли они, огольцы эти, а он сидит, окно открытое. Полковник говорит: «Иди, Ефим, еще раз дверь проверь». Я пошел. Открытая дверь — еще не запирали ее, — а часам уже к двенадцати время. В поселке спят. Полковник мне говорит: «Заговори с ним через окно, попроси напиток, а я войду».

Он — в дверь, а я подхожу к окну, говорю: товарищ, не дадите, мол, водицы испить? Старик-то сразу на меня и уставился. Подходит к окну и смотрит. Я тоже гляжу: не помню я его по лагерю. И так на душе, значит, как-то совестно стало: за что его, мол, старикашку, жизни лишать... А сзади уже полковник. Я говорю: «Так дай напиток-то, товарищ». А он на меня молча так смотрит: вроде узнал и все понял. Вдруг повернуться решил, а полковник схватил его, рот заткнул. Я в окно влез. Мы его на

кровать положили, в рот кляп забит. Соколов свет выключил и подает мне ремень... Я не стал. Старика он сам придушил. И потом письмо выложил. Письмо он раньше изготовил. Подвесили мы его потом уже, так, для театру.

— Значит, душил Дорохов-Соколов?

— Он.

— А вы только присутствовали?

— Стоял.

— Проверим.

— Ну, помогал, помогал слегка... было дело.

— Почему вы сбежали от агента, которого вели на встречу с Соколовым?

— Так ведь как... Сначала я его два раза проверял. Нет ли хвоста. Доложил Михал Александровичу, что нет. Тогда он говорит: веди, мол. Повел я. Иду, глядь, а в окне, где у нас сигнал был, — тревога!

— Какой был сигнал?

— Когда одна штора отведена, а другая задвинута — порядок. А когда обе шторы к середине сбиты — тревога. Значит, на квартиру — ни ногой.

— Как же вы могли бросить агента?

— Да я растерявшись был. Думал, как свою голову унести. У нас такая договоренность была: если тревога, я сразу на вокзал. Конечно, сначала проверю, есть ли хвост. И еду в Москву, там у меня тетка, она к нашим делам непричастная. Живу у тетки, пока на Главпочтамт придет открытка, что Галя хочет встретиться со мной. На следующий день я должен прийти к кинотеатру «Ударник» в восемь вечера, он будет ждать. Он или кто еще. Пароль: «У вас билеты на девять есть?» — «Какие места вас интересуют? Нечетные? Тогда есть».

— Адрес тетки?

Ярцев сказал адрес.

— У меня к вам такой вопрос, — сказал следователь, — знаете ли вы кого-нибудь, кто остался в живых после ликвидации спецлагеря?

Ярцев подумал.

— Давно это было, — ответил он, — в голове-то всего не удержишь.

— Многие ли остались в живых?

— Оставили там которых... Вот кто поддался полковнику, тех человек пять оставили.

— Постарайтесь припомнить фамилии.

— Один был такой. Пивень, что ли... Нет, Пивнев, донской казак.

— Вы хорошо помните фамилию?

— Помню. Этого хорошо помню.

В тот же день Луганов и Миронов ознакомились с протоколами допроса.

На следующий день выяснилось, что Пивнева помнят и Нахабин и Спиридонов. Нахабин вместе с Пивневым был переведен из спецлагеря в обычный лагерь военнопленных. Нахабин считал, что фамилию Пивнев взял другую.

Начались поиски. Был составлен словесный портрет Пивнева.

Через двое суток в середине дня Миронова и Луганова вызвали в управление, к генералу Васильеву.

— Товарищи, — сказал он, — придется вам вылетать в Якутск. Этот Пивнев когда-то служил со Спиридоновым в конном корпусе. В спецлагере они снова встретились. Пивнев был завербован Соколовым раньше, чем Спиридонов. Выполнял какие-то задания. Перед уничтожением лагеря исчез. Мы навели справки, подняли все дела. Спиридонов обнаружил Пивнева на фотографии под фамилией Зыбина. Теперь этот так называемый Зыбин работает в Якутске прорабом на стройке. Необходимо проверить его связи, установить, насколько он связан с Оборотнем. Прошу операцию начинать, не откладывая. По мнению Спиридонова, Пивнев-Зыбин человек опасный и не задумываясь прибегнет к оружию. Будьте готовы ко всему, товарищи. Все свежие сведения об Оборотне мы будем вам пересылать через Якутское управление. Удачи, товарищи.

* * *

В Якутске Миронов и Луганов были ранним утром. Город встретил их жгучим тридцатиградусным морозом, а в Москве перед вылетом не переставая моросил мелкий, назойливый дождь. Машина повезла их по заметным снегам улицам в управление. Там они узнали следующие сведения. Зыбин сейчас на стройке новых домов на окраине города. На работе Зыбина ценят невысоко: пьет, нетребователен к подчиненным. Живет Зыбин в собственном деревянном доме. Дом купил сразу же, как приехал в город, в пятьдесят втором году. Живет он с женой и ее матерью. Жена его не работает. Детей у них нет. Когда-то жена Зыбина работала в магазине. Потом была арестована за хищения. Отсидела пять лет. Человек она, по отзывам соседей, вздорный и тяжелый. Как они живут с Зыбиным, никто не знает, потому что с соседями они не общаются. Зыбин охотник, почти все выходные дни проводит в тайге. Сейчас сотрудники управления выявляют его связи.

Ознакомясь со всеми материалами. Миронов и Луганов пришли к выводу, что Зыбина надо взять с работы и привезти для разговора в управление.

Через полчаса выехали на стройку. Машина, буксуя в свежем снегу, с трудом выбралась к окраинным улицам. Вот уже началась новостройка. Миронов и один из сотрудников, молодой парнишка, вышли из машины. Луганов с шофером остался ждать их. Миронов оглядел каркас строящегося дома, несколько вагончиков, стоящих невдалеке от него у забора с наполовину выломанными досками.

— Вы пройдите к вагончикам, поищите его там, — сказал он сотруднику, — а я пройду на стройку.

— Есть, товарищ майор!

Сотрудник, проваливаясь в снег, бодро побежал к вагончикам, а Миронов обошел стройку и вошел в подъезд, где сидели, перекуривая, несколько рабочих в ватниках, валенках и треухах.

— Здравствуйте, товарищи. Перекуриваете?

— Время терпит, — отозвался один, — прораба нет, можно и курнуть.

— А куда прораб делся?

— В прорабской сидит, — повернул к нему голову один из сидящих, рослый человек с багровым, словно обожженным лицом. — Наше дело такое: поработал — перекурил. Чо, завидно?

— О некоторых говорят, будто они больше перекуривают, чем работают.

— Языки — они без костей. Ты сам-то иди поработай на морозце, небось сразу убежишь.

Миронов почувствовал, что от говорившего идет крепкий спиртной дух. «Распустил людей, — подумал он. — Начало рабочего дня, а они уже выпили. Какая же здесь работа?»

Он вышел на улицу и посмотрел в сторону вагончиков. Сотрудника не было. «Молодой, неопытный, — подумал Миронов, — как бы не испортил дело». Он зашагал к вагончикам. Скоро его догнал Луганов.

— Ноябрь месяц, а морозец к сорока, — сказал он.

Они подошли к вагончикам, открыли дверь в первый из них: там никого не было. Заглянули во второй и тут же, откинув дверь, ринулись внутрь. Сотрудник, без шапки, сидел на полу и смотрел на свою руку. Она была в крови, из-под волос на виске тоже сочилась кровь.

— Что случилось? — спросил Миронов.

— Ошибка вышла, товарищ майор, — с трудом заговорил сотрудник. — Я вошел, говорю: «Зыбин здесь?» А он сразу: «Ты кто?» Я

вытащил удостоверение, он взглянул и сразу ударил чем-то железным, выскочил — и все.

— Вася, перевяжи! — приказал Миронов и выпрыгнул на улицу.

Он махнул рукой шоферу, чтоб подавал машину, прикинул, куда мог сбежать Зыбин, и пошел, обходя вагончики. В одном разговаривали женщины. В открытую дверь они могли видеть любого, кто прошел бы к пролому в заборе.

— Девушки, — обратился он к ним, — сидите здесь, разговариваете, а тут кто угодно ходит, может из прорабской документы унести.

— Кому нужны они, добро такое... — ответила одна из женщин.

— Да и никто не ходит, — сказала другая. — Мы уже с полчаса здесь, один прораб только и прошел.

— Зыбин? — спросил Миронов. — Чего это не на стройку, а от нее?

— С ним это бывает, — ответила женщина.

— Он давно прошел? — как бы мимоходом спросил Миронов. — Он мне нужен насчет краски.

— Да совсем недавно. Вы его поищите, может, тут он.

Миронов взглянул в пролом: улица была пустынна. Он подошел к машине. Шофер и Луганов сажали в нее сотрудника.

— Василий Николаевич, — сказал он Луганову, — ты оставайся здесь и установи, что случилось. Прошел Зыбин через этот пролом. Куда делся, кто видел — все надо знать. Я — в управление. По дороге завезу товарища в больницу. Потом возьму у прокурора санкции на обыск. Обыщу дом Пивнева. Если застанем дома, отлично, но едва ли он домой пойдет... Держи связь с нами. В прорабской телефон.

Миронов сел в машину, надел на забинтованную голову сотрудника его заячью шапку и приказал ехать в больницу. Машина тронулась.

Луганов вышел в пролом. Перед ним раскрылась широкая панорама окраины. Впереди видны были черные точки людей, перемещающиеся в сторону городских улиц, обозначенных линиями домов. Луганов прибавил шагу. Сейчас ему надо обдумать, куда и как мог направиться преступник. Он огляделся. Мимо стройки шла наезженная дорога, дальше виднелись бурые очертания тайги. По обе стороны дороги мерцал под утренним туманным солнцем непроходимый снег... Вряд ли Зыбин успел сесть в попутную машину и выехал из города. Пока Луганов ждал Миронова в машине, он не слышал проходящих грузовиков. Скорее всего, Зыбин кинулся в город... Чем объяснить, что он напал на сотрудника? Видно, не выдержали нервы: ждал все это время, когда за ним придут. Луганов ускорил шаг, догнал одного из прохожих — маленького мужчину в ватнике.

Заглянул ему в лицо. Нет, не Зыбин. У того лицо на фотографии дерзкое, скуластое, с курносом носом и глазами навывкате. Правда, фотография была снята почти двадцать лет назад...

Мионов, сдав раненого на руки врачей, немедленно начал действовать. Он попросил местных товарищей усилить наблюдение за аэропортом и автовокзалом, связаться с ГАИ, чтобы те взяли под контроль тракт, и вместе с оперативным работником поехал к дому Зыбина. Дом этот стоял на пустынной улице, в ряду таких же рубленых из лиственницы кряжистых срубов, укрывшихся в глубине двора, за забором.

Оставив шофера у ворот, Мионов с сотрудником прошел в калитку и постучал в дверь. Долго не открывали, потом дверь распахнула высокая худая старуха в платке, осмотрела гостей и, молча посторонившись, пустила их в дом. Пройдя сени, они вошли в горницу. Из кухни, вытирая руки тряпкой, вышла хозяйка, сорокалетняя черноволосая женщина с узким лицом. Она молча показала рукой на стулья. Мионов и сотрудник сели.

— Муж когда ушел на работу? — спросил Мионов хозяйку.

— Ушел, как рассвело, — сказала она, угрюмо разглядывая вошедших, — он всегда так уходит.

— А потом приходил? — спросил сотрудник.

— Нету, а может, и приходил. Нас никого дома не было.

— Во время рабочего дня он домой заходит? — спрашивал Мионов, продолжая внимательно оглядывать обстановку дома.

— Да чего вам надобно-то? — спросила жена Зыбина. — Вы б сказали...

— Дело у нас не к вам, а к гражданину Зыбину, — пояснил Мионов, — да вот мы его застать нигде не можем. На работе нет, дома нет.

— Опять чо натворил? — спросила старуха, взглядывая на дочь.

Та не поднимала глаз.

— Натворил не натворил, потом разберемся, а вот интересуется нас: приходил ли он сегодня с работы или нет?

— Не было нас, — сурово повторила дочь.

Старуха поглядела на нее и отвернулась.

— Повторяю вопрос, — сказал Мионов, — отвечать вам необходимо.

— А на чо вам знать? — упорствовала Зыбина.

— Вот странная женщина. Да поймите же, не из личного интереса вас спрашиваем!

Ни хозяйка, ни старуха не обратили на эти слова внимания. Сколько ни бился с ними Мионов, узнать ничего не удалось. Прибыл Луганов и

несколько сотрудников. Они привезли разрешения на обыск. Сразу же приступили к работе. Луганов тем временем отправился к соседям, чтобы расспросить их о Зыбине.

В доме было много добра. В кладовой и в спальне были сложены тюки мануфактуры, связки шкурок, песцовых и собольих, серебряные ложки и вилки, старинные сервизы. Миронов удивленно покачивал головой. Для кого и для чего копилось все это? Когда он осматривал сундук с туркменскими коврами, один из сотрудников приоткрыл вешалку, задвинутую занавесом. Там среди прочей одежды висели шляпа и серое пальто.

— Мужа? — спросил у хозяйки сотрудник.

Та, коротко взглянув, кивнула. Миронов с удивлением отметил, что Зыбин, видно, модник, хотя это и не вязалось с образом кулачка-накопителя. Миронов задумался: что же это за личность — Зыбин... Вошел Луганов, долго отряхивался перед дверью, тер щеки, потом позвал:

— Андрей Иванович, поехали, надо поговорить.

Когда они сели в машину, Луганов, сдерживая волнение, сказал:

— Зыбин успел побывать дома до нашего приезда. Соседи сказали. Был на мотоцикле. Своего у него нет, это мотоцикл кого-то из приятелей.

— Значит, он успел собраться?

— Да. И теперь искать его будет трудно. Что говорят жена и ее мать?

— Отказываются говорить.

— Надо их убедить.

— Трудно. Я Евангелие нашел. Старуха, видно, старообрядка. А это трудный народ.

— Подключим местных товарищей и выясним всех друзей и знакомых Зыбина.

На следующий день было установлено, что Зыбин украл мотоцикл неподалеку от стройки. Мотоцикл принадлежал инженеру из НИИ, который проектировал дома этого квартала. Пострадавший заявил в милицию о пропаже только к вечеру, поэтому в КГБ об этом узнали лишь утром. Кроме того, были допрошены четверо приятелей и собутыльников Зыбина. По их словам, Зыбин был «парень свойский», любил выпить, но буйством не отличался. Никаких секретных разговоров с приятелями он не вел. Среди его знакомых приезжих не было. Домой Зыбин не приглашал, предпочитал пить у других, объяснял это разногласиями с тещей. Куда мог скрыться Зыбин, они не знали, но считали, что сделать это ему легко, так как у него много знакомых среди оленеводов и каюров.

Вечером в управление были вызваны старуха и ее дочь. Допрос вел

Миронов, Луганов внимательно наблюдал за ними.

— Почему вы скрыли, что вчера ваш муж приходил домой с работы?
Зыбина смотрела в пол, перебирала концы оренбургского платка.

— А вы не спрашивали.

— Спрашивал. Говорите, Пелагея Амвросиевна, правду. За дачу ложных показаний вы будете привлечены к ответственности.

Женщина вскинула на Миронова черные глаза.

— А вы не пужайте.

— Я не пугаю, я хочу, чтобы вы знали. Вы имеете дело с органами госбезопасности. Не отвечая нам или давая ложные показания, вы вредите государству.

Женщина ничего не сказала.

— Что взял муж, когда вернулся домой?

— Свитер взял, доху.

— Еще. Ружье взял?

— Взял. Рукавицы теплые. Белье. Снеди всякой дня на три.

— Он был на мотоцикле?

— На ём.

— Что он говорил?

— А чо ему говорить?

— Объяснял он вам, зачем уезжает, когда ждать?

— Ничо не объяснил. Он хозяин, что ж ему объясняться.

— А вы не знаете, куда он направился?

— Откуда ж мне знать-то?

Еще с час продолжался безрезультатный допрос. Потом вызвали старуху. Та вообще больше крестилась, чем говорила. Но на вопрос о том, куда мог деться зять, ответила с неожиданной охотой:

— На Угатай, в урочище подался. Не иначе.

— Почему вы знаете?

— Да у него якут там — дружок, пьют вместе.

— Да, зять у вас нехороший человек, Прасковья Андреевна.

— Нехристь. Замучил дочушку мою... Воровкой стала. Позор какой!

Все из-за него, бусурмана!

— Так вы, Прасковья Андреевна, помогли бы нам.

— Эт в чем же?

— А вот как появится он у вас, вы нам сообщите об этом.

— И сообщу, — сказала старуха решительно, — беспременно. Давно ей говорю: избавься ты от этого злодея. Да разве нас, матерей, ныне слушают...

— Спасибо, Прасковья Андреевна.

— Не на чем.

На Угатай, где расположен лесхоз, ходит вертолет местного ОРСа. Решено было лететь. В путь собрались Миронов, Луганов и два сотрудника, рекомендованные начальником управления.

На рассвете вылетели. Внизу лежала бурая тайга, испещренная белыми полянами. Изредка проплывали крохотные коробочки домов — северные небольшие поселки. До Угатай надо было лететь двести километров.

— Угатай — местечко небольшое, — рассказывал один из сотрудников, — там расположен лесхоз человек на сто рабочих. Народ разный. Порой встречаются и пьяницы. С кем именно дружит Зыбин, выяснить не удалось. Может, это рабочий лесхоза — там много коренных жителей. Может быть, это каюры... Там сейчас на ягеле олени из ближних колхозов пасутся. Проверим на месте. Вполне возможно, что мы прилетим раньше, чем он туда доберется. Ему сто километров по зимнику на мотоцикле. Поездка не из легких, может и замерзнуть. Да еще по лесной дороге почти столько же добираться...

Как только вертолет опустился на небольшую поляну, окруженную хилыми деревцами, все четверо поспешили к директору лесхоза.

В маленьком финском домике с вывеской «Контора» собралось человек шесть. Были здесь и директор, и секретарь парторганизации. Миронов выяснял у них число охотников в лесхозе, число якутов, спрашивал, кто из них имеет друзей в Якутске.

— А вы тут охотников из города не встречали? — допытывался Миронов у одного из бригадиров.

— Приезжают, — басил тот, — есть такие. Но сказать, чтоб особо умели охотиться, — это не скажу. Сам зампредисполкома приезжал. А стрелять не мастак...

— Это он к вашим якутам приезжал?

— Нет, он и директору. А к якутам, к ним вроде никто не приезжал.

— На днях мне один человек рассказывал, что он от вас с десятков белок привозит, а то и куницу. Говорил, с якутами охотится.

— Это кто ж такой? Белобрысый?

— Точно, — подтвердил Миронов, — Зыбин.

— Брехло! Он больше за рюмкой охотится. Это раньше он, правда, охотник был. Белку в зрак одной дробинкой бил. А ноне допился — руки дрожат.

— Он говорил, что якут один, дружок его, хорошие места для охоты знает.

— Это кто же? Колька Степанов? Этот, правда, силен. Хотишь, чтоб он тебя на охоту сводил? Затруднительно, Колька чужих не водит. Зыбин-то с ним с каких пор дружбу водит.

— А может, уговорю.

— Не, не уговоришь. Колька зверя бережет, не каждому его представляет.

— А как его найти?

— Да это за урманом, верст двадцать. Пройдешь деляну нашей бригады, там, однако, распадок будет, по распадку тропа есть. Вот по тропе к урману и придешь.

— А на машине к нему не добраться?

— Не, дороги там нет. Да и Колька тогда не приветит. Кто ж на охоту на машине ездит?

— Пешком так пешком, — сказал Миронов и, поблагодарив бригадира, подозвал Луганова.

— Василий, сговаривайся с директором, пусть подвезет нас на «козлике» до урмана.

Луганов кивнул и пошел договариваться с директором. Комната все больше наполнялась работниками лесхоза. Луганову с трудом удалось уговорить директора уделить ему время.

— Минут через двадцать поедем, — объявил Луганов. — Но машина туда не пройдет. Они нас подбросят километров на пятнадцать, а дальше придется на камозах. Кто-нибудь ходил? — обратился Луганов к сотрудникам.

— Приходилось, — сказал один из них. — Ничего. Особенного искусства не требуется.

Выехали через полчаса, в ногах у каждого лежали широкие короткие лыжи, обтянутые кожей. Машина с трудом ползла по узкой колее. Шофер что-то недовольно бормотал себе под нос. Вокруг видны были следы вырубки. На дороге валялись сучья и ветки... Но скоро выехали в нетронутую тайгу, где деревья стояли плотно. Ехали еще с полчаса. Потом, когда «газик» затормозил, шофер обернулся:

— Все. Дальше не возьмет.

Все вылезли. Глядя, как ловко прикрепляют к ногам камозы местные работники, Миронов и Луганов сделали то же самое. Шофер вылез из машины, показал направление в урочище, поглядел им вслед и уехал.

Один из сотрудников вышел вперед и быстро побежал, за ним по

одному побежали остальные. Очень скоро Миронов и Луганов почувствовали, как пот струйками стекает под одеждой, но и тот и другой старались не отставать. Исчезая среди кустов и стволов и снова появляясь, оба местных сотрудника, оглядываясь на товарищей, постепенно все дальше уходили от них. Миронов и Луганов бежали по их следам.

Было удивительно тихо, лишь от мороза потрескивали стволы деревьев да изредка с тяжелым гулом обрушивался снег с вершин. Скоро сотрудников уже не стало видно между стволов. Миронов остановился, чтобы отдышаться, и подождал запыхавшегося Луганова.

— Пусть парни первыми придут. Не все ли равно как брат. Вдвоем тоже справятся.

— Нет, надо догнать, — с трудом успокаивая дыхание, сказал Луганов, — кто знает, что там в урочище может случиться...

Они побежали. Теперь, постепенно войдя в ритм, они двигались значительно легче.

Неожиданно впереди раздался короткий резкий звук.

— Выстрел? — спросил Луганов.

Миронов вместо ответа помчался вперед, и Луганов поспешил за ним.

Они скатились с небольшого взгорья, перебежали довольно длинный распадок и, ориентируясь по следам камозов, стали подниматься вверх.

Впереди снова раздался тот же резкий звук, и тотчас сухо защелкали пистолетные выстрелы. Оба изо всех сил поднимались вверх. Стрельба стихла. Укрываясь за соснами, они стали всматриваться в сторону выстрелов. Наконец в кустах заметили черное пятно. Скоро различили еще одно темное и тоже неподвижное пятно. Секунды через две одно из темных пятен дрогнуло и стало подниматься...

Раздался выстрел. Луганов и Миронов одновременно увидели быстро перебежавшего между сосен человека в кожане. В руках он держал ружье.

Миронов поднял руку с пистолетом. До затаившегося за толстым кедром человека с ружьем было метров полтора. Достать его из пистолета было безнадежно.

— Обойдем! — шепнул Миронов Луганову, тот молча кивнул.

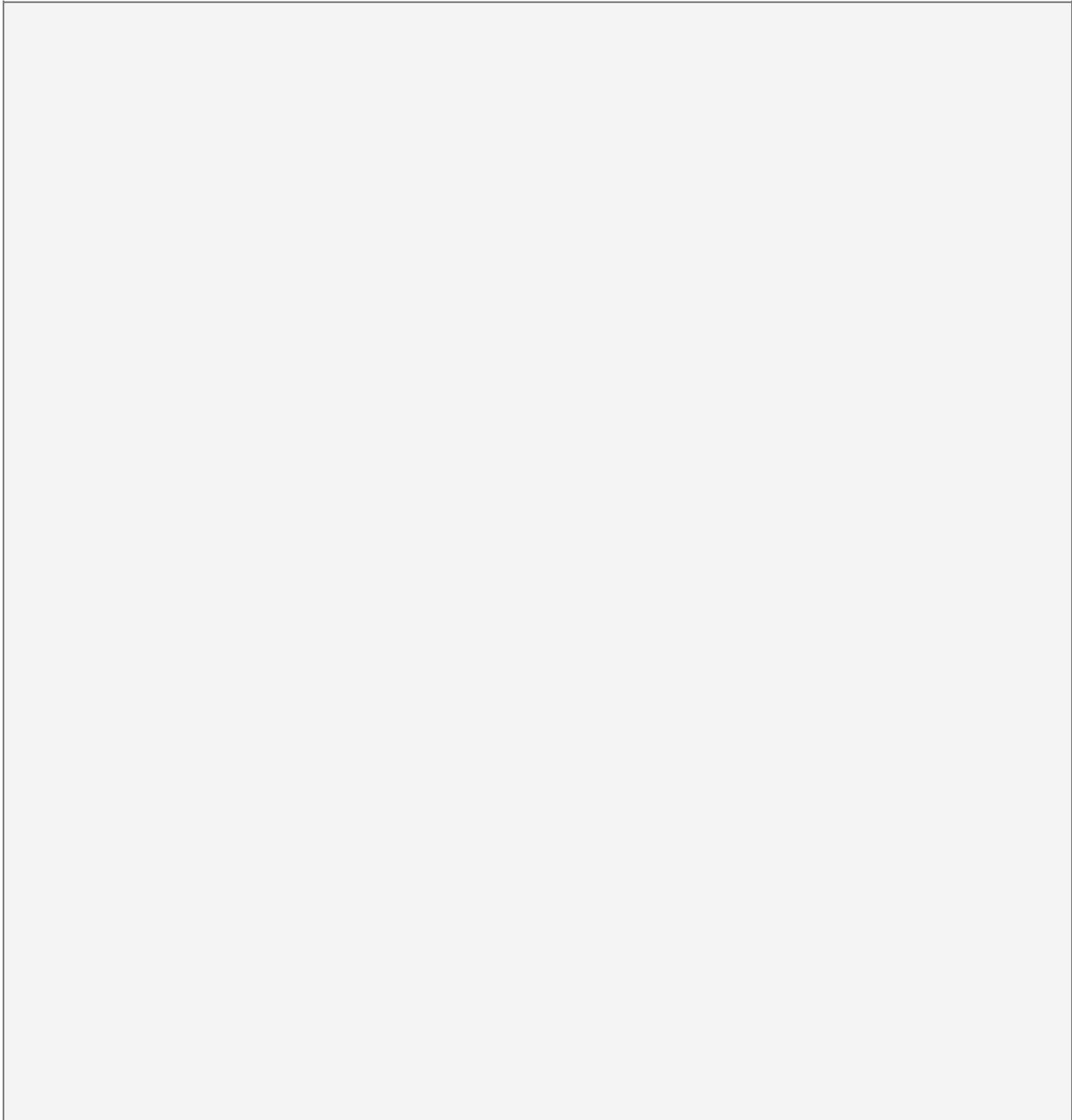
Стараясь не шуметь, они осторожно заскользили во фланг стрелявшему. Миронов старался идти так, чтобы стена елей, стоявших здесь очень плотно, прикрывала их от врага. Минут через пять они уже настолько удалились от места перестрелки, что Миронов испугался, как бы не потерять направление, он резко взял влево и скоро в просвете между деревьями увидел стрелка. Тот стоял, положив дуло ружья на сук, и старательно прицеливался. Позиция у него была выгодная.

Миронов обернулся к Луганову и показал ему рукой в одну сторону, а сам повернул в другую. До человека с ружьем было метров семьдесят.

— Брось ружье! — крикнул Миронов, приближаясь к нему.

Но тот не подчинился команде, он стал размахивать ружьем, не подпуская к себе. Луганов выстрелил. Человек на секунду остолбенел и в этот самый миг был сшиблен сильным ударом. Скуластый, со вздернутым носом, со сбившимися светлыми волосами, сидел он на снегу.

Подбежавшие сотрудники помогли скрутить ему руки.

— Ну, зверь, — сказал один из сотрудников Миронову, — чуть-чуть не подстрелил. — И он показал простреленный насквозь бок полушубка.

Теперь предстоял трудный путь обратно. Решено было возвратиться всем. Без проводника идти дальше они не могли, а один из местных сотрудников был ранен. Причем узнали об этом неожиданно. Сначала распределились так: Луганов и сотрудник с простреленным полушубком ведут Зыбина в лесхоз, а Миронов и второй сотрудник продолжают путь на стойбище. Но едва тронулись в путь, сотрудник вдруг побелел и сел в снег. Миронов подбежал, нагнулся над ним, и обнаружилось, что парень ранен в плечо. Сгоряча, в момент схватки, он этого и не заметил, а теперь почувствовал слабость и боль.

...Начинало смеркаться. Раненый и второй местный сотрудник, который поддерживал его, шли первыми, за ними — Зыбин со связанными руками. Миронов и Луганов замыкали колонну. Несмотря на связанные руки, Зыбин легко скользил на лыжах. Сотрудники впереди задерживали всех и снижали темп. Раненый слабел все больше, хотя его перебинтовали и нашли, что ранение не серьезное. Тайга вокруг глухо рокотала. Темнело. Только к ночи выбрались на просеку, где их ждала машина. Через полчаса с поляны поднялся вертолет, через два часа они были в Якутске...

С утра приступили к допросу. Зыбин, бледный, горбился на стуле перед следователем. Допрос вел Миронов. Луганов наблюдал за Зыбиным и только изредка задавал вопросы.

— Начнем по порядку, — сказал Миронов. — Расскажите нам, Зыбин, как вы дошли до такой жизни?

У Зыбина на скулах забегали желваки, но он сидел улыбаясь, потирая ладонью запястье.

— Насчет жизни моей могу сказать, что коли б не довели меня, так и она была бы другой.

— Кто же вас довел? — спросил Миронов.

— Вы же и довели, — ответил, с видным равнодушием оглядывая комнату, Зыбин. — Кто супротив немцев сражался? Я! Кто у них в лагерях страдал? Я! А кто за это потом семь лет в лагере трубил? Опять же я! Так что вы на политику меня не берите, я ее всю знаю.

— Значит, считаете себя страдальцем невинным. А вообще кто вы?

Зыбин настороженно спросил:

— Это как?

— Как зовут вас?

— Зыбин Федор Анисимович.

— Вы в этом уверены?

Зыбин моргнул, судорожно улыбнулся:

— Может, как по-другому. Тогда я запомню.

— Напомни, — ответил Миронов. — Вам не знакома такая фамилия — Пивнев? Валентин Петрович Пивнев?

Зыбин стиснул зубы.

— Ну, теперь поговорим, гражданин Пивнев.

Зыбин-Пивнев вскинул рыжеватые ресницы, взглянул коротким ненавидящим взглядом на Миронова и сказал быстро и четко:

— Говорить не буду.

— Жаль. Вам бы, гражданин Пивнев, как раз и стоило бы говорить. А то сочтут за простого бандита. Вы, кстати, почему стреляли по нашим товарищам?

— Я по ним как по браконьерам палил.

— С чего взяли, что они браконьеры?

— А зачем тогда в такую пору в урочище идти? Чего там делать?

— Это детская выдумка, — сказал Миронов, радуясь тому, что Зыбин, решивший не отвечать, все-таки говорит. — Вы вот что мне объясните: почему вы сразу начали стрелять, без предупреждения?

— А вот понял, что браконьеры, и начал.

— Да по чему это можно было понять?

— По тому, что в такую пору одни браконьеры в урочище ходят. А стрелять оленя не положено.

— У них и ружей не было.

— Ружей... — пробормотал Зыбин. — Знаем мы их... Обрезы небось...

— Все это плохо придуманная ложь, и вам, гражданин Пивнев, не стоит к ней прибегать. Расскажите, при каких обстоятельствах вы встретили в спецлагере власовского полковника Соколова?

Этот вопрос был для Зыбина неожиданным.

— Какого полковника... — забормотал он, — вранье...

— Бессмысленно скрывать... — Миронов жестко смотрел на Пивнева, пытаясь заставить его поднять взгляд. — Вы в чем осенью ходите? — неожиданно спросил Миронов.

Пивнев заморгал глазами.

— В пальто, а что?

— Какого цвета пальто?

— Черного.

— А на голове что носите?

— Кепку.

— Так, — Миронов посмотрел на Луганова, — продолжайте. Расскажите все о спецлагере и учтите: нам все известно, этот вопрос задается с целью проверить, насколько вы знаете и помните подробности. Вы сразу согласились работать на Соколова?

— Зачем сразу. Я не хотел.

— Пивнев, говорите правду.

Пивнев опустил голову; он совершенно потерял выбранную им линию поведения.

— Какие вы успели выполнить для Соколова задания?

— Какие задания? Ничего я не выполнял... просто другую фамилию взял, когда наши пришли.

— Говорите правду, какие задания вы успели выполнить?

После минутного колебания Пивнев сказал:

— Да чего там... Велел он мне проверить одну семью. Вроде как я, беглый из спецлага... Ну, они меня приняли.

— Их потом расстреляли?...

Пивнев молчал.

— Когда вы встретились с Соколовым после войны?

Пивнев отвел глаза от взгляда Миронова.

— Чего?... После войны?...

— Он вас разыскал письменно? Или встретил лично?

— Не знаю ничего...

— Пивнев, сколько дней назад Дорохов-Быков был у вас?

И Зыбин вдруг заплакал.

— Граждане, товарищи, — причитал он, — душегуб этот меня подвел! Он! Он один...

Даже не верилось, что полсуток назад этот человек стрелял в чекистов. Однако Миронов уловил быстрый и внимательный взгляд Пивнева, прежде чем тот успел прикрыть лицо руками. Ясно, что Пивнев притворялся. Поэтому Миронов принял решение продолжать начатую тактику: показывать Пивневу, что им известно все.

— Прекратите комедию! Где сейчас находится Дорохов?

Пивнев долго вытирал слезы, потом пробурчал:

— Мне-то откуда знать.

— Знаете. Несколько дней назад он был у вас.

Луганов бросил удивленный взгляд на товарища.

— Говорите! Отмалчиваться нет смысла. — И Миронов стукнул

ладонью по столу.

От этого резкого звука Пивнев вздрогнул.

— Был. Не отрицаю, — быстро заговорил он сквозь зубы. — Только где он сейчас, не знаю.

Мионов не спускал с него взгляда.

— А теперь скажите, почему вы стреляли. Не хотели допустить нас к урочищу?

Пивнев уронил подбородок на грудь и молчал.

— Так Соколов в урочище? — резко спросил Мионов.

Пивнев молчал.

— Последний раз спрашиваю. — Мионов встал и подошел к Пивневу. — И учтите: добровольное признание смягчит вашу участь.

Пивнев поднял голову, посмотрел на него и еле слышно сказал:

— Там он...

Мионов, ни слова не говоря, вышел из комнаты. Луганов знал, что друг его сразу же начнет подготовку к операции.

— Пивнев, — спросил Луганов, — почему вы начали стрелять по нашим людям? Теперь это уже не имеет значения, просто мне интересно.

Пивнев помолчал, потом медленно заговорил:

— Соколов как пришел, предупредил. В Якутске, мол, у меня есть люди. Если выдашь — и тебя кончат и семью твою. А за что Пелагея моя страдать будет? Она и так хлебнула горяшка. Ну, я его спровадил в урочище к дружку. Якут, охотились вместе. Мужик стоящий. Я ему привез Соколова, говорю: поживет у тебя. Он и согласился. Ни о чем не спросил, простая душа. А когда вы меня прихватили на стройке, я струхнул. Решил бежать. Нашел мотоциклетку и погнал. Заскочил домой, забрал харч, вещички — и айда по тракту. Потом нагнал лесовоз. Попросил, чтоб подвезли...

— А мотоцикл?

— В снег зарыл. Обогнал лесовоз километров на пять и зарыл его, потом и вышел. Подвезли меня с лесхоза, там я на лыжи — и в урочище. Присел отдохнуть, глядь, идут на камозах двое, оба городские... Сразу смекнул, что и как. Решил пужануть; может, думаю, не ваши, тогда повернут назад. Выпалил предупредительный, а они из пистолетов в меня... Тут все стало ясно. И как я подумал, что сам же и навел их на урочище, так у меня и дух сперло. Соколов-то велел мне ни под каким видом там не показываться, он, мол, сам меня потом найдет. Да как тут я вспомнил, что у него в Якутске верные люди и что они до Пелагеи моей доберутся и до меня самого, так и решил обоих подвалить. Думал, спрячу

поначалу, а пока их доискиваться будут, мы с Соколовым махнем отсюда куда подальше...

Вошел Миронов с конвоиром. Пивнева увели.

Они опять летели над тайгой, опять внизу возвышались ярусы сосен и кедров. Довольно скоро показались маленькие коробочки лесхозных строений; здесь спустили лестницу и высадили сотрудника, чтобы он проверил, не появлялся ли за это время человек, похожий на Оборотня, и перекрыл ему выход. Миронов смотрел вниз. Теперь они летели над тем местом, где между сосен шла перестрелка и где взяли Пивнева. Минут через десять открылась поляна с огороженными оленьими загонами, с низким зимовьем, одиноко стоявшим посередине. Ни оленей, ни людей не было видно. Вертолетчик сбросил лестницу. Миронов и сотрудник стали спускаться, а Луганов, выставив дуло автомата из кабины, страховал их. Подбежала лайка, задрала голову и глядела, как спускаются люди. Они спрыгнули в утоптаный снег, побежали к зимовью. Дверь была закрыта, никаких замков не было. Они вошли в полутемную, затхлую тишину сруба. Обшарили нары, посмотрели за печью. Никого. Лежали два спальника, вещевые мешки.

Они выскочили из зимовья и бросились к вертолету. Тот висел, как большая стрекоза, и гудел моторами. Они влезли в кабину.

— Будем искать оленье стадо, — решил Луганов, выслушав их.

Они опять летели над тайгой. На этот раз делали большой круг, беря центром зимовье и загоны. Минут через двадцать увидели оленей на поляне и сидевшего на пне человека. Человек, не двигаясь, смотрел на вертолет. Миронов и сотрудник снова спустились вниз. Луганов с пилотом внимательно наблюдали за происходящим на земле.

— Здравствуйте, — сказал Миронов, подходя к человеку, сидящему на пне.

Тот кивнул в ответ и вынул изо рта трубку.

— Однако, и вам здравствуй.

— Вы Степанов?

— Я, однако.

— Дорохов от вас ушел?

— Какой Дорохов? Миша?

— Да. Михаил Александрович.

— Однако, с утречка вчера и ушел.

— Не говорил куда?

— На трахт, однако.

— А оттуда?

- Должно, однако, в Якутск.
- Он вам это говорил?
- Однако, говорил.
- Он как собирался добраться до Якутска? От лесхоза на машине?
- Пошел, однако, к лесхозу, а там как решит.
- Не обижал он вас?
- Зачем обижал, водкой поил...

Миронов помолчал, потом опять обратился к оленеводу.

- Вот этот человек, — он кивнул на сотрудника, — с вами поживет.

Не помешает?

- Не помешает, однако.

— Вы останетесь, — сказал Миронов. — Мы из лесхоза позвоним и пришлем людей. Осмотрите здесь все. Расспросите обо всем.

- Есть, — ответил сотрудник.

Миронов влез в вертолет.

- В Якутск! — приказал он.

Стальная стрекоза плавно взмыла. Миронов смотрел вниз. Вот она, тоненькая ниточка тракта, что режет тайгу на сотни и сотни километров. Где-то на нем сейчас Оборотень. На этот раз ему придется нелегко. В Якутске в аэропорту его ждут. На автовокзале ждут. Значит, не уйдет.

— Андрей, — тронул его за плечо Луганов, — надо захватить товарища из лесхоза.

— Верно, — вспомнил Миронов, — и надо еще порасспросить там шоферов, кто-то же его вез...

Они спустились на поляну у домиков лесхоза. Миронов и Луганов прошли в контору к директору. Поздоровавшись, Миронов спросил:

- Сколько у вас шоферов?
- Восемь человек. То есть восемь машин, шоферов одиннадцать.
- Сколько сейчас можно опросить?
- Нет двоих: на лесопилку повезли лес.
- Сегодня будут?
- Да.

Миронов приказал сотруднику остаться и опросить всех шоферов, показывая им фотографию Оборотня, и выяснить, не вез ли кто за прошедшие сутки этого или похожего на него человека. И в каком направлении он отправился. Собранные сведения сотрудник должен был немедленно сообщить в Якутск. Потом Миронов позвонил в Якутск и попросил направить еще двух сотрудников на помощь оставленному в урочище, а также поплотнее перекрыть все дороги в Якутске и подключить

к поискам милицию.

Когда они возвращались в Якутск, Луганов спросил:

— Как ты догадался, что он был у Пивнева?

Миронов улыбнулся; он вспомнил домостроевский порядок в доме Пивнева, тяжеловесные вещи, старинный покррой одежды старухи и мало чем отличимый наряд супруги Пивнева и среди всего этого серое, сшитое по последней моде пальто и шляпу.

— Помнишь, как был одет человек, который продал вещи Озеровой Ибрагиму?

— Серое пальто, шляпа...

— Они висели на вешалке у Пивнева. Я видел.

Вертолет начал снижаться. Через полчаса они уже сидели в управлении и обсуждали с местными работниками возможности полного перекрытия путей для Оборотня. Вся милиция и работники райотделов КГБ были мобилизованы на исполнение этого задания. К вечеру в управление прибыли сотрудники, оставленные в лесхозе, в урочище. Из их рассказа выяснилось следующее. Один из шоферов вчера утром посадил в машину проголосовавшего на дороге гражданина. Человек этот был в оленьей парке, унтах, меховой шапке. У него была черная бородка, в руках небольшой чемоданчик. Своим видом он напоминал геолога. Человек сошел, не доезжая до лесопилки, в какую сторону он повернул, неизвестно. Миронов высчитал, что от лесопилки до Якутского тракта около тридцати километров. А оттуда до Якутска километров сто с лишним. Значит, уже вчера Дорохов мог оказаться в городе. И уже вчера вылететь из Якутска. Миронов потребовал расписание дневных и вечерних рейсов. Их было не так уж много. На Тикси — туда Дорохов не мог двинуться, потому что на въезд в этот северный порт нужен был специальный пропуск. А на Иркутск и Москву Дорохов мог улететь. Все местные линии Миронов считал безопасными из-за сложностей, связанных с перемещением по краю.

В аэропорту были опрошены все дежурные, но ни один из них не припомнил пассажира, даже отдаленно похожего на Оборотня. По спискам пассажиров ни Дорохов, ни Быков не были зафиксированы в числе улетавших. Правда, это мало о чем говорило. При покупке билета Оборотень мог назвать и не свою фамилию.

Все сотрудники в аэропорту и на вокзалах были предупреждены о том, что Оборотень может быть загримирован. И они смотрели внимательно. Было и еще одно обстоятельство, затруднявшее отлет Оборотня из Якутска. Наступил сезон, когда билеты на самолет из Якутска купить было трудно, билеты были проданы заранее, в субботу на прошлой неделе. На

ближайшие дни билеты продавали только по броне.

Луганов молча слушал сообщения и предположения сотрудников.

— Василий Николаевич, у тебя что-то есть на уме, — сказал наконец Миронов.

— Есть, — согласился Луганов. — Все наши предположения мало стоят, когда дело касается Оборотня, он предугадывает наши решения. Мы ждали его на Транссибирской магистрали, и что же? Он оказался в стороне от нее, в Якутске. Теперь мы ждем его на авиалиниях, а он может быть на автодороге. Считаю необходимым особенно тщательно проверять всех останавливающихся в автопунктах и на заправочных станциях.

Замечание было принято к сведению, и на всех промежуточных станциях стали проверять пассажиров. У шоферов выясняли приметы пассажиров, которых они везли. Первые два дня никаких сведений об Оборотне не поступало. Наконец сообщили, что на двести четвертом километре стоит покинутый «МАЗ». После долгих поисков в снегу километрах в двух от трассы был обнаружен труп человека. Документов при нем не оказалось. По номеру машины выяснили, что водителем ее был Опанасенко Сергей Валерьянович, шофер-миллионер, перевезший по зимнику тысячи тонн грузов и сделавший три миллиона километров в условиях северного бездорожья. Оперативная группа немедленно вылетела в район убийства. МАЗ принадлежал одной из якутских автоколонн и вез в дальний поселок продукты и запасные части к тракторам. Груз был цел.

Вертолет приземлился прямо на трассе. По сторонам от утрамбованного наста трассы стояла чахлая березовая роща. Была тишина. Из кабины МАЗа вылезли двое милиционеров, оставленных здесь опергруппой милиции, расследовавшей убийство. Миронов подошел к ним.

— Сержант Алексеев, рядовой Иванов, — отрапортовал старший из них. — На трассе все спокойно.

— Судмедэксперт где? — спросил Миронов.

— У тела, — козырнул милиционер, — я вас провожу.

Они углубились в тайгу. Снег скрипел под ногами. Примерно через полчаса они увидели махавшего им человека в заячьей шапке и полушубке. Мороз был сильный, и человек держался рукавицей за щеки. Они подошли.

— Убит чем-то тяжелым, — начал объяснять судмедэксперт, выдыхая целые облака пара. — Убит, судя по выражению лица, внезапно.

Миронов начал осматривать место происшествия. Убит шофер был раньше, метров четыреста его волокли сюда, к этим кустам. За двое суток со дня происшествия — по выводам судмедэксперта, убийство произошло

не позже трех, двух с половиной суток назад — не было ни метели, ни снегопада. Дни стояли морозные и ясные. Миронов дошел до того места, где борозда, оставленная телом, которое волокли по снегу, обрывалась.

Он пошел дальше по следам и увидел, как, переплетаясь и сталкиваясь, идет от трассы двойная цепочка следов. Пьяные они, что ли, были? Он резко повернулся и пошел обратно к тому месту, где лежало тело. Самое главное — это куда вели следы от тела убитого. Цепочка следов уходила в глубь тайги.

— Товарищи, — приказал он, — в погоню!

Впереди, на камозах, побежали двое местных работников, за ними пошли еще четверо: Миронов, Луганов и двое сотрудников. Следы уходили все дальше в тайгу. Между преступником и преследователями лежало от полутора до двух дней хода — приблизительно сорок километров сурового таежного бездорожья. Когда сверху послышался гул, все подняли головы — над ними висел в воздухе вертолет. Им выбрасывали лестницу.

— Двое в кабину, — приказал Миронов, — остальные со мной! Вот вы, — он показал на двух местных сотрудников, — посмотрите сверху пространство километров на пятьдесят вперед. Увидите его, попытайтесь взять. Начнет отбиваться, пошлете вертолетчика за нами.

— Стрелять в него можно? — спросил один из сотрудников.

— Стрелять можно, попадать нельзя. Слишком важная птица.

Двое полезли в вертолет, остальные продолжали путь пешком.

Через два часа ходьбы все сильно устали. Снег стал рыхлее, и ноги все больше увязали в нем. Вокруг шумела, шуршала, гудела тайга. Сосны и кедры широко раскачивали своими вершинами. Следы были видны отчетливо, и местные сотрудники уверенно шли по ним. Миронов, поглядывая на следы, мучительно думал об одном: Оборотень отлично знает, что стоящий МАЗ выдаст преступление, а значит, будут обнаружены и следы. В чем же дело? Почему он упрямо идет в тайгу? Что это? Результат отчаяния? Или очередной план? Впереди и сзади тяжело дышали люди. Он оглянулся на Луганова, тот подмигнул ему, улыбнулся, хотя все лицо его было в пару от дыхания.

Неожиданно где-то поблизости загудел вертолет. Из-за деревьев его не было видно, но вскоре он появился и стал снижаться. Один из сотрудников ходко поднялся по лестнице, выслушал пилота и стал быстро спускаться.

— Товарищ майор, вертолетчик говорит, что в двадцати километрах пастбище эвенков, там сейчас двое наших работают. Никаких других следов не обнаружено. Начинает темнеть. Вертолетчик предлагает отправить нас на стойбище, а завтра с утра опять продолжать поиски.

Решено было лететь на стойбище. Скоро вся экспедиция разместилась в вертолете. Минут через двадцать машина нависла над несколькими юртами с загонами для оленей. С земли смотрели оленеводы, бегали собаки, махали руками двое сотрудников, прибывших сюда первыми.

Когда Миронов с товарищами спустились с вертолета, к ним подошел старик с хилой растительностью на подбородке, с узкими зоркими глазами на широкоскулом лице.

— Здравствуй, начальник.

— Здравствуйте. Майор Миронов.

— А я бригадир.

— Наши люди сказали вам, зачем мы прилетели?

— Сказали, как не сказали... Сначала есть будем, однако, потом разговор иметь.

Миронов посмотрел на сотрудников, те развели руками. Подошел вертолетчик:

— Мне надо в Якутск. Заправлюсь там и завтра чуть свет буду.

Миронов согласился. Вертолет погудел, покрутил пропеллером и улетел. Несколько мальчишек с собаками помчались за ним вслед.

Миронов знал местные обычаи и не начинал разговора до обеда — надо было завоевать доверие колхозников-олленеводов. Ему могло пригодиться их знание тайги. Скоро их пригласили в юрту, посадили на циновки и шкуры, женщины принесли вареное мясо. Начали есть. Во время еды разговаривать не полагалось. Ели руками. Молча и не спеша. Миронов с нетерпением ждал окончания этой процедуры. Ему хотелось скорее узнать все, что известно эвенкам об убийце. Как выяснилось, двум сотрудникам, прибывшим сюда первыми, эвенки ничего не рассказали. Дело в том, что сотрудники допустили ошибку. Они сказали, что скоро будет большой начальник. И тогда бригадир решил говорить только с ним. А раз молчал бригадир, молчали и остальные.

Наконец мясо было съедено, женщины подстелили под спины сидящих медвежьей и росомашьей шкуры. Все улеглись. Теперь бригадир, видя плохо скрытое нетерпение Миронова, знаком приказал дать ему трубку и заговорил.

— Чего знать, однако, хочешь, начальник?

— Приходил к вам человек?

— Русский?

— Да.

— Однако, приходил.

— Чего он хотел?

— Хотел, однако, до Нумангая добраться.
— Вы у него спрашивали, как он к вам попал?
— Сын, однако, спрашивал; сын у меня в школе десятый класс кончает, образованный. Он спрашивал, мы не спрашивали. В тайге разный народ ходит. Мы не спрашивали.
— А где сын?
— Олени брал, мал-мало ехал.
— Куда?
— Нумангай ехал, гостя возил.
— Этого самого, что к вам пришел?
— Того самого, однако, начальник.
— И сейчас он в Нумангае?
— Самый раз до Нумангай дошел.
Миронов задумался. Потом принял решение:
— Можешь сейчас дать нам оленей с каюрами, чтоб к ночи были в Нумангае?
— К ночи, однако, нет. К утру можно. Только не дам.
— Почему?
— Зачем тебе олень мучить? Тебе с утра дадут вертолет, ты там один час будешь. У меня олень колхозный, я ему жир нагонять должен. А ты ему жир протрясешь, однако.

Миронов посмотрел на измученных людей, некоторые уже спали. Только Луганов, с большим трудом преодолевая дремоту, прислушивался к их разговору. Миронов вытащил карту. Нумангай был поселок оленеводов, в ста пятидесяти километрах от стойбища. Дороги туда не было. На таком же расстоянии отсюда лежал Учан — другой поселок, откуда и была здешняя бригада. Населенные пункты, лесхоз и лесопилка располагались в нескольких стах километрах к югу, прижимаясь к трассе. Миронов посмотрел на бригадира. Эвенк спокойно покусывал трубку, женщины трудились около очага, подкладывая туда полешки. «Придется ждать вертолета», — решил Миронов. Он поблагодарил бригадира, и тот протянул ему, предварительно вытерев о штаны, руку. Миронов пожал ее и откинулся на шкуры. Было жарко, клонило ко сну, но мысли об Оборотне мешали заснуть. Миронов вышел из юрты. Мороз окреп. Было ниже сорока градусов. Он с тревогой посмотрел на низкое небо — при плохой видимости вертолет может и не прилететь. Вокруг слышался лай собак, невдалеке чмокали губами олени.

Утром погода переменилась. Мороз ослаб, поднялась метель. Теперь вертолета ждать бессмысленно, и, досадуя на свое вчерашнее решение,

Миронов заставил бригадира запрягать оленей. Скоро в двух кошевах они помчались по тайге, рядом на лыжах бежали каюры, изредка валясь в кошеву. Путь предстоял не близкий. Ветер гудел все ожесточеннее, снег бил в лицо. Закутавшись в шкуры, они лежали в кошевах, и каждый думал о своем.

Белые очереди поземки хлестали по оленьим мордам, колко стегали лицо. Вокруг все гудело и свистело. Надо было непрерывно оттирать щеки, избитые иглами пурги. Вокруг стало сумрачно, как ночью. Олени постепенно замедляли бег. Пурга завывала все яростнее. Олени перешли на шаг. Миронов, закусив губу, думал о том, что Оборотною помогают не только обстоятельства, но и природа.

До поселка добрались глубокой ночью. Измученные спутники Миронова тут же завалились спать, а сам он начал разыскивать председателя поселкового Совета. Наконец председатель появился в правлении — новом тесовом доме. И тут выяснилось, что человек, которого привез сын бригадира, был здесь и сидел в том же правлении, в задней комнате, под замком. Послали за механиком. Через полчаса заработал движок, вспыхнули лампочки, и перед Мироновым предстал широкоплечий человек, с обросшим лицом и черными патлами всклокоченных грязных волос. Это был не Оборотень.

— Кто такой? — резко спросил Миронов.

Человек молчал.

Тогда выступил вперед высокий юноша-эвенк:

— Начальник, он беглый.

— А вы кто?

— Это сын бригадира, — пояснил предсельсовета, — он мне и сказал, что человек подозрительный.

— Покажите его документы, — попросил Миронов. Ему показали шоферские права и паспорт на имя Опанасенко Сергея Валерьяновича, двадцать восьмого года рождения, родом из Якутска.

— Вы убили Опанасенко? — спросил Миронов.

— Никого я не убивал, — тонким голосом сказал человек.

— Убил, убил, — подтвердил юноша, — не ври, однако. И на стойбище недаром вышел...

Миронов вдруг страшно устал от всего этого; он отвернулся от убийцы и сидел сейчас на табурете, глядя в угол. Выручил Луганов.

— Ну, мнимый Опанасенко, — сказал он, — расскажите, как вы тут оказались.

— Чего рассказывать, раз сразу не верите? Я рабочий из партии.

Сбился с дороги...

— Из чьей партии?

— Как это «из чьей»?

— Фамилию начальника.

— Семенов.

— Нет здесь такой партии, говорите правду!

— Ну и убил! — сказал вдруг убийца с прорвавшимся жесточением. — Убил — и хана. Понял?

— Откуда сбежал?

Убийца немного помолчал, потом разом, словно уже давно хотел рассказать, да некому было, изложил все. Как он сбежал во время лесозаготовки — ему оставался срок еще семь лет, — как уговаривал шофера поехать на то место, где он двенадцать лет назад закопал золотые вещи, как шофер не согласился и он оглушил его, а потом оглушенного и почти потерявшего сознание долго вел в тайгу, пока тот не начал приходить в себя, тогда-то он и убил.

Чем больше Миронов слушал исповедь преступника, тем больше убеждался, что тот не врет и что никоим образом он не был связан с Обратнем.

И Миронов стал думать, как выбраться из глухомани таежного поселка в Якутск. На вертолет рассчитывать не приходилось — погода не позволяла. Радисту было приказано, как только прояснится, передать в Якутск об их местопребывании. Радист пообещал сделать все возможное. Вертолет прилетел только на третьи сутки. За это время Миронов сильно похудел. Луганов тоже плохо выглядел. Они почти ни с кем не общались, даже между собой разговаривали мало.

В Якутске их встретили сочувственно, сообщили, что звонила Москва. В Центре тоже знали об их поисках. В Якутске продолжалась тщательная проверка всех лиц, появившихся в аэропорту, однако следов Обратня не обнаружили. Миронов и Луганов стали прикидывать, какими же путями Обратень, попавший на Север, попытается вырваться оттуда. На следующий день им позвонил начальник горотдела милиции.

— Товарищ Миронов, вы ведете дело Дорохова-Быкова?

— Я.

— Тут у нас интересный случай. Может, приедете?

Миронов немедленно выехал в горотдел, оставив Луганова в качестве диспетчера поисков. В горотделе ему рассказали следующее. Четыре дня

назад является в милицию гражданин и начинает обвинять сотрудников милиции, что они плохо работают. После длительных расспросов выяснилась неприглядная история. Оказывается, он — Огненко, инженер — собирался вылететь в командировку в Иркутск. В ресторане гостиницы познакомился с одним приличным человеком. Они вместе позавтракали, выпили, рассказали друг другу про свои дела. До отлета осталось еще несколько часов. Гражданин, как выяснилось, тоже летел в Иркутск. Инженер пригласил нового знакомого к себе на квартиру. Там они продолжали беседу и много пили. А когда на следующий день инженер пришел в себя, гостя уже не было, не оказалось и бумажника, в котором кроме денег были документы и авиационный билет до Иркутска. Сначала этому не придали значения, сочли обычным ограблением, и только сегодня один из следователей решил проверить, улетел ли кто по билету инженера в Иркутск. Оказалось, что самолет ушел с полной загрузкой.

Мионов немедленно потребовал, чтобы вызвали инженера. Через некоторое время явился маленький испитой человек и вновь повторил свой рассказ. По его словам, это был невысокий, хорошо сохранившийся мужчина лет сорока с лишним, с темной бородкой и ямочкой на подбородке. Он сказал инженеру, что по профессии он экономист и что летит по делам в Иркутск.

— Какую фамилию он вам называл? — спросил Мионов.

— Лоскутов, — ответил инженер.

Мионов достал несколько фотографий, среди них была и фотография Дорохова с подрисованной бородкой.

— Похож?

Инженер заметно обрадовался:

— Он! Так вы его знаете? Обязательно сообщите мне, когда задержите. Я ему все выскажу, что думаю! Вор! Прикинулся экономистом!..

Через несколько минут Мионов был уже в управлении. Луганов изумленно вскинул голову, когда Мионов ворвался в кабинет:

— Оформляй бумаги! Оборотень в Иркутске.

Ночью они вылетели в Иркутск.

Мионов и Луганов прежде всего опросили сотрудников, дежуривших в аэропорту. Один из них видел человека с небольшой бородкой, который несколько дней назад прибыл рейсом Якутск — Иркутск. Сотрудник вместе с милиционером проверили его документы, они оказались в полном порядке. Кроме того, при паспорте была предъявлена командировка от комбината «Якуталмаз». Человек был отпущен. В течение последующих

четырёх дней проверили несколько граждан, внешностью напоминающих Дорохова-Быкова. Но все это были лица, задержанные по ошибке.

Опять наступило время ожидания и размышлений. В одном из кабинетов управления, куда Миронова и Луганова занесла судьба, Андрей Иванович раздумывал вслух:

— Василий, как бы ты или, положим, я стал себя вести вот в таком случае?

— Я бы отсиживался, — ответил Луганов, — попытался бы переждать. А ты?

— Я? — Миронов засмеялся. — Я бы наоборот. Дерзал бы!

— А каким образом тут можно дерзать? — поинтересовался Луганов. — Он теперь твердо знает, что его ищут, что на всех путях и вокзалах установлено дежурство. Что ему можно делать?

— Во-первых, попытаться договориться с проводником о проезде без билета... И тогда проводник был бы заинтересован скрыть такого пассажира.

— Риск, — напомнил Луганов. — Ведь показаться на вокзале и то небезопасно.

...Вечером они вышли на улицу. Сыпал мелкий снежок, морозило. Они направились к гостинице. Шли по заснеженному городу и в который раз перебирали в памяти все свои упущения.

— У нас, к сожалению, нет никаких данных, кого Оборотень может знать в Иркутске, — размышлял Луганов.

— Я уже попросил товарищей связаться с Крайском, чтобы там выяснили, кто и когда мог приезжать из Иркутска и общаться с Дороховым, когда он работал в плановой комиссии. Передал в Москву, чтобы допросили Ярцева, Нахабина, Спиридонова, Пивнева о всех иркутских знакомых, которых мог бы знать Оборотень, но этого, к сожалению, недостаточно.

— Это верно, — сказал Луганов, — далеко не достаточно. Он прожил в нашей стране не один год. Отыскать все его связи трудно.

Они шли не спеша по опустевшим улицам. Миронов с наслаждением вдыхал свежий холодный воздух. Он любил зиму. Она приносила с собой свежесть, бодрость, здоровье. А сибирская зима ему особенно нравилась. Конечно, не в пятидесяти-шестидесятиградусные холода, но эта температура долго и не держалась. Вот и сейчас он упивался морозным воздухом, с удовольствием смотрел на зависший над крышами дым. Скоро показалось здание гостиницы.

...В десять вечера Миронову позвонили. Говорил начальник

управления.

— Андрей Иванович?

— Да, товарищ генерал.

— Из Москвы получено крайне интересное сообщение. Вы не приедете в управление?

— Сейчас буду.

Всю дорогу к управлению Миронов раздумывал над тем, какую новость мог сообщить генерал.

Когда он вошел в кабинет, генерал протянул ему бланк с отпечатанным текстом. В нем сообщалось, что у Пивнева в Иркутске живет родственник — Колесников, дядя жены, пенсионер, и что при Соколове о нем дважды заходила речь. Адрес родственника Соколов слышал.

— Мое мнение — выждать до завтра и действовать, — предложил генерал. — Наши люди уже посланы для наблюдения за квартирой. Согласны, майор?

— Нет, товарищ генерал, — ответил Миронов, — я не могу с этим согласиться. В Калуге за квартирой, где жил Оборотень, тоже велось наблюдение. Больше того, он был в засаде. Однако ушел. Ушел так, что никто и не заметил. Я думаю, товарищ генерал, ехать надо сейчас же. Проверить, кто этот родственник Пивнева, и расспросить его о том, был ли у него гость.

— Ваш товарищ будет с вами?

— Я думаю, что для беседы с хозяином хватит и меня одного.

— Поступайте, как считаете нужным, — сказал генерал.

Миронов выехал в предместье Марата, где жил родственник Пивнева. Маленькие частные домики стояли по обеим сторонам улицы. Машина, проваливаясь в ухабы, подъехала к двухэтажному деревянному дому, в котором жил родственник Пивнева.

Из подъезда вышел человек и подошел к Миронову:

— Товарищ Миронов?

— Да.

— Из квартиры никто не выходил. Собственно, там не квартира, а коридорная система, поэтому следить трудно. Самого Колесникова дома нет.

— Спрашивали, где он?

— Выясняем. Мы только минут сорок как тут.

— Ясно.

Миронов вышел из машины, вошел в подъезд. Это был старый дом с входными дверями внизу и на втором этаже. Миронов прошел по тускло

освещенному коридору, загроможденному ветхой мебелью и ненужным хламом, и остановился возле комнаты пятнадцатая. Ему нужна была девятнадцатая комната, но навстречу брел какой-то человек, в полутьме казавшийся горбатым. Это был дед с мешком за плечами.

Старик, что-то бормоча и вздыхая, дошел до конца коридора и начал спускаться по лестнице. Миронов подошел к девятнадцатой комнате, постучался. Никто не ответил.

— Вы к Колесникову, что ли? — спросила вышедшая из соседней комнаты женщина. — Уехал он.

— Давно? — спросил Миронов.

— Почитай, дня три.

— С другом уехал-то или один?

— Один, — сказала женщина. — А вы к его товарищу?

— Да, мне с ним поговорить надо было.

— Так он сегодня здесь был. Может, еще придет.

— Он во сколько обычно приходит?

— Да мне показалось, он совсем перед вами был. Слышала, вроде кто ключом возился в замке.

— Сколько времени назад?

— Да минут пять, не больше.

— Спасибо. Может, я его еще догоню.

Он выскочил вниз, отыскивал сотрудников, наблюдавших за домом, и предупредил их, что гость Колесникова тут, надо его ждать, и спросил, не выходил ли кто-нибудь в ближайшее время.

Сотрудник сообщил, что выходило четверо: женщина, два мужчины и старик. Один из мужчин очень высокий, другой на протезе — оба на Дорохова не похожи. Старик и женщина тем более.

Миронов подумал, что Оборотень мог бы загримироваться под кого угодно. Он попросил сотрудников продолжать наблюдение и фиксировать всех входящих в дом и выходящих, еще раз напомнил, что Оборотень очень хитер и его приемы обмана крайне разнообразны. Потом Миронов снова поднялся вверх. Он постучал в дверь женщины, с которой только что разговаривал, и спросил ее, не знает ли она, к кому мог поехать Колесников в Ангарске.

— Так он к дочери поехал, — сказала женщина, — она в Байкальске живет.

— В Байкальске?

— Там район так называется. На окраине.

— А номер дома не помните?

— Нет.

— Вот досада! Три дня командировки — и не застал его, — проговорил Миронов.

Он вышел из дома и направился к перекрестку. Там ждала машина. Из машины он соединился с начальником управления.

— Товарищ генерал, поговорите, пожалуйста, с ангарскими товарищами. Надо найти дочь Колесникова, проживающую в Байкальске. Я думаю сейчас туда съездить.

— Есть ли в этом смысл? Ведь адрес установят только завтра.

— В Байкальск ехать придется. А сейчас или завтра — какая разница?

— Смотрите, майор. Там могли бы обойтись и без вас. Но вас не переубедить. Поезжайте. Я распоряджусь, чтобы в гостинице оставили место.

— Спасибо, товарищ генерал.

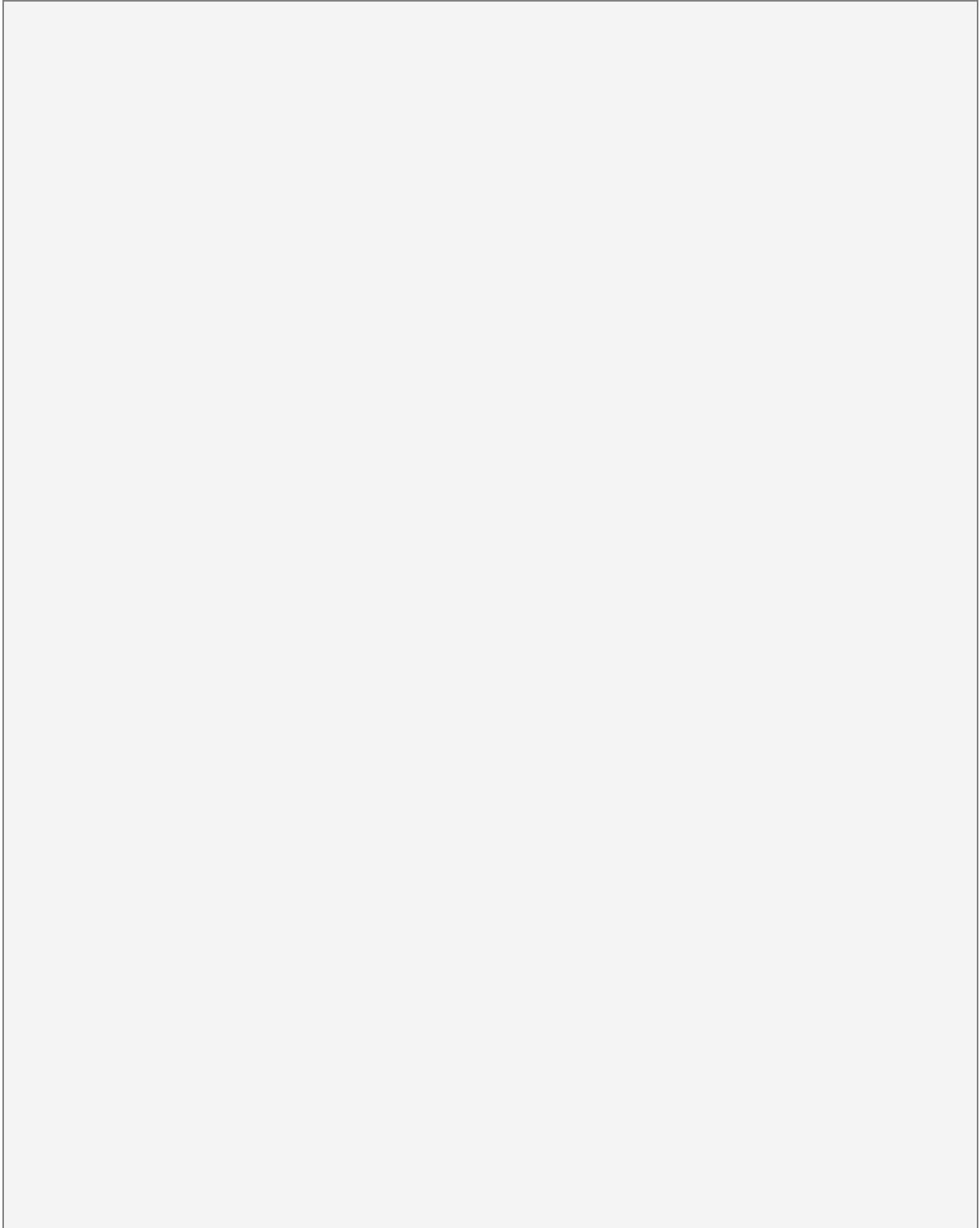
Миронов попросил шофера подвезти его до вокзала. Конечно, можно было бы прямо на машине проехать в Ангарск, всего пятьдесят километров, генерал не возражал бы, но Миронову хотелось посмотреть, как работают сотрудники на вокзале, которым было поручено задержать Оборотня, если бы он там появился. Последняя электричка уходила в одиннадцать семь, он успевал на нее.

Миронов, проталкиваясь сквозь толпу, вышел на перрон. Он знал, что среди пассажиров есть и те, кто ждут здесь Оборотня. Электричка стояла на одном из путей. Он прошел мимо вагонов, заглядывая в окна. Изредка мелькал один-другой пассажир. Видно, народу будет немного. Он прошел до конца поезда, потом повернул обратно. Киоски на платформе разделяли пути. За одним из киосков он заметил человека. Миронов остановился и стал наблюдать. В свете фонарей он видел беличью шапку с длинными ушами, мешок за плечами. В фигуре было что-то странно знакомое. Память у Миронова всегда была превосходной. Он припомнил: это был тот старик, что встретился ему в коридоре дома, где жил Колесников. До отхода электрички оставалось минуты три. Миронов продолжал наблюдать. Старик постоял еще несколько секунд и вдруг быстро побежал к вагону и впрыгнул в него. Миронов вошел в ближайший вагон, прошел через несколько вагонов и остановился в тамбуре вагона, в котором сидел старик. Мешок он куда-то убрал, и теперь Миронову видны были лишь его шапка и полушубок.

Под стук колес электрички Миронов прошел по вагону и сел напротив старика, через проход.

Электричка все ускоряла и ускоряла ход. Миронов, делая вид, что

дремлет, из-под ресниц следил за стариком. Несколько раз он заметил, что старик украдкой приглядывается к нему.

На следующей станции в вагон вошел подвыпивший парень и сел напротив старика. Парню явно хотелось поговорить.

— Дед, — сказал он, — у тебя выпить нету?

Старик покачал головой.

— Сам не пью и другим не даю, сынок.

Миронов прислушался к его голосу. Голос был с хрипотцой, но, как ему показалось, не свой, фальшивый.

— А чего не дашь, дед? — спросил парень. — Сам не пей, а другим давай. Жадный, что ли?

Старик не ответил. Парень немного помолчал, потом повернулся к Миронову:

— Слышь, друг, закурить есть?

Миронов открыл глаза.

— Вы мне?

— Говорю: закурить есть?

Миронов вынул пачку сигарет и встряхнул их. Парень взял сигарету, попросил спичек. Миронов дал ему прикурить.

Все это время он не упускал из вида старика. Старик показался ему подозрительным с той минуты, как он увидел, что тот прячется за киоском. А сейчас Миронову показалось, что борода и усы у старика накладные.

— Какая следующая станция? — спросил старик, и Миронов опять отметил нарочито хрипучие нотки в его голосе.

Он покачал головой, показывая, что не знает, и сделал вид, что задремал. Сквозь ресницы он смотрел на старика и думал: уж не галлюцинация ли это перенапряженного мозга?

— Далече едешь? — спросил его старик.

— В Ангарск, — ответил Миронов.

Теперь голос у старика был на самом деле стариковский. Миронов подумал, как вести себя со стариком. Он был в зимнем пальто с каракулевым воротником, в меховой ушанке. Значит, — надо изображать служащего. Но стоило ли изображать? Теперь было видно, что старик — это старик. Сходство старика с Оборотнем ему просто померещилось. «Надо себя контролировать», — решил Миронов. Старик что-то спросил у него, но Миронов отмахнулся и закрыл глаза.

Через некоторое время вошло много пассажиров, и Миронов, стиснутый вновь подсевшими, лишь изредка поглядывал в сторону старика, который беседовал с соседями. И вдруг... Миронов даже усомнился: уж не

ошибка ли? Нет, в самом деле у старика отстала одна бровь. По беспокойным взглядам, которые бросал старик, Миронов понял, что тот чувствует неполадки, но надеется, что никто ничего не замечает. Он еще сильнее надвинул на лоб шапку, поднес ко лбу руку, словно пробуя температуру, но глаза его, цепкие и внимательные, непрерывно останавливались на окружающих. Миронов следил за ним из-под ресниц. Это был Оборотень. Теперь Миронов не сомневался в этом. Средних размеров тонкий нос, зеленые, совсем не стариковские глаза, даже форма лба, на который дед поглубже натягивал свою шапку, была дороховская — узкая, покатая, столько раз изученная Мироновым по фотографиям. Неожиданно по острому и короткому взгляду старика, который Миронов почувствовал на себе, он понял, что и сам не остался вне наблюдения. Это было очень некстати. Он сидел, слушал бормотанье подвыпившего парня и размышлял, что можно предпринять. Вот-вот должна была пройти проверочная бригада. Но ее все не было. Попытаться взять? Или проследить? Он старался не смотреть в сторону старика, но уже чувствовал, что между ними протягивается ниточка взаимного осторожного внимания. Как бывает, когда два человека еще не знают, но инстинктивно чувствуют друг в друге врага.

Тем временем старик начал болтать с подвыпившим парнем. Это был обычный вагонный разговор, в котором касаются погоды, полетов в космос и оплаты трудодня в колхозе. Но скоро парень спросил старика:

— Ты, дед, из какого району будешь?

— С-под Тулуна, сынок, — ответил дед и вдруг стал собираться.

— Земли у вас там хорошие, — говорил парень, — я там бывал. С какой деревни-то?

— А с Захаровки. — Дед потянул на себя мешок, лежащий между ног. — А какая остановка-то?

— Мигет, — сказал кто-то.

— Ай прикорнуть? — спросил у самого себя дед, уселся поудобнее и начал дремать.

Миронов огляделся и, пройдя мимо старика и как бы нечаянно задев ногой его мешок, вышел на площадку. Отсюда сквозь стекло он мог видеть затылок старика. В мешке было что-то мягкое, и горбился старик, когда его нес, напрасно. Миронов глядел, как старик дремлет: голова его все ниже клонилась на грудь. Что делать? Как предупредить своих? Куда едет Оборотень? В Тулун, как он сообщал? Вряд ли. Где он выйдет? Надо брать прямо на перроне. Доехать до станции, где Оборотень собирается сойти, там успеть предупредить милиционера, а самому за ним. Миронов стоял на

площадке, курил и смотрел на старика. Тот поднял голову. Миронов отвел глаза и стал смотреть, как поднимается дымок от его сигареты.

Опять станция. Дед зашевелился, даже встал и пошел к дверям; вышел в противоположную дверь вагона, стал там, как и Миронов, спиной к двери в другой вагон и посмотрел сквозь стекла на пассажиров. Кроме него, никто не поднялся. Тогда дед вернулся, взял мешок, который оставлял. Он снова прошел в тамбур и встал около двери на площадке. Миронов понял, что старик изучает всех, кто мог следить за ним, и теперь Миронов в поле его зрения. Он подошел к выходу и стал смотреть в замерзшее стекло, потом сделал на нем небольшое пятно, чтоб можно было смотреть на улицу, и тут же подумал, что старик может выйти в противоположную дверь. «Хотя электричка — не поезд, любую дверь в ней не откроешь», — успокоил себя Миронов.

Объявили, что следующая остановка — Ангарск.

«Только он выходит, я его беру», — решил Миронов и вдруг заметил, что старик снова бредет в вагон. Он сел на свое место, поставил у ног мешок и прикрыл веки. Миронов продолжал стоять у дверей. «Ладно, — решил он, — отъезжаем от Ангарска, и если в вагон войдет хотя бы несколько человек, попытаюсь взять его. Если нет, беру на следующей остановке. Впрочем, — остановил он себя, — надо брать сейчас, в Ангарске». Миронов шагнул к двери вагона. Поезд замедлил ход. Он открыл дверь, вошел в вагон и увидел, что старик уже открыл дверь другого вагона. Миронов почти бежал по вагону. Поезд остановился, и толпа пассажиров ринулась в дверь. Миронов уже проскочил второй вагон, а шапка старика мелькнула в водовороте ворвавшихся в вагон и исчезла... Миронов рванулся к выходу. Ангарский перрон был заполнен людьми. Он хотел было найти милиционера, но далеко, уже около вокзала, мелькала беличья шапка, и Миронов помчался вслед. Да, допущена ошибка. Надо было брать в вагоне. Правда, еще не было полной уверенности... А теперь необходимо нагнать и взять. Впереди у трамвая опять была толчея. Миронов подбежал в тот момент, когда трамвай тронулся. Миронов увидел беличью шапку и вскочил на подножку. Двери не закрывались, вагон был переполнен. На каждой остановке Миронов следил, не выйдет ли старик, но тот не появлялся. Миронов с ожесточением винил себя в упущенной возможности, боялся ошибки — старик мог и не сесть в трамвай, мало ли беличьих шапок...

Трамвай петлял по улицам, на остановках входили и выходили люди. Однако количество пассажиров поредело. Старика в трамвае не было видно. Миронов решил доехать до конечной остановки, позвонить

местным товарищам и начать поиски.

— Байкальск, — объявил кондуктор, — конечная.

Мионов вспомнил: дочь Колесникова живет в Байкальске. И в этот момент с передней площадки спрыгнул старик в беличьей шапке. Вероятно, он стоял за перегородкой, рядом с вагоновожатым. Мионов побежал за ним... Старик свернул в какой-то переулок. Мионов кинулся туда же и, завернув за угол, увидел, что дома кончились. «Старик где-то спрятался и ждет меня, — подумал Мионов. — Скорее всего, вон в той подворотне. Там нет ворот, да и деться ему больше некуда». Не торопясь Мионов двинулся к подворотне. Где-то невдалеке залаяла собака. Мионов остановился. «Может быть, там?» Собака лаяла все яростнее. Мионов пошел на лай, к закрытой калитке. Он уже протянул руку, чтобы ее открыть, но калитка резко распахнулась и на него ринулся старик. Мионов ударил первым, но промахнулся, и в тот же миг шапка слетела с его головы от удара чем-то тяжелым. Мионов пошатнулся, следующий удар пришелся по лицу, но Мионов, падая, успел схватить Оборотня. Известным приемом он перекинул Оборотня через себя. Однако опоздал кинуться и придавить его. Вскочили они одновременно. Теперь они стояли лицом к лицу... Мионов чувствовал, как горячо заливает ему лицо кровь, в голове гудело, но и Оборотень, с которого во время схватки была сорвана борода, выглядел не лучше. Они смотрели друг другу в лицо.

— Соколов, — сказал Мионов, — сдавайся!

В ту же секунду Оборотень бросился на него. Мионов отпрыгнул, но Оборотень этого и ждал. Он пронесся мимо и завернул за угол. Мионов помчался за ним, на ходу доставая из кармана пистолет. Он успел заметить, что Оборотень свернул в какой-то двор, и кинулся туда. Тень человека мелькнула над штакетником, и Мионов, легко перенеся тело, оказался за штакетником.

Оборотень мчался по переулку.

— Стой! — крикнул Мионов и прицелился.

Оборотень обернулся и выстрелил. Пуля пропела над ухом. Выстрелил и Мионов. Он целился в ноги... Но Оборотень продолжал бежать и свернул в следующий двор. Держа пистолет наготове, Мионов обошел дом вдоль забора. Оборотня не было видно. В доме зажглись окна. «Значит, люди слышали выстрелы», — обрадовался Мионов. Он продолжал осторожно обходить двор. Под ногами хрустела щепка, разбросанная по снегу. Вот и поворот. Обожгло череп и, инстинктивно присев, Мионов не целясь выпустил две пули. Боль пронзила плечо, он упал в снег и стал стрелять не целясь. Оборотень не отвечал. Мионов, чувствуя, как кровь

начинает струиться из раненого плеча, прижал рану, продолжая внимательно следить за углом дома. Там было тихо. Он заставил себя немного проползти вперед. Тусклый свет фонаря освещал пустой двор, и тут он увидел тень человека, прижавшегося к стене.

Миронов прицелился.

— Соколов, — крикнул он изо всех сил, но голос его прозвучал совсем тихо, — сдавайтесь!

Тень шевельнулась и... упала. В глазах Миронова вспыхивало алое пламя. С трудом упираясь в снег, он встал, но тут сухо щелкнул выстрел, и Миронов упал. Пуля пролетела рядом, однако подняться он больше не мог. Миронов следил за Оборотнем. Сейчас попробует удрать! Он навел пистолет и ждал. Рука плясала. Если сейчас Оборотень кинется бежать, можно промахнуться. Но Оборотень не вставал. Так они лежали некоторое время. Потом Миронов снова повторил попытку встать. Рука не болела, она тяжело обвисла вдоль тела и была неподвижна, зато в глазах все время вспыхивали и гасли какие-то огненные струйки, но Миронов заставлял себя не обращать на это внимания. Он просунул руку с пистолетом сквозь ребра штакетника, обхватил их запястьем и снова начал подниматься. Ему это удалось. У стены что-то чернело. Миронов, держась за штакетник, шатаясь от слабости, начал обходить забор. Широко расставляя ноги, брел он через двор. Темное тело на снегу зашевелилось и стало подниматься.

Миронов медленно шел к Соколову, а тот, пробуя подняться, поджимал одну ногу, и Миронов понял, куда тот ранен.

— Сидите, — сказал он, подойдя вплотную.

Но Оборотень продолжал вставать. Тогда Миронов толкнул его, и от этого толчка оба упали. Оборотень — на спину, Миронов — на него. Оборотень с силой толкнул его, и Миронов сел, удерживая на весу пистолет.

Оборотень шарил вокруг себя руками. Невдалеке от него Миронов увидел пистолет. Он подтянулся, направил свой пистолет в лоб Оборотня и сказал:

— Сидеть!

Оборотень уставился в дуло, а Миронов ногой отшвырнул его пистолет и чуть не упал. В эту секунду Оборотень стал подниматься. Миронов, чувствуя, что красное пламя застилает ему глаза, размахнулся и ударил его пистолетом по голове.

Миронов очнулся от яркого света, бившего в глаза, и от ощущения острой боли. Он вскрикнул.

— Поздно кричать, — сказал над ним чей-то голос. Он увидел человека в белом халате и в докторской шапочке на голове. — Уже вытащили.

— Что... вытащили? — спросил Миронов.

— Пулю, что же еще, — ответил доктор. — Как же вас угораздило попасть в наше время в такую переделку?

— Как? — Он дернулся, и доктор с силой удержал его на месте. — А где он?

— Лежите, — приказал доктор. — Из вас только что пулю вытащили, так что не прыгайте.

— А где второй? — крикнул Миронов.

— Какой второй? — спросил доктор. — Вас вчера ночью привезли всего в крови, как с бойни.

— Одного?... — помертвевшими губами пробормотал Миронов. — Упустил!.. Опять упустил!.. — Эта мысль билась и билась в его голове. — Сколько времени? — спросил он.

— Восемь, — сказал доктор.

— Утра?

— Утра. Лежите смирно!

— Доктор, немедленно звоните в КГБ! Если не дозвонитесь, то в милицию.

— Звонить не буду, милиция сама сейчас явится. В наше время попасть в больницу с огнестрельными ранами и не иметь дело с милицией?

— Меня нашли одного?

— Думаете, мы по сотне таких находим? Слава богу, война кончилась.

— Доктор, немедленно позвоните...

— Никуда не позвоню... Екатерина Ильинична, спросите, не явились ли из милиции.

— Тут, тут.

— Пусть с ним поговорят, а то у него вон давление поднимается. Перенесите его в бокс.

Через минуту он лежал в маленьком боксе с белыми стенами, перед ним сидел лейтенант милиции с блокнотом для составления протокола допроса.

— Лейтенант, наклонитесь, — шепнул Миронов.

Милиционер сделал строгое лицо, но наклонился.

— Я майор госбезопасности Миронов, — зашептал он, — у меня в одежде должно быть удостоверение...

— Погодите, что-то тут не так, — заметил лейтенант. — Вот ваши

документы. И он показал паспорт с фотографией Дорохова, выданный Огненко Петру Карповичу, инженеру комбината «Якуталмаз».

— А, дьявол! — Миронов чуть не потерял сознание: Оборотень ушел, захватив его документы, а ему подсунул документы инженера, которые украл в Якутске.

— Слушайте внимательно, — настойчиво сказал Миронов. — Мы ловим очень опасного человека. Это он меня вчера ранил, но и сам ранен. Его надо найти. Мы с ним столкнулись в переулке Байкальска.

— Вас оттуда сюда и доставили. Сейчас наши товарищи на месте происшествия.

— Так вот. Надо осмотреть каждый дом. Я уверен, что он там. Ему некуда податься, он ранен в ногу. Надо искать. Сообщите, что он взял мои документы. Немедленно закажите Иркутск, центральную гостиницу, четыреста седьмой номер или просто управление КГБ. Пусть поисками займется майор Луганов. Запомнили? Повторите.

Милиционер повторил.

— Идите.

Лейтенант вышел.

Миронов лежал, откинув голову на подушку. Голова казалась каменной и болела. Как Оборотень мог уйти? Если вынул документы, то почему не убил его? Мысли лихорадочно сменяли одна другую. Что делать? Сейчас этот милиционер позвонит в Иркутск... Это хорошо. Но здесь, на месте, надо действовать немедленно. Самому! Он спустил ноги с кровати. Пол был холодный. Ныло раненое плечо, но он не обращал внимания. Вышел в коридор. Слабость обрушилась на него, ноги подгибались. Он держался за стену... Подошла медсестра, спросила:

— Больной, не рано ли встали?

— Где канцелярия?

— Какая канцелярия, немедленно в палату!

Она подхватила его под руку и хотела уже вести обратно, но он наклонился и шепнул ей в самое ухо:

— Ведите к телефону, немедленно!

Она посмотрела на него недоуменно, потом, взяв его покрепче, повела по коридору к двери с надписью: «Главврач».

— Вот, — сказала она, открывая дверь. — Ему лежать надо, а он рвется к телефону.

Главврач, суровый старик, встал из-за стола.

— К чему эти разговоры? Ведите его в палату!

— Товарищ главврач, — еле слышно сказал Миронов, покрываясь

испариной, — мне надо немедленно поговорить по телефону. Это очень важно.

— Хорошо, если вы такой упрямый.

Миронов с помощью сестры подошел к столу и набрал номер.

— Уполномоченного КГБ. Говорит майор Миронов. Дайте номер начальника Ангарского управления...

Через минуту он уже говорил с начальником.

— Милиция свяжется с Иркутском. Но и вам надо это сделать. Необходимо присутствие майора Луганова. Он в курсе всего. Его следует доставить немедленно. Вам надо проверить весь поселок, опросить водителей и вагоновожатых. Он был ранен в ногу. Уйти мог только с чьей-то помощью. К тому же ему нужен врач. У него была большая потеря крови. Приступайте к поискам, товарищ Косых.

Начальник Ангарского управления спросил, как он будет связываться с ним, и Миронов передал трубку главврачу.

— Не знаю, сможем ли мы поставить телефон в бокс, — усомнился главврач, когда повесил трубку.

— Я должен быть у телефона.

— Тогда вот что. — Главврач посмотрел на сестру. — Организуйте санитарок, пусть они принесут сюда кровать. Около больного нужно посадить дежурную, видите, в каком он состоянии...

— Сейчас все сделаю.

Пока приносили кровать и постель, Миронов все думал о том, как фантастически на этот раз ушел от него Оборотень. Ведь он почти взял врага! И какого!..

Вошел лейтенант милиции:

— Делают все, что нужно, товарищ майор, вот только с Иркутском...

— Не надо Иркутска, тут уже этим занялись... Поезжайте в Байкальск, посмотрите, как там идут поиски, и возвращайтесь обратно. Мне это очень важно знать.

Скоро позвонил Иркутск. Дежурная сестра подала трубку. Говорил начальник Иркутского управления.

— Андрей Иванович, как же вас так угораздило?

— Ничего. Теперь поймаем.

— Поймаем, бригада уже выехала.

— Луганов с ними?

— Возглавляет бригаду.

Миронов поблагодарил. Ему стало немного легче.

Через полчаса вернулся лейтенант и рассказал следующее. Стрельбу

слышали все жители Байкальска. Хозяин дома, во дворе которого шла схватка, долго не решался выглянуть на улицу. А когда он открыл дверь, то застал такую картину: один человек лежал на земле, а другой, наклонившись над ним, что-то делал. На скрип дверей он оглянулся.

— Эй, — закричал человек, увидев хозяина, — сюда!

Хозяин подошел.

— Мы из КГБ, — сказал человек в полушубке, протягивая и тут же закрывая удостоверение, — гнались за опасными преступниками, но сами попали в переделку. Вы нам должны помочь.

— Что делать? — спросил хозяин.

— Сначала перевяжите меня, потом моего товарища, — приказал человек в полушубке. — После этого я уйду. Наше дело секретное, вы знаете.

— Куда вы пойдете раненый?

— Вопросов не задавайте, — холодно посмотрел на него человек в полушубке. — Но помочь, как советский гражданин, обязаны. Согласны?

— Всем, чем могу, готов помочь.

— Ночью ничего не делать. Часов в шесть утра займитесь этим товарищем. Отправьте в больницу. Ясно?

— Да. А потом сообщить?

— Сообщу я, — сказал человек, морщась от боли, — ваше дело помочь только в том, о чем прошу. Вы все поняли?

— Все.

— Итак, ночью ничего не предпринимайте, действуйте только с рассветом.

Ошеломленный хозяин дождался шести утра и позвонил в «скорую помощь». Жизнь Миронову спасло, видимо, то, что вышел хозяин дома.

Миронов задал лейтенанту еще несколько вопросов. Прощаясь с ним, он подошел к двери. В это время из операционной выкатили на подвижной коляске больного.

— Второй раненый за день, — сообщила Миронову санитарка.

Миронов глянул на больного. Секунду он напряженно всматривался в бледное лицо. Потом, схватив за руку лейтенанта, проговорил горячим шепотом:

— Ни на шаг от этого больного!

Коляску провезли мимо. Вид у лейтенанта был растерянный.

— Это Оборотень, не упустите! — тихо произнес Миронов. Его вдруг охватила слабость. Тяжелая волна залила тело. Он услышал, как вскрикнула санитарка, и успел только сказать: — Позвоните и скажите, что

искать не надо.

...Через два часа около его кровати в кабинете главврача собралось несколько человек. Луганов, сидевший у изголовья, пальцем погрозил вновь вошедшим, и они остались у дверей. Миронов медленно открыл глаза.

— Вася, — сказал он, — ну как?

Тогда начальник управления рассказал, что Оборотень уже был обложен со всех сторон. Даже предвидели появление его в Ангарске, когда начали заниматься Колесниковым.

— В нашей работе случайность играет определенную роль, но, как правило, случай лишь венчает работу, — говорил Луганов. — Обратите внимание. Он ехал в Байкальск, потому что там ему было где остановиться, а кроме того, он, видимо, считал, что от преследователей легче уйти на небольшой станции, чем в Иркутске.

— Опять предположения, — улыбнулся Миронов. — Теперь уже можно не предполагать, скоро все выясним на допросе.

Через несколько минут сотрудники попрощались и ушли. У постели Миронова остался один Луганов.

— Сегодня же закажу разговор с твоей женой, а то будет тревожиться.

— Скажи, скоро встану. Или лучше ничего не говори.

— Нет, скажу, что ранен, обманывать не стоит. Но объясню, что рана легкая. Ты, Андрей, молодец!

— Какой там молодец... — задумчиво произнес Миронов. — Ошибок допустил немало. Его надо было брать в поезде. А вместо этого...

— Главное, задача выполнена, — прервал его Луганов. — В трудных обстоятельствах ты действовал, как подобает чекисту. А без ошибок в нашем деле трудно.

При прощании Луганов осторожно пожал Миронову руку.

* * *

Через неделю на московском аэродроме Миронова встречали жена и товарищи. А уже на следующий день его пригласили на допрос Соколова. Когда он вошел в просторный кабинет генерала Васильева, разговор шел о первом допросе.

— Это второй допрос, — говорил генерал Скворецкому и еще двум людям в штатском. — На первом Соколов, едва только вошел в зал, сразу же спросил: гарантируем ли мы ему жизнь, если он чистосердечно

признается в своих делах и сообщит нам все, что он знает об иностранной разведке. Я ответил, что это входит в компетенцию советского суда, а не органов КГБ. Но чистосердечное признание может облегчить его участь, так как будет учтено судом. На это сообщение он возразил, что законы ему известны и что все зависит только от нас.

— Ну и ну, — покачал головой Скворецкий, — привык на Западе к тому, что закон можно обойти, и считает, что и здесь все можно, важно лишь поторговаться.

— Совершенно верно. И когда я объяснил ему наши порядки, он замолчал. Ни на один наш вопрос не ответил. Как вы думаете, — повернулся генерал к офицерам, — будет он отвечать?

— Мы об этом недавно говорили с Василием Николаевичем, — ответил Миронов. — Оборотень не фанатик. Судя по всему, он хитрит, используя каждый свой шанс остаться в живых. Но говорить он будет.

— Товарищи, — сказал генерал Васильев, — задание, порученное вам Центром, вы выполнили. Честь вам за это и хвала. Оборотень вами пойман, теперь ваша задача добиться от него самых подробных показаний. Все ли обдумали?

— Обдумали, товарищ генерал, — ответил Миронов.

— Мы на допросе присутствовать не будем, — продолжал генерал. — Аппаратура есть, и мы все услышим. Лучше провести допрос буднично, чтобы он не возомнил себя важной персоной. Думаю, учитывая его характер, это подействует.

Генерал посмотрел на присутствующих.

— Пожалуй, верно, товарищ генерал, — согласился Скворецкий.

Миронов и Луганов, после небольшого совещания, перешли в обычный следовательский кабинет. Группа генерала Васильева осталась в его кабинете, чтобы с помощью телеустройства выслушать и увидеть ход допроса.

Миронов попросил привести Оборотня. Скоро дверь раскрылась, и конвой, пропустив его в комнату, остался в коридоре.

Оборотень был худ, бледен, но выглядел спокойным.

— Здравствуйте, Соколов, — сказал Миронов, — как у вас со здоровьем?

Оборотень сел, внимательно посмотрел на следователей и попросил закурить. Луганов протянул ему пачку «Примы». Оборотень взял сигарету, закурил и с наслаждением затянулся.

— Я здоров, — ответил он, — рад видеть здоровым и вас. Я не сторонник «мокрых дел». Поэтому удовольствовался только вашими

документами, а на вашу жизнь я не покушался.

Он говорил спокойно и размеренно, поглядывая по временам на зарешеченные окна кабинета. И у Миронова сложилась уверенность, что Оборотень оценил состав следователей и понял, что молчать бесполезно.

— Вы утверждаете, что не сторонник «мокрых дел», однако их на вашей совести немало, — заметил Миронов.

— На моей совести? — задумчиво переспросил Соколов. — Этого, гражданин следователь, вы не сможете доказать.

— В спецлагере под Львовом по вашей милости уничтожены десятки наших людей. Во время своей деятельности в Советском Союзе после войны по вашему приказу тоже погибло немало людей. Кого вы убили в Крайске?

— Я не убил даже вас. Так о чем может идти речь? Моя гуманность меня самого удивляет.

— А когда по вашему приказу был убит тринадцатилетний мальчик, вы и тогда считали себя гуманистом?

Оборотень откинулся на спинку стула.

— Будем говорить логично, — сказал он, стряхивая пепел. — Во всем мире идет война тайных служб. Вам это хорошо известно — вы в ней участвуете. Если на пути разведки становится живое существо, его убивают, независимо от пола и возраста. Тайная служба — это механизм, а у механизма, как известно, нет сердца.

— Расскажите нам о своей работе в этой тайной службе.

— Нет, пока воздержусь.

Миронов холодно посмотрел в глаза Оборотню.

— Ваше дело. Однако напоминаю: нет смысла скрывать то, что имеет много свидетелей. Мой вам совет: отвечать немедленно.

— Я уже выставил свои условия. Буду говорить лишь в том случае, если буду знать, что мне сохранят жизнь.

— Хотите сохранить жизнь, а приближаете обратный результат, — сказал, вставая, Луганов. — Видимо, не все понимаете, раз считаете, что можете торговаться. Кроме того, вас полностью изобличили свидетели: Ярцев, Спиридонов и кое-кто другой. Юренева, Озерова, ваша жена и многие другие тоже дали свои показания. Сейчас мы назвали имена свидетелей. Допрос заканчиваем. Даем вам возможность все хорошенько обдумать до завтра. Если не будете отвечать на вопросы, обойдемся без ваших показаний. Вам ясно?

Миронов следил за выражением лица Оборотня. Оно не изменилось, но на лбу выступили капельки пота.

— Мне можно идти? — спросил он.

— Можно, — ответил Миронов.

Простившись легким кивком головы, Оборотень удалился. Немедленно включился селектор, голос генерала сказал:

— Спасибо, товарищи, зайдите ко мне.

В кабинете генерала Васильева шло обсуждение результатов допроса.

— Я считаю, допрос дал результат, — высказал свое мнение Скворецкий. — Оборотень заговорил.

— А что думают следователи? — спросил Васильев.

— Я думаю, что после того, как ему назвали имена свидетелей, Оборотень заколебался, — сказал Миронов. — У меня твердая уверенность, что он завтра заговорит.

— А я считаю, что допущена ошибка, — произнес один из присутствующих. — Зачем давать ему в руки козыри? Он услышал фамилии свидетелей, понял, что другие его агенты неизвестны, и больше того, что нам уже известно, не скажет.

— Будем ждать результатов завтрашнего допроса, товарищи. Тогда и выясним, была ли это ошибка или правильный прием, — заключил генерал.

На этом оперсовещание закончилось.

На следующий день обсуждали возможные варианты допроса. Миронов предложил выставить свидетелей, которые подтвердят уголовную направленность множества поступков Оборотня. По мнению генерала Васильева и Скворецкого, Оборотня следовало не допрашивать, а уличить.

И когда Оборотень вошел в кабинет, там по-прежнему находились Миронов и Луганов. Оборотень прошел было к стулу напротив стола, где обычно дает показания главный свидетель, но Миронов попросил его сесть в углу. Скоро ввели Ярцева. Тот шел, как всегда, ссутулившись, глядя под ноги и поначалу не заметил Соколова.

— Садитесь, Ярцев, — сказал Миронов, — у меня к вам несколько вопросов. Первый. Обговаривали с Соколовым пытки, которым подвергали в спецлагере пленных, не желающих идти против интересов Родины?

— Так чего обговаривать, — ответил Ярцев, — он нам так и говорил: этого, мол, на всю катушку, другого, мол, слегка прижмите.

— Сам он присутствовал при пытках?

— Всенепременно. Большой специалист. Сразу видит, какой уже дозрел, согласится, значит, а какой сопротивляется. Всегда смотрел и руководил.

По выражению лица Соколова трудно было судить о произведенном впечатлении. Он сидел, облизывая губы, глядя на Ярцева спокойным,

внимательным взглядом.

— Расскажите о внеслужебной деятельности Соколова, — попросил Миронов. — Ткачук утверждает, что вы во Львове со своим шефом собрали по квартирам немало чужого добра.

— Было дело, — с готовностью подтвердил Ярцев, — я при нем числился как шофер. Он мне поручал «организацию». Узнаю, что какая-нибудь квартира, хохляцкая или там польская, полна ценными вещами, скажу ему, ну мы и наваливаемся, навроде с обыском. Он-то все высмотрит, все вскрыет, выведет хозяев и начинает допрашивать, запугивать, а я в узелок что поценнее и скорее оттудова в машину.

— Ложь! — не выдержал Оборотень.

Ярцев обернулся и весь сжался при виде Соколова.

— Михаил Александрыч...

— Что же ты на меня свою уголовщину валишь? — спросил Соколов, строго глядя на Ярцева. — Это ты в такие дела влезал, а мне приходилось тебя несколько раз выручать из немецкой комендатуры. Разве не так?

— Так... — забормотал Ярцев, — вы уж простите, Михаил Александрыч...

— Минутку, Ярцев, — сказал Миронов. — В каком случае вы лжете? Когда говорите, что грабили по приказу своего высокого начальства, или когда подтверждаете, что проделывали это по собственной воровской склонности? А вас, Соколов, предупреждаю, в допрос не вмешиваться, иначе вас выведут.

— Учту, — ответил Оборотень.

Ярцев же, за секунду до этого перетрусивший при виде своего бывшего начальника, теперь, после слов Миронова, понял, что Соколов в таком же положении, как и он, если не в худшем.

Поэтому он быстро успокоился и произнес, обращаясь к Миронову:

— Ошибочка вышла, гражданин следователь, уж больно энтот, — он кивнул в сторону Соколова, — испугал меня поначалу. Так теперь вот сообчаю, — он обернулся к Оборотню, — энтот вот холуй фашистский меня ко всему принуждал! И в пытках я участвовал, потому как его боялся. А насчет грабежу... Ты вот скажи, — закричал он, тыкая в сторону Соколова пальцем, — куда золотые вещички увез, что мы с тобой у старухи Богданович взяли? Молчишь? То-то! Он там на миллион наворовал, — продолжал Ярцев, обращаясь к следователям.

— По чьему указанию вы убили Рогачева?

— По чьему же — по его, конечно! Говорит мне: «Ефимка, там один тип мне опасен может быть. Надо его кончить». Я через окно того

заговорил, а он сзади... Кончали его вместе.

— Значит, и Соколов участвовал? Да?

— Еще бы!

— По чьему указанию убили Диму Голубева?

— Пацанчика-то?

— Тринадцатилетнего мальчика.

— Он приказал. Убери, говорит, чтоб молчал.

— Что вы на это скажете, Соколов?

— Что скажу? — ответил Соколов. — Заставляете всякую шваль грязь на меня лить!

— А сам-то не шваль? — закричал Ярцев. — От наших к немцам подался, ворюга!

— Гражданин Соколов, — обратился к нему Миронов, — вы обвиняетесь в шпионаже в пользу иностранной разведки, а кроме того, в ряде уголовных преступлений, среди которых и кражи, и шантаж, и убийства. Вы не только агент чужой разведки, боровшийся против интересов нашей Родины, но и уголовник — вор и убийца.

— А он и есть! — произнес с мстительным злорадством Ярцев.

— Увести! — приказал Миронов, указывая на Ярцева.

И когда тот вышел, взял трубку:

— Приведите Ткачука.

— Не надо, — вдруг сказал Соколов, — я дам показания. Но немного позже. Сейчас я не в силах.

— Хорошо. У вас перерыв до восемнадцати часов, — решил Миронов. — И обдумайте все как следует, Соколов. Идите.

Соколов, сгорбившись и глядя перед собой, вышел из кабинета.

Включился селектор.

— Все правильно, товарищи, — сказал генерал Васильев. — По моему, не следует только давать ему времени на размышления.

— Под мою ответственность, — попросил Миронов. — Соколов со здравым рассудком. Сегодня заговорит, товарищ генерал. Уголовником очень не хочет выглядеть. Хочет быть агентом.

— Хорошо, — после раздумья ответил Васильев, — под вашу ответственность, товарищ Миронов.

Вечером Соколов явился перед следователями подтянутый и сдержанный и, едва присев, заговорил:

— Граждане следователи, я упорствовал все это время, потому что любое осмысление жизненного пути — дело трудное и требует времени. Теперь подбил итог. Он неутешителен. Я сам себя приговорил, и потому

ваш приговор уже ничего не решает. Однако, я думаю, мои показания, особенно после их опубликования в прессе, помогут другим заблудившимся людям, которые выступают против вашего строя.

Мионов и Луганов переглянулись: предатель и шпион все еще пытался выглядеть внушительно, ему все еще хотелось играть значительную роль. Что ж, пусть. Главное сейчас — показания.

— Я с ранних лет в армии, — рассказывал Соколов. — Советский строй в душе я не принимал, но считал, что, поскольку он дает возможность мне расти по служебной лестнице, я должен взять от него все. Когда немцы напали на Россию, я попал в число тех, кто испытал их первый удар. Я не верил в победу России. Остатки нашей дивизии отходили болотами. Я отстал от отряда и сдался в плен немцам. Так началась моя служба у немцев. Поначалу меня использовали для писания антисоветских листовок, потом начали привлекать в качестве переводчика при допросе важных пленных. В марте сорок второго года я оказался одним из тех, кто присутствовал при допросе генерал-лейтенанта Власова и слышал его сенсационное заявление, в котором он сообщил, что готов выступить против России на стороне Германии. Этот человек произвел на меня сильное впечатление. Я стал участвовать во всех его мероприятиях, помогал формировать Русскую освободительную армию, разъезжал по лагерям, выступал перед пленными, призывал в ряды русского национального войска.

— Понимали вы, что стали пособником гнусных предателей и изменников России?

— В то время нет. Мне казалось, что Власов достаточно умен, что он ведет умную и ловкую игру, обманывает немцев и что позже, после победы Германии, именно благодаря ему удастся возродить новую Россию — Россию на европейских законодательных конституционных основах.

— Вы искренне служили Власову?

— Безусловно. Я верил каждому его слову, помогал ему обманывать немцев, добывая оружие, я сплывал вокруг него сомневающимся...

— Гражданин Соколов, — прервал его Луганов, — ваш рассказ должен быть абсолютно искренним. А в данном случае это не так.

— Я говорю правду.

— Нет, не полную правду, а порой ложь.

— Не понимаю вас.

— Есть переписка Львовского гестапо с Берлином, из которой явствует, что вы были агентом гестапо во власовских войсках.

— Львовские власти этого не могли знать, — сказал Соколов и тут же

осекся.

— Вот вы и сами сознались. Поэтому не надо создавать облик идейного борца. Рассказывайте правду.

Соколов молчал. План, который он задумал в камере, не удался. Теперь надо было либо говорить правду, либо...

— Продолжайте, — прервал его раздумья Луганов. — Итак, вы были работником гестапо при армии Власова. Какие инструкции вам были даны?

— Немцы поверили Власову, — заговорил Соколов, — хотя и напрасно. Ни сам Власов, ни один из его сторонников не способны были к большим политическим комбинациям. Я присутствовал на десятках совещаний в штабе, пил вместе с власовцами, и никто из них не произвел на меня впечатления человека, имеющего свою программу.

— Об этом вы сообщали в гестапо?

— Я информировал их. Я старательно подчеркивал, что власовцев нет смысла опасаться. У меня была мысль, что, если я обезопасу власовский штаб от гестапо, может быть, там найдутся оппозиционеры, действительно способные на что-то значительное. Гестапо, кажется, разгадало мою игру, и я был командирован во Львов и по поручению абвера начал вербовать в наших лагерях людей для разведывательных и диверсионных действий. Однако это был уже сорок четвертый год. Красная армия наступала и била немцев на всех фронтах. С вербовкой шло туго. Мне пришла в голову мысль: почему мы вербуем агентов среди слабовольных людей, трусов, готовых продаться за пайку хлеба? Не попробовать ли вербовать агентов среди стойких и решительных людей. Ведь коммунистическое мировоззрение может и не быть их единственной философией. Я видел по лагерям, что среди борющихся и бегущих пленных встречаются люди, у которых немцы глубоко задели просто человеческое достоинство. Я был уверен, что попади эти люди, скажем, в руки англичан, а не дубоголовых немцев, их можно было бы сделать союзниками в борьбе с большевизмом. И я начал пробовать. Я, конечно, вынужден был и пытаться... Ведь я был озабочен еще и тем, чтобы поставлять как можно больше людей в армейскую школу абвера. У немцев был план, и срывать его я не мог. Но для себя я принял решение: отбирать в истинные агенты только тех людей, которых мне удалось идейно переубедить. Таких оказалось трое.

— Фамилии?

— Спиридонов, Пивнев, Горбачев. Последнего вам не стоит искать, он погиб на моих глазах. Его убили украинцы-националисты, когда он высказал им свое мнение о независимой оуновской Украине... Остальные двое... Но про Спиридонова вы мне говорили... Пивнев под фамилией

Зыбин...

— О нем известно, — прервал его Миронов. — Как и куда вы делись во время наступления украинских фронтов, когда был освобожден Львов?

— Я уже давно предвидел, какой оборот примут события. Летом сорок четвертого года, услышав о высадке союзников в Нормандии, я попросил отпуск. Мне его не дали. Тогда попросил вернуться во власовскую армию. Мне разрешили. К этому времени власовская армия стала распадаться, — Соколов сделал паузу. — В штабе армии я почувствовал, что со мной собираются расправиться. И я немедленно уехал в Берлин. Там я добился назначения в военные части, действовавшие в Северной Италии. Выехал туда. У меня уже давно созрела мысль о переходе к союзникам. И тут как раз войска союзников прорвали фронт. Немецкие части спешно уходили, а я остался у своей хозяйки, приветливой женщины, которая сочувствовала русским. Когда появились союзники, я дождался первого английского офицера и попросил его проводить меня к людям из разведки. Так я оказался у англичан...

Соколов замолчал, потом спросил:

— Нельзя ли сделать перерыв? Я очень устал.

— Хорошо, — согласился Миронов, — перерыв.

Вечером свои показания Соколов начал с того, что сознался в своей шпионской деятельности и назвал разведку, на которую он работал. После этого он рассказал, как был осуществлен его переход через границу и каким образом он устроился в Крайске.

— Еще с давних пор, во время разъездов по лагерям, — рассказывал он, — я хранил у себя документы и биографию капитана Дорохова. Это был храбрый человек, он попал в плен в конце войны, не предал своей воинской чести, но, к сожалению, перед смертью рассказал о себе соседу по нарам. Сосед был агентом гестапо. Через него я получил все сведения о Дорохове. И вот в сорок шестом году в качестве Дорохова я был послан в один из лагерей перемещенных лиц, а затем перешел советскую границу. С этого времени и началась моя акклиматизация в России. Спустя четыре года я написал письмо в Москву на адрес Викентьева и был им встречен. Викентьев пенсионер, он получал письма и относил их по известному ему адресу. Викентьев помог мне встретиться с одним человеком из разведки и с его помощью в пятьдесят втором году я ушел за рубеж. Я закончил курсы при разведшколе и стажировался в разных странах. Потом был направлен в Советский Союз под прежней фамилией — Дорохов. Я немного поездил по стране и наконец осел в Крайске — в этом городе следовало наладить работу. Я взялся за поиски своих прежних кадров, которые завербовал еще

и спецлагере под Львовом, — Ярцева, Нахабина, Спиридонова и Пивнева. Этот лагерь мы ликвидировали. Поэтому люди, завербованные мною для спецшколы абвера, могли остаться даже под собственными фамилиями, им всем после вашего наступления был организован побег. Я начал розыски. Сначала я выяснил, где Спиридонов, и связался с ним. Затем нашел Пивнева-Зыбина. Ярцев был в Крайске, но его не внушающий доверия вид и уголовное прошлое меня настораживали. Но я все-таки решил привлечь и его. Затем я женился. Жена очень любила меня и ревновала. Ее пристальное внимание осложняло мне работу. Однако все шло хорошо, и мне не хватало только рации. Сведения у меня уже были. У жены оказались значительные связи, ее знал председатель облисполкома, бывший партизан. С его помощью я устроился в плановую комиссию при облисполкоме. Раскрывались неплохие перспективы. Во время поездки в пригородный совхоз, где планировали начать постройку крупного завода по производству удобрений, я встретил человека, который меня сразу узнал, — Рогачева. Я был уверен, что Рогачев расстрелян. Каким образом он оказался в живых, до сих пор не могу понять. В городе, в подполье которого он работал, его считали провокатором. Этому верили и партизаны. Поэтому я был убежден, что он пойдет ко мне на службу. Другого выхода у него просто не было. Однако он отказался. Я приказал ликвидировать его... И вот через двадцать почти лет встретил. Я не знал, что делать. Но медлить было нельзя. Я приказал Ярцеву убрать его.

— Вы признаете, что сами принимали участие в ликвидации Рогачева?
Соколов ответил не сразу.

— Признаю, — и замолк.

— Продолжайте, — попросил Миронов.

— Нет, — сказал Соколов, — теперь я чувствую, что говорил напрасно.

— Почему?

— Вы не даете мне шанса. Вы собираете только компрометирующие меня факты. Я раскаиваюсь, что заговорил.

Он умолк.

— Будете говорить? — спросил Миронов.

Соколов молча покачал головой.

Когда его увели, Миронова и Луганова вызвали в кабинет генерала.

— Товарищи, — обратился к ним Васильев, — начало по вашему плану удалось, но теперь совершена ошибка. Действительно, не было смысла подчеркивать его личное участие в убийстве. Соколова надо заставить говорить. Необходимо знать, с кем он поддерживал связь в

Москве, он об этом говорил крайне неопределенно. Думаю, вам следует решить, каким образом восстановить контакт с Соколовым.

Миронов и Луганов вышли из кабинета в большом раздумье.

— Ты себе представляешь, как его заставить говорить? — спросил Миронов.

Луганов покачал головой. Положение было затруднительное. В рассказе Соколов уже подошел к самым последним событиям; кроме того, что в них заключалась важная информация, для Миронова и Луганова она представляла и личный интерес. Ведь именно в это время началась их борьба с Оборотнем.

— А если... — начал Луганов и остановился.

— Ну! — нетерпеливо откликнулся Миронов.

— Может быть, на ставку привезти жену?

— Она ему, как говорится, до фонаря.

— А Юрeneuve?

— Ты надеешься на эмоциональное воздействие? У такого человека, как Оборотень, нет чувств.

Теперь они шли молча по зимней, освещенной фонарями Москве. Вдруг Луганов предложил:

— Знаешь что, будем ждать.

— На измор?

— Да.

— Генерал не согласится. Могут порваться связи, о которых мы должны знать.

— Десятью днями не повредишь делу.

— Да, пожалуй, это единственный выход.

Когда генералу доложили о предложении Луганова, он не возразил, однако все же посоветовал особенно не затягивать с допросом.

...Соколов заговорил на третьи сутки. Он сам попросил вызвать его и сказал:

— Я готов продолжать показания. Теперь он рассказывал о своем бегстве.

— Сразу же после смерти Рогачева я почувствовал себя тревожно. Правда, по сообщению Ярцева, версия, которую я придумал, сработала хорошо. Рогачева, по нашим сведениям, как самоубийцу не хотели хоронить с оркестром. Несмотря на то что тревога моя усиливалась, я должен был ждать. Еще раньше Викентьев дал понять, что скоро должен прибыть человек с рацией. Это было чрезвычайно важно. Тогда я стал самостоятельным и мог сам связываться с Центром...

— Одну минуту... — перебил Миронов. — Сообщите подробнее все, что связано с Викентьевым.

— Викентьев — это Константин Алексеевич Оползнев.

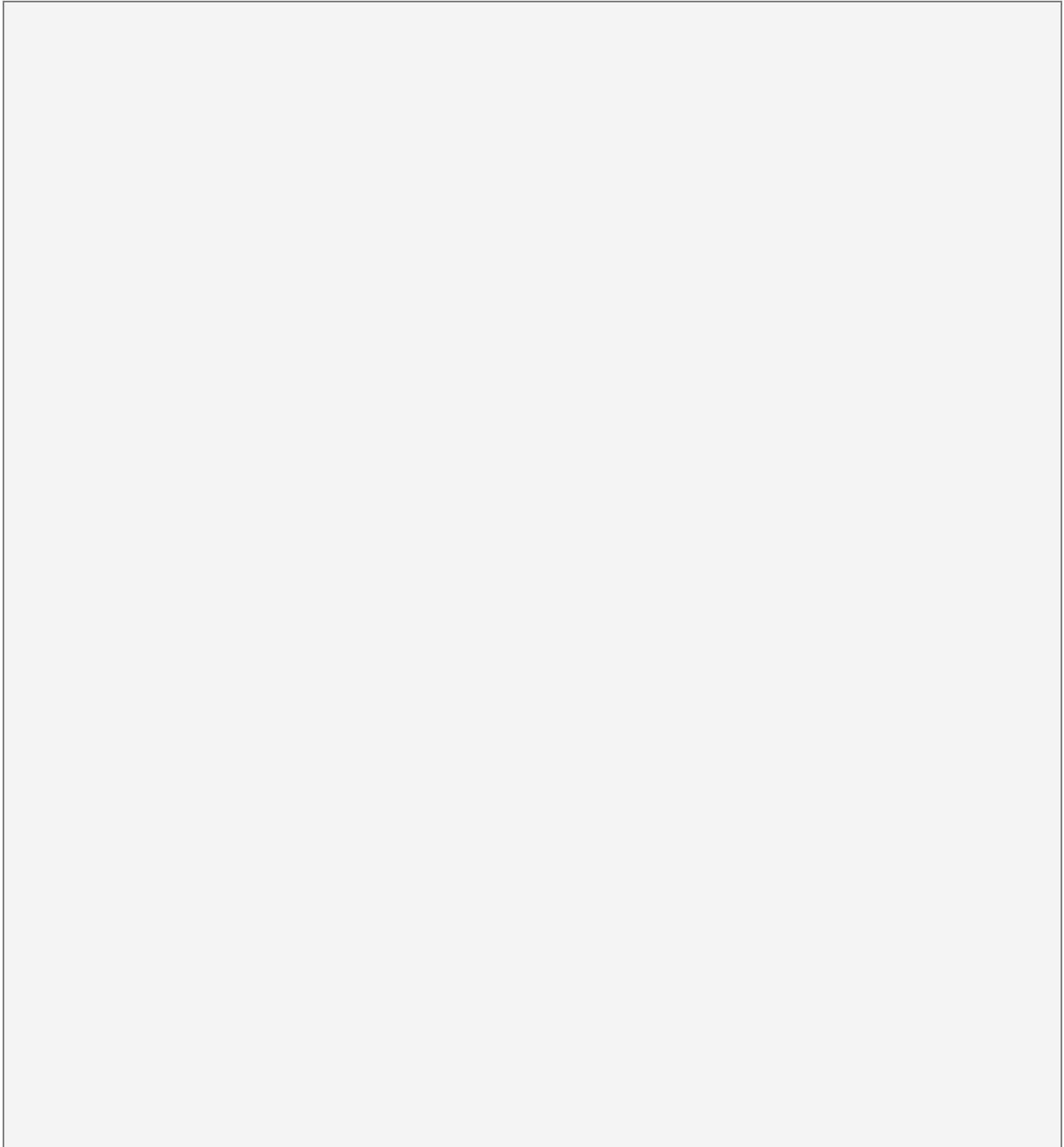
И Соколов дал о нем показания. После этого он продолжал свой рассказ:

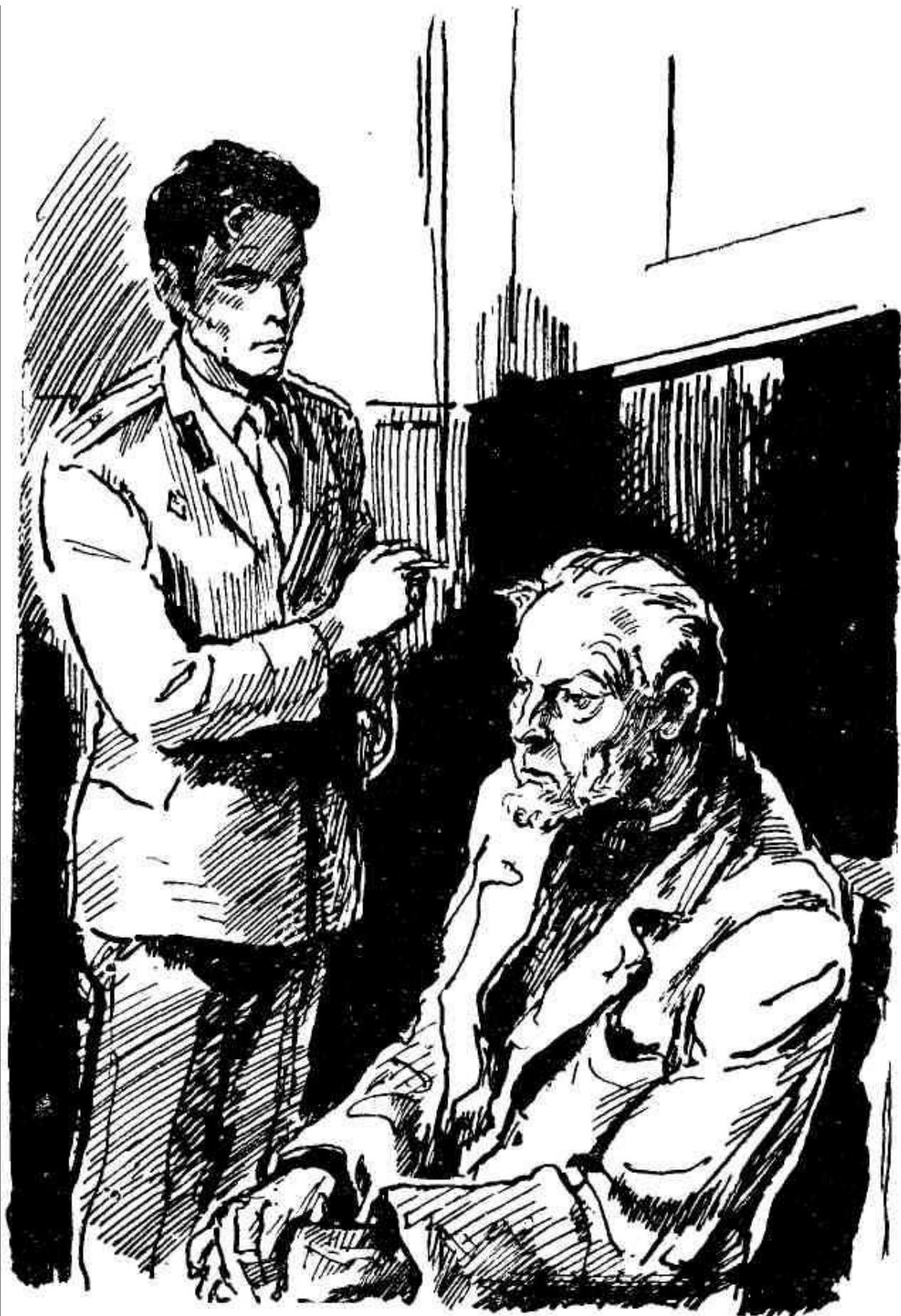
— Наконец я узнал, что объявление на столбе вывешено. Я обрадовался, однако решил проверить, нет ли какой ошибки или провокации. Я послал на свидание Ярцева, а сам начал ждать. Я не был спокоен: убийство мальчика могло навести следствие на какие-то подозрения. Ярцеву удалось выяснить, что слежки нет. Тогда я приказал привести агента. Перед тем как ехать на конспиративную квартиру, зашел к своему начальнику, чтобы в связи со встречей с агентом договориться об отгуле на следующий день. Случайно секретарша проговорила мне, что у начальника сидит сотрудник КГБ. Я понял: пора уходить. На конспиративной квартире я оставил сигнал тревоги для Ярцева. Викентьеву сообщил об опасности. Он замолчал. Я не знал, куда деваться, пришлось воспользоваться знакомой жены — Озеровой. Жена верила мне абсолютно. Поверила она и истории, придуманной мною. Я сказал ей, что встретил немецкого агента и он начал за мной охоту, а я не имею возможности поймать его с поличным. Я послал жене через родственников письмо. Мне важно было узнать, вышли ли на мой след. Ответ задержался. Я это воспринял как сигнал крайней опасности. От Озеровой я ушел не прощаясь. Переоделся в пальто ее мужа, прошел через чердак и вышел из другого парадного — я опасался слежки. Я счел за правило остерегаться автовокзалов и поездов. Выходил на проезжую дорогу и голосовал. Так добрался до Мурома. Там у меня была знакомая.

— Татьяна Николаевна Юренева?

— Да. Однако я знал, что за мной идут по пятам. Из Мурома я ушел, когда узнал, что Юренева хочет навестить мать; мне казалось, что она о чем-то догадывается. Я стал очень подозрителен. Ехал опять на перекладных. Делая вид, что болен, просил шоферов чем-нибудь прикрыть меня. Я уже обратил внимание, что ГАИ очень интересуется пассажирами. В Челябинске удалось продать кое-что из вещей. Затем, загримировавшись, вылетел в Якутск. А там добрался до Зыбина. Этот сразу поехал со мной в урочище и попросил своего друга Степанова принять меня так, чтобы я чувствовал себя как дома. Но беспокойство нарастало, и я решился — поехал в Якутск. На аэровокзале появляться было опасно. Однако я пошел туда и сразу заметил людей, которые очень интересовались внешностью пассажиров. Я повернул обратно. Передо мной шел человек с авиационным

билетом, который он перечитывал. Я стал следить за ним. Он взял такси, я — тоже. Он поехал в гостиницу «Лена». В ресторане я подсел к нему и завел разговор. Потом мы выпили, и он пригласил меня к себе на квартиру. Дома он пил много и заснул. Я забрал у него билет и документы и вылетел в Иркутск. В Иркутске мне удалось поселиться в рабочем предместье у родственника Пивнева. У него я одолжил полушубок и шапку, спрятал в мешок свою одежду и выехал в Ангарск.

— Почему именно в Ангарск?

— В Ангарске не могло быть такого контроля, как в Иркутске, а через него тоже идут поезда дальнего следования и порой останавливаются. Когда я сидел против вас в электричке, меня не оставляло ощущение опасности. Но вы были слишком хорошо одеты для человека, который ведет наблюдение, и к тому же мало обращали на меня внимания. Один раз я все-таки вас заподозрил, когда вы стояли на площадке вагона. Но вы себя ничем не выдали. Я слез с поезда. У меня в Ангарске был только один адрес — Колесниковой дочки, где я мог бы укрыться. На крайний случай я знал, что на окраине в Байкальске большое строительство, а раз так, там легко переночевать. Но у меня созрел другой план: переодеться, пойти куда-нибудь в людное место и с кем-нибудь познакомиться. В переулке встретил вас.

— Как вы ушли в последний раз? — спросил Миронов.

— Когда я очнулся, вы лежали на снегу. Я обыскал вас, нашел документы, договорился с хозяином дома, который перевязал мне ногу, и ушел. Мне надо было проковылять как можно дальше. Тут остановилась какая-то машина, и я попросил подвезти меня до Усоля. Шофер согласился, но я потерял сознание. А когда пришел в себя, был уже в больнице. Остальное вам известно.

— Ясно. Последний вопрос: вы работали по идейным соображениям на наших врагов?

— Видите ли... — задумался Соколов, — вначале мне самому так казалось. Но потом, когда я работал в плановой комиссии, стали приходить другие мысли. Страна живет, работает, люди сыты, заняты делом. Чего еще нужно? Какой такой западной свободы? Но я был связан по рукам и ногам.

— Все понятно. Увести.

Соколов пошел к дверям и остановился.

— Меня расстреляют?

— Это решит суд.

Соколов кивнул головой и вышел.

В кабинете генерала Васильева собрались все участники операции.

— Теперь, когда основные показания получены, — говорил генерал, — а остальное он скоро сам расскажет, выхода у него нет, я от души благодарю всех участников операции. Сложная операция проведена успешно. Показания Оборотня подтверждают, что ошибок было

минимальное количество. Работа велась планомерно и творчески. В своих весьма неожиданных переездах по нашей стране Оборотень всегда чувствовал за собой наблюдение... А главное, побежден опасный и хитрый враг. Мы имели дело с великолепно обученным противником, обладающим к тому же незаурядными личными качествами. От лица управления, товарищи, выношу вам благодарность и отмечаю, что к успеху операции привели опыт и организаторский талант товарища Скворецкого, спокойное мужество товарища Луганова, храбрость и находчивость товарища Миронова. Спасибо, товарищи!

Во время выступления генерал обратил внимание на Скворецкого — полковник выглядел задумчивым, даже угрюмым. После поздравления генерал подошел к нему.

— Кирилл, ты что затосковал? Со своими питомцами взяли такого зверя, а не весел?

— Недоглядели мы одного дела... — тяжело вздохнул Скворецкий. — Скажи, хотел ли ты, чтобы после смерти тебя ругали?

— Что за разговор! Человек всегда стремится оставить хорошую память.

— И я так считаю, но одного мы не сделали.

— Чего же? — нахмурился генерал.

— Помнишь, как Рогачева хоронили? Из-за чего Дима Голубев погиб? Ведь, в сущности, они начали это дело, а мы лишь подхватили.

— Тут ты не прав, — сказал Васильев. — Не поймай мы Климова с рацией, ничего этого не было бы: ни опергруппы, ни выезда к вам Миронова... Но в другом ты прав. Надо отдать настоящие почести старому партизану.

Подошли Миронов и Луганов.

— Товарищи, — обратился к ним Васильев, — про Рогачева вы помните?

— А как же, товарищ генерал, — отозвался Луганов. — Надо его память отметить.

— С Рогачева-то, собственно, все и началось, — добавил Миронов, — с него и Димы. Какой мальчишка был! Против общего мнения пошел, не поверил, что Рогачев был предатель...

— Надо, товарищи, отметить память этих людей, — сказал Васильев, — устранить несправедливость. Память о человеке должна быть такой, какую он заслужил. Надо, чтобы у людей осталась светлая память о Рогачеве.

В начале весны в пригородном совхозе под Крайском почтить память Константина Семеновича Рогачева и Димы Голубева собрались пионеры, солдаты, местные и городские жители.

Первым выступил директор школы:

— Константин Семенович Рогачев, — сказал он, — был человек большой души, настоящий патриот, труженик, человек огромной доброты. На его долю выпало много испытаний. Он жил трудно, страдал и боролся, но своих идеалов не предавал. Многие из нас, видя его каждый день, не смогли различить под его внешней суровостью настоящую душу. И ошиблись, пошли по пути осуждения Рогачева. Но не все поверили в ложное обвинение, были люди, которые начали трудную борьбу за честь Рогачева. Среди этих людей был и Дима Голубев, ученик нашей школы. Его могила рядом с могилой Константина Семеновича Рогачева, его взрослого друга...

В толпе плакали. Когда директор сошел с насыпи, на нее поднялся полковник в форме КГБ.

— Идет война, необъявленная война против первого в мире государства Советов, против наших идеалов. Враг хитер, ловок, имеет опытные кадры. Он старается пробираться всюду. Но на пути его встают все честные советские люди. Сейчас я кланяюсь праху одного из таких людей, чья память Константина Семеновича Рогачева. Он был старый партиец, участник первых пятилеток, боец подполья и партизанских отрядов во время войны. Он пал честно, как положено настоящему бойцу. Он знал, что перед ним враг, знал, что враг беспощаден, и все-таки начал борьбу. Правда, в одиночку. Он погиб, не успев известить нас. Но эстафету этой борьбы подхватил совсем юный, тринадцатилетний советский человек, пионер. И поступил как положено пионеру — вел борьбу против врага. Он тоже погиб, потому что, как и старший его товарищ, хотел сделать все один. Сейчас враг пойман и понесет заслуженную кару. Но надо помнить, товарищи, всегда: когда вы чувствуете близость врага, вы должны обращаться к чекистам. Нельзя бороться в одиночку, это чревато очень опасными последствиями. Я горжусь, что мы, советские чекисты, участвуем в реабилитации имени Константина Семеновича Рогачева. Спи спокойно, товарищ... Пусть земля тебе будет пухом, мы, живые, помним тебя и храним верность тому знамени, под которым ты сражался.

Полковник сошел с насыпи.

Раздался залп, второй, третий.

К полковнику подошли мальчик и девочка.

— Здравствуй, Валерик, — узнал его Скворецкий.

— Это Таня, — сказал Валерка. — Помните, товарищ полковник? Это она письмо принесла.

— Помню. Вы оба тогда нам очень помогли. Сейчас предлагаю прокатиться на машине до города, а потом прошу ко мне на чай с пирожными. Нам есть о чем поговорить, есть о чем вспомнить. Согласны?

— Конечно, Кирилл Петрович. Только пирожных не надо. — Он посмотрел на Таню, и та кивнула. — Мы же не маленькие, нам по четырнадцать...

— А кто сказал, что в четырнадцать лет не любят пирожных? — спросил Скворецкий, направляясь с ребятами к машине.

Там их уже ждали Миронов и Луганов.

